

ТО/2
К27

Ю. КАРЯКИН, Е. ПЛИМАК

Мистер
Кон
исследует
«РУССКИЙ
ДУХ»

ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ

Ю. КАРЯКИН, Е. ПЛИМАК

о

**МИСТЕР КОН
ИССЛЕДУЕТ
„РУССКИЙ ДУХ“**

•

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1961

О Г Л А В Л Е Н И Е

Вместо введения: акмэ профессора Кона	3
Глава 1. Теория национализма Г. Кона.	12
Противопоставление Запада Востоку	—
К вопросу о «постоянстве» национальных традиций . . .	19
Теория идейных влияний	21
О «цивилизаторской миссии» западного колониализма . .	30
Политический смысл «теории» национализма	38
Что сулит Ганс Кон освобожденным народам Востока . .	42
Глава 2. Изыскания Ганса Кона в области русской истории	49
Западники и славянофилы	—
Кон о русском «экстремизме». По стопам III отделения .	63
О чем молчат ценители «Бесов» Достоевского	88
Русские либералы и «народная свобода»	93
«Основы» русской истории без ее основ	116
В творческой лаборатории профессора	119
Роль провидения в исторической концепции Кона	122
Глава 3. Несколько свидетельств коновской лжи	126
Джон Сомервилл против Ганса Кона	—
Фредерик Шуман против Ганса Кона	129
Ганс Кон против Ганса Кона	137
Глава 4. Связь истории с политикой в современном мире	148
О причинах ренегатства Ганса Кона	—
Завещание Франсуа Гизо и современная буржуазная исто- риография	155
Эстафета реакции	161
Способна ли реакция «познать врага своего»	163
О реальных уроках русской истории	169
Заключение	179

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: АКМЭ ПРОФЕССОРА КОНА

Акмэ — слово греческое. В переводе на русский язык оно означает «вершина», «высшая степень совершенства». Когда греки говорили, что мыслитель достиг акмэ, то они имели в виду расцвет всех его способностей, зрелость его идей, высший взлет его творчества. Именно такого состояния достиг, судя по отзывам американской печати, председатель недавно организованного в США Международного общества по изучению истории идей¹, профессор Нью-Йоркского колледжа Ганс Кон.

За плечами Кона — сорокалетний опыт научной работы, два десятка монографий. Один только перечень названий его последних трудов: «Картина мира в исторической перспективе», «Революции и диктатуры», «Пророки и народы», «Двадцатое столетие. Вызов Западу и его ответ», «Национализм, его роль и история»², свидетельствует о том, что Ганс Кон считается историком-теоретиком, историком-социологом.

При всей разносторонности Ганса Кона у него есть и предмет особой любви — проблема национализма. И здесь профессор, по мнению его американских коллег, уже не просто «один из ведущих историков современности», а «самый» крупный, непререкаемый авторитет.

Его главным исследованием в этой области провозглашена вышедшая в Америке семью изданиями и

¹ См. сообщение о назначении Г. Кона председателем общества «The American Historical Review», January 1960, v. LXY, № 2, p. 481.

² World Order in Historical Perspective, Cambridge. Mass., 1942; Revolutions and Dictatorships. Essays in Contemporary History, Cambridge. Mass. 1941; Prophets and Peoples. Studies in 19th Century Nationalism, N.Y., 1946; The Twentieth Century. Its Challenge to the West and its Response, N.Y., 1957; Nationalism. Its Meaning and History, Princeton, 1955.

переведенная на многие языки «Идея национализма»¹. Трудно даже представить себе, с каким энтузиазмом была встречена эта книга среди буржуазных историков США. «Одна из наиболее важных книг, появившихся в Америке за последнюю четверть века», работа, «обещающая стать эпохальной в американской историографии», «наиболее блестящий, всеохватывающий и глубокий анализ идеологических корней национализма, который когда-либо появлялся на каком-либо языке», «одно из величайших достижений нашей эпохи» — так писали о ней американские рецензенты.

В самые последние годы профессор занялся применением своей методологии к истории отдельных стран. Так появились две книги Кона: «Дух современной России» и «Основы истории современной России»². Первая представляет собой объемистую хрестоматию, в которой собраны отрывки из произведений П. Я. Чаадаева, М. П. Погодина, А. Мицкевича, К. Гавличека, Ф. И. Тютчева, А. С. Хомякова, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, А. И. Герцена, Н. Я. Данилевского, В. С. Соловьева, В. И. Ленина, Н. А. Бердяева и Г. Федотова³. Тексты сопровождаются комментариями Кона, предисловие и первая глава излагают его общий взгляд на ход русской истории. Во второй книге Кон более подробно анализирует основные этапы и движущие силы русской истории и также пытается подтвердить свои выводы различными историческими свидетельствами. Публикация выдержек из первоисточников ставит целью подвести «прочный фундамент» под выводы Кона, гарантировать полную «беспристрастность» его оценок. Буржуазный историк предлагает современному американскому и английскому читателю не только высказывания Погодина и Бердяева, но даже Ленина, не только царские манифесты, но и советские декларации — разве, дескать, это не объективность?

¹ H. Kohn, *The Idea of Nationalism. A Study of Its Origins and Background*, N.Y., 1944.

² *The Mind of Modern Russia (Historical and Political Thought of Russia's Great Age)*, New Brunswick. New Jersey. 1955. 2-d Ed. 1957; *Basic History of Modern Russia. Political, Cultural and Social Trends*, N.Y., 1957.

³ Порядок перечисления соответствует построению книги.

«Эти выдержки сами по себе читаются с захватывающим интересом,— написано на суперобложке «Духа современной России».— Но осмысленные и объединенные воедино введением и комментариями профессора Кона, они помогают удовлетворить одну из самых жгучих потребностей нынешнего свободного мира — раскрыть правду о России, понять те основы, на которых она построила коммунистическое государство».

Однако, какую же «правду о России» узнает читатель «свободного мира» из коновских книг?

Центральный тезис Г. Кона, неоднократно повторяемый им в самых различных вариантах, гласит: нет никакой существенной разницы между Россией Советской и Россией царской, их преемственность проявляется в их «тоталитаризме», в их исконной вражде к «свободному» Западу. «Запад и его цивилизация,— пишет Кон,— олицетворяли все то, что Ленин был намерен разрушить. Но он желал также вырвать с корнем всякое западное влияние в России»¹.

Так и говорится: Ленин — враг Запада, хотя Ленин сотни раз писал и говорил, что большевики — продолжатели всего прогрессивного и ценного на Западе, наследники западной демократической и социалистической традиций, хотя эти ленинские принципы нашли свое самое последовательное воплощение в нашей жизни.

Но Г. Кон не просто утверждает, он «аргументирует». В подтверждение мысли о Ленине как «вожде антизападных сил» Кон приводит в книге «Дух современной России» два раздела ленинской работы «Исторические судьбы учения Карла Маркса». В них говорится о перемещении центра революционного движения с Запада на Восток, но, разумеется, нет ничего похожего на призывы «вырвать с корнем всякое западное влияние». При этом «мастер анализа», как называют Кона его коллеги, извратил ленинский текст, заменив отточиями следующие слова: «Не отчаяние, а бодрость надо почерпнуть из факта вовлечения восьмисотмиллионной Азии в борьбу за те же европейские идеалы»². В другом месте слова Ленина о китайской революции, «подрывающей господство европейской буржуазии», Кон

¹ H. Kohn, Basic History of Modern Russia, p. 101.

² H. Kohn, The Mind of Modern Russia, p. 246—247; В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 445.

идет *вширь*. Медленно, но неуклонно идет вперед процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам.

Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами. Внутренне-сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического *оппортунизма*. Период подготовки сил для великих битв они истолковывают в смысле отказа от этих битв. Улучшение положения рабов для борьбы против наемного рабства они разъясняют в смысле продажи рабами за пятак своих прав на свободу. Трусливо проповедуют «социальный мир» (т. е. мир с рабовладением), отречение от классовой борьбы и т. д. Среди социалистических парламентариев, разных чиновников рабочего движения и «сочувствующей» интеллигенции у них очень много сторонников.

III

Не успели оппортунисты нахвалиться «социальным миром» и не необходимостью бурь при «демократии», как открылся новый источник величайших мировых бурь в Азии. За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская. Мы живем теперь как раз в эпоху этих бурь и их «обратного отражения» на Европе. Каковы бы ни были судьбы великой китайской республики, на которую теперь точат зубы разные «цивилизованные» гиены, но никакие силы в мире не восстановят старого крепостничества в Азии, не сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах.

Некоторых людей, невнимательных к условиям подготовки и развития массовой борьбы, доводило до отчаяния и до анархизма долгие отсрочки решительной борьбы против капитализма в Европе. Мы видим теперь, как близоруко и малодушно анархистское отчаяние.

Не отчаяние, а бодрость надо почерпать из факта вовлечения восьмисотмиллионной Азии в борьбу за те же европейские идеалы.

Азиатские революции показали нам ту же бесхарактерность и подлость либерализма, то же исключительное значение самостоятельности демократических масс, то же

Persian, and Chinese revolutions followed on the Russian revolution of 1905. We are now living right in the midst of the epoch of these storms and their reflex action on Europe. Whatever may be the fate of the great Chinese revolution, against which various civilized hyenas are now sharpening their teeth, no forces in the world will restore the old serfdom in Asia or eradicate from the earth the heroic democracy of the popular masses in the Asiatic and semi-Asiatic countries.

The long postponement of the decisive struggle against capitalism in Europe has driven a few people, who are inattentive to the conditions for preparing and developing the mass struggle, to despair and anarchy. We now see how short-sighted and poor-spirited was this anarchist despair. . . .

The Asiatic revolutions have shown us the lack of character and the cowardice of liberalism. Anyone who talks about non-class politics or non-class socialism after the experience of Europe and Asia should simply be put in a cage and exhibited along with some Australian kangaroo.

After Asia, though not in an Asiatic manner, Europe also has begun to stir. The peaceful period 1872-1904 has gone forever. The high cost of living and the yoke of the trusts are causing an unheard-of sharpening of the economic struggle—which is shaking the liberalism of even the most corrupted sections of the English workers. A political crisis is ripening before our eyes even in the most die-hard bourgeois-junker country, in Germany. Furious piling up of armaments and the policy of imperialism are creating in contemporary Europe a kind of social peace which most nearly resembles a powder barrel. Meanwhile, the decay of all the bourgeois parties and the maturing of the proletariat go unswervingly forward.

Ганс Кон фальсифицирует ленинские тексты. В своей хрестоматии профессор заменяет традиционным отточиением мысль В. И. Ленина, опровергающую домыслы Кона о большевиках — «врагах Запада».

переводит так: «подрывающей европейское господство». Таким образом, Ленин из врага буржуазии превращается во «врага Европы»¹.

И, разумеется, совсем не упоминает Г. Кон такие высказывания «врага Запада» о той же Китайской революции: «Не значит ли это, что сгнил материалистический Запад и что свет светит только с мистического, религиозного Востока? Нет, как раз наоборот. Это значит, что Восток окончательно встал на дорожку Запада, что новые *сотни и сотни миллионов* людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад»².

Уверая далее, что русские большевики, действуя в духе «восточного тоталитаризма», не считались с волей народа, что Октябрьская революция была «навязана» ему силой, Кон превращает Ленина в бланкиста. «Доказательством» должны служить отрывки из статьи В. И. Ленина «Марксизм и восстание». При этом в публикации профессор заменяет традиционными тремя точками следующее высказывание Ленина: восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс, на революционный подъем народа, на такой переломный пункт в ходе революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая и когда всего сильнее колебания в рядах ее врагов. «Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании,— указывал В. И. Ленин,— и отличается *марксизм от бланкизма*»³. Об этих трех отмеченных Лениным условиях Кон, дабы обвинить в бланкизме большевиков, предпочел сознательно умолчать.

Что же это такое? Как объяснить наличие подобных передержек у автора, утверждающего, что «первая задача историка — терпеливым и скрупулезным исследованием выявить истинные факты прошлого»?⁴ Может быть, подобные «неточности» — лишнее доказательство того, что Ганс Кон — великий ученый? Ведь для многих из них характерна рассеянность, вошедшая в по-

¹ Н. Kohn, The Mind of Modern Russia, p. 236; В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 435.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 145.

³ Сравните: Н. Kohn, The Mind of Modern Russia, p. 243—244; В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 4—5.

⁴ Н. Kohn, The Twentieth Century, p. 242.

говорку. Но известно, что эта рассеянность относилась к чему угодно, но только не к предмету их научного исследования. Наоборот, потому-то эти люди и оказывались рассеянными в обычной жизни, что они были слишком сосредоточены на своем предмете. Из жизнеописаний крупнейших ученых известно, с какой невероятной скрупулезностью они собирали, проверяли и перепроверяли факты. Каждая невольная, хотя бы одна единственная неточность была для них источником глубочайших огорчений. Обнаружив ее, ученый тотчас же спешил внести исправления. Он мог неверно понять, неправильно объяснить те или иные факты, но для него абсолютно недопустимым было сознательное их игнорирование или нарочитое их искажение. Многие факты могли ему «не нравиться», но и это никогда не служило предлогом для их извращения. Так создавалась одна из самых привлекательных и глубоких традиций в науке — традиция научной добросовестности.

Но когда мы обращаемся к трудам Ганса Кона по русской истории, то «неточности» представляются не исключением, а правилом, оказываются не случайностью, а системой. То, что доказывает американский профессор, и то, как он это делает, одинаково стоит вне всякой науки. Ганс Кон «тоже» сосредоточен, но только на одном: на искажении того, что он исследует. Президент Международного общества по изучению идей, призванного разрабатывать и углублять научную методологию, передергивает цитаты. «Великий социолог» занимается самыми мелкими подтасовками, и в этом может убедиться любой школьник¹. И в добавление ко всему профессор еще уверяет, что особенностью олицетворяемой им «западной науки» является уважение ...к объектив-

¹ Здесь, пожалуй, уместно напомнить еще об одной стороне многогранной деятельности Кона. По свидетельству коллег профессор еще и «один из самых великих педагогов наших дней» (one of the greatest teachers of our days). Сам Кон тоже признавался: «Я люблю свой педагогический труд и контакт с молодежью». Однако самой чудесной чертой юности является непримиримость ко всякого рода корысти, любого рода лжи. И только скрывая свой подлинный облик от учеников, может наш «воспитатель» заниматься педагогической деятельностью. Он должен лгать не только в своих книгах, но и в колледже. Однако мы убеждены, что рано или поздно какой-нибудь воспитанник «великого педагога» узнает, поймет, увидит, что «король-то голый»! А, надо полагать, американские ученики, как и все другие, не любят хранить подобные тайны...

ной истине, отличающее ее от якобы «необъективного» марксизма!

Последнее заявление профессора Кона заставляет нас вспомнить эпизод, случившийся много десятилетий тому назад. Как известно, буржуазная наука после выхода в свет I тома «Капитала» пыталась сначала замолчать это произведение. Буржуазные профессора не писали о «Капитале» так, как они пишут о книгах Ганса Кона: «Одно из величайших творений современности», «работа, знаменующая эпоху». Маркс не был объявлен «одним из ведущих ученых современности». Ему не присваивали звания профессора, его не выбирали президентом международных научных обществ.

Но вот вскоре, в 1872 г., молчание было нарушено. Против «Капитала» в Германии был объявлен поход под знаменем научной добросовестности. Появилась статья: «Как цитирует Карл Маркс». Аноним (оказавшийся профессором фон Brentano) обвинил Маркса в том, что он, излагая мысль Гладстона, «формально и по существу присочинил» одну цитату (в которой речь шла о прогрессе высших классов Англии за счет ее низших классов). Профессор в благородном негодовании писал о «бесчестности», о «лживых ссылках», о «совершенно сфальсифицированной цитате» и т. д.

Маркс показал, что приведенная им цитата была опубликована в нескольких газетах. А что касается ссылки Brentano на издание, в котором смысл слов Гладстона был обратный тому, какой был в этих газетах, то выяснилось следующее. Не Маркс искажил цитату Гладстона, а сам «Гладстон был столь благоразумным, что выбросил из этой состряпанной задним числом редакции своей речи местечко, несомненно компрометирующее его как канцлера казначейства...»¹ «Ревнитель истины» умолк. 11 лет спустя, в 1883 г., англичанин Седли Тэйлор, не разобравшись в существе дела, повторил попытку фон Brentano и, конечно, с прежним успехом. «Результатом всего этого профессорского похода,— вспоминал Энгельс,—растянувшегося на два десятилетия и захватившего две великие страны, было то, что никто уже болес не осмеливался затронуть литературную добросовестность Маркса»².

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, М., 1953, стр. 35.

² Там же, стр. 38.

Даже непримиримые враги марксизма вынуждены признать эту необыкновенную добросовестность Маркса, особенно, если учесть громадный объем его трудов. Они могли сколько угодно говорить об «ошибочности» теории марксизма, о том, что марксизм «устарел», но мало кому из них приходило в голову усомниться в чистоте научной совести Маркса.

Недаром говорят, что великие события истории имеют обыкновение повторяться пусть не в своем прежнем виде, то хотя бы в виде фарса. Правда, в данном случае само «великое событие» — поход Brentano — Тэйлора против автора «Капитала» — уже весьма смахивало на фарс. Теперь этот профессорский фарс воспроизводится, так сказать, «в квадрате»: на защиту «объективной истины» против «догматического» марксизма выступает профессор-фальсификатор, зная профессора фон Brentano подхватывает человек, сам вполне заслуживающий специального труда под названием «Как цитирует Ганс Кон!»

Но напрасно мы будем искать в буржуазной литературе статей на подобную тему. Напротив, творения «великого историка» встречаются, как правило, потоками приветствий. Кону выражают благодарность за «высокое качество его полезных книг», за «мастерски осуществленный отбор источников, беспристрастные комментарии и интерпретации», за «широту знаний и искусство ясного изложения сложных тем», рецензенты даже уверяют, что книги профессора предоставляют наконец-то информацию, «необходимую для выработки разумной политики».

Разумеется, убеждать семидесятилетнего профессора «с мировым именем» и его коллег в том, что нехорошо лгать, было бы и наивно и слишком поздно. Но книги профессора — не только его личное дело. Они выходят в свет, читаются и рекламируются. Идеи Кона являются общими, типичными для десятков и сотен буржуазных «специалистов по России», коны — явление социального порядка, коны служат вполне определенной политике.

Вот почему стоящие вне настоящей науки «труды» конов требуют научного анализа. И чтобы решать задачу их разоблачения, приходится, к сожалению, заниматься таким неблагоприятным делом, как их разбор.

ГЛАВА 1

ТЕОРИЯ НАЦИОНАЛИЗМА Г. КОНА

Противопоставление Запада Востоку

Добросовестность или недобросовестность — отнюдь не просто личное качество ученого. Отточия Ганса Кона — это лишь методика, так сказать, технические приемы его «научной» работы. Но методика и «техника» являются производным от методологических и социальных воззрений.

Какова же методология Ганса Кона? Она отличается исключительной простотой. Решающим фактором исторического развития в новое время профессор считает национализм. Возник национализм-де на берегах Атлантического океана вместе с английским торговым «средним классом», затем распространился на Восток. Теперь это — сила, действующая в масштабах всего мира, представляющая множество изменчивых и самых разнообразных форм. Первоначально национализм, согласно Кону, воплощал права индивида по отношению к собственному государству, нес «блага конституционных свобод». В Англии, колыбели национализма, его можно было наблюдать, так сказать, в первозданной либеральной чистоте. Чем дальше от Англии, тем больше его природу извращал восточный «традиционализм». Западный национализм-де нес миру дух терпимости, компромисса, гуманности, уважение к правам других народов, восточные традиции якобы консервировали всюду дух насилия, нетерпимость, национальный «эгоцентризм». Национализм на Востоке перестал быть «носителем индивидуальной свободы, он возвел в культ коллективную власть». Так под влиянием «крайних»

восточных традиций, по мнению Кона, возникли пангерманизм, панславизм и паназиатизм. «Подобно двум другим великим пан-движениям XX столетия — пангерманизму и панславизму, паназиатизм полностью порвал с западной либеральной традицией и выродился в тоталитаризм»¹.

В конце концов к западному «либеральному» и восточному «тоталитарному» национализму Кон сводит все многообразие национальных движений, все оттенки национальных идей, традиций и культур². Внутренние социальные изменения, происходившие в той или иной стране, не меняли присущего ей от века единого «духа нации»; добродетели или грехи предков фатально определяли характер потомков; Запад оставался Западом, Восток — Востоком. Столкновение «либерального» Запада с «тоталитарным» Востоком — ось всей новой истории, подкладка всех событий и в наши дни.

В основе своей «теория» Кона³ не нова: родилась она вместе с колонизацией Востока, уже в прошлом веке стали крылатыми слова трубадура британских колонизаторов Киплинга: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток и с места они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на страшный господень суд».

К тому же далеко не один Кон защищает этот отживший миф в наши дни. Прежним империалистам он был нужен для «обоснования» колонизации Востока, нынешним — еще более для борьбы с национально-освободительным движением, для клеветы на социализм. Но если не блещет ни новизной, ни оригинальностью тематика Кона, то по крайней мере по «фундаментальности» ее разработки Кон в прошлом и настоящем «западной науки» вряд ли имеет равных себе. Еще бы, в перспективе борьбы «двух» форм национализма рассмотрена им вся (!) история цивилизации, начиная от древних иудеев и греков и кончая последними событиями наших дней.

Очевидно, именно по этой причине на исследования

¹ См., напр., *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History*, p. 22, 73 и др.

² *H. Kohn, The Idea of Nationalism*, p. 574—576.

³ См. содержательную статью К. Н. Брутенца «Апология колониализма» или «теория национализма» Ганса Кона, «Вопросы философии», 1958 г., № 2.

Кона опираются его зарубежные коллеги. Труды Кона помогают им раскрыть, как они выражаются, «сердцевину вопроса»¹. Очевидно, именно по той же причине «заглавные» статьи профессора открывают последние руководящие «западные» пособия вроде сборника «Идея колониализма»² или важнейшего политического номера журнала «Current History», целиком посвященного «анализу пятнадцатилетнего конфликта Востока и Запада, его преломлению во внешней политике США»³. По той же самой причине «теория национализма» Ганса Кона потребует и нашего специального разбора.

Профессор Кон любит называть себя представителем «западной объективной науки», которой в наши дни противостоит (в полном соответствии с его концепцией) восточный «необъективный», «догматический» марксизм. Но прежде всего сопоставим выводы самого Кона с реальными историческими фактами.

Кон повсюду исходит из вековой национальной противоположности «Запада» и «Востока». Но что вообще можно уяснить в истории с помощью этих географических понятий? Как объяснит «специалист» по национализму хотя бы «Священный союз» 1815 г., в котором участвовали не только «восточные» Пруссия или Россия, но и «западная» Франция, почему «либеральная» Англия была в числе вдохновителей его мероприятий? Что такое коммунизм, выражение западного или восточного «духа»? Почему он возник впервые в Европе и распространился затем во всем мире? Почему в дни Парижской коммуны «западная» Франция Тьера и «восточная» Германия Бисмарка вместе подавляли восставший Париж? И почему защита Парижской коммуны была кровным делом революционеров и западных и восточных стран? Почему в «свободной» республикан-

¹ См., напр., V. M. Dean, *The Nature of the Non-Western World*, N.Y., 1957, p. 255.

² *The Idea of Colonialism*, N.Y., 1958. Сборник этот — одно из последних творений американской исторической «науки» эпохи «холодной войны». Дюжина «специалистов» по национальным проблемам, предводительствуемых Гансом Коном, доказывает здесь, что версия о современном западном колониализме является коммунистическим пропагандистским «мифом» (I), а заодно пытается убедить народы «отсталых стран», что «будущее этих районов вовсе не обязательно будет обеспечено тем, что они опрометчиво ринутся к независимости».

³ «Current History», October 1959, vol. 37, № 218.

ской Франции точно так же преследовали Дрейфуса, как преследовали Бейлиса в «тоталитарной» самодержавной России? Почему Англия и Франция объединились с «восточной» Россией против «восточной» Германии в 1914 г. и почему Англия и Франция вместе с «восточной» кайзеровской Германией участвовали в интервенции против «восточной» России, как только там установилась Советская власть? И почему пролетариат западных стран в те же годы защищал лозунг «Руки прочь от Советской России»? Почему, скажем, в наши дни маленькая западная страна Куба восстала против американского империализма? Что такое американский маккартизм — восточное или западное явление? Не доказывает ли он лишний раз, что фашизм во всех своих формах — это законнорожденный отпрыск буржуазии? Вопросов можно поставить сотни и тысячи, но ни на один из них не даст сколько-нибудь убедительного ответа коновская «теория» национализма.

Но если коновской «теории» не соответствует один ряд фактов, Ганс Кон всегда может возразить, что ей вполне соответствует другой их ряд. Прежде всего профессор указывает на определенные общие черты у представителей каждой нации, выражая эту общность в понятиях «английский дух», «немецкий дух», «русский дух» и т. п. Изучению каждого такого «духа» в отдельности он посвящает все свои конкретно-исторические труды, в результате этого «изучения» он и открыл такие категории, как «западный» и «восточный» национализм.

Наличия определенного единства внутри каждой нации, действительно, не будет отрицать ни один историк. Нация — это сложившаяся в эпоху развития буржуазных связей общность людей, общность не только «духовная», но и экономическая, территориальная, языковая. Но какие глубочайшие противоречия раздирают это единство, какие антагонизмы зреют под покровом этой общности! Пролетарий и капиталист, рабочий класс и буржуазия живут в одной и той же стране, говорят на одном и том же языке, имеют общие черты национального характера, в конституциях за ними формально записаны одинаковые права. Но одинаково ли они живут, находятся ли в равных условиях в рамках одного и того же восхваляемого профессором режима

«законной свободы»? Равные ли возможности и условия имеют они для отдыха и труда? Одинаковые ли доходы получают, имеют ли они равную политическую власть? Кто подготавливал и начинал захватнические империалистические войны — пролетарии или буржуа? И кто погибал на полях сражений, а кто наживался на войне? И разве не в «колыбели» коновского национализма, не на почве доброй старой Англии возникло представление о том, что пролетариат и капиталисты представляют «две нации» в одной нации, разве не было подтверждено и проверено это представление историей всех буржуазных наций, будь то «либеральный» Запад, или «тоталитарный» Восток?

Кон ссылается на то, что в новой истории — как это было в эпоху Французской буржуазной революции, Отечественной войны русского народа 1812 г. и т. п. — нации зачастую выступали как единое целое. Но истины ради стоит сказать, что и в этих событиях внешнеполитические, межнациональные противоречия носили классовую подоплеку, что национально-освободительная борьба лишь временно отодвигала на второй план зреющий в недрах общества классовый антагонизм.

Вся французская буржуазная нация, не считая кучки свергнутых аристократов, сплотилась осенью 1792 г. против реакционно-монархических государств полуфеодальной Европы. Но разве одинаковую роль сыграли в организации отпора интервентам жирондисты и монтаньяры, народные массы и крупные буржуа? И разве та же Франция не была и в ходе революционной войны, и на протяжении всей своей дальнейшей истории ареной непрекращающейся классовой борьбы? Разве здесь не было схваток за власть между различными слоями буржуазии в 90-е годы XVIII в., заговора Бабефа, восстаний 1830, 1848, 1871 гг.?

В начале XIX в. народы европейских государств, России в том числе, вели освободительную национальную борьбу против захватнических стремлений французской крупной буржуазии. Но разве в 1812 г. одинаково воевали помещики и крестьяне? Разве первые даровали вторым землю и волю по случаю достигнутого «национального единства»? Разве русский крестьянин отказался после 1812 г. от борьбы и разве в России не

было революционных ситуаций 60—70-х годов, революций 1905—1907 и 1917 гг.?

Народы Англии, Франции, США в годы второй мировой войны боролись за разгром гитлеровской коалиции. Но разве не политика господствующих реакционных классов этих же стран позволила гитлеровцам развязать войну? Разве не затрудняла та же политика ведение освободительной борьбы? И разве не в результате политики тех же самых реакционных сил возрождается теперь снова в центре Европы германский милитаризм?

Даже в те моменты, когда нации сплываются в справедливой освободительной войне, между антагонистическими классами данной страны сохраняются острые противоречия. А сколько знает история войн несправедливых, захватнических, в которых господствующие классы *маскировали* свои корыстные интересы под национальный интерес. «Высший героический подъем, на который еще способно было старое общество, это — национальная война, и она оказывается теперь чистейшим мошенничеством правительства; единственной целью этого мошенничества оказывается — отодвинуть на более позднее время классовую борьбу, и когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны, мошенничество разлетается в прах»¹, — писал Маркс по поводу союза Бисмарка с палачом Тьером, избивавшим восставший парижский пролетариат.

Можно напомнить профессору о том, каким страшным кровавым похмельем закончилось патриотическое опьянение европейских наций в годы первой мировой войны. Миллионы и миллионы людей погибли в 1914—1918 гг. во имя империалистических прибылей и дележа колоний, думая, что воюют во имя «родины», против ее национального врага.

Да, видимость национального единства в новой и новейшей истории буржуазных стран далеко не адекватна сущности явлений, а момент — еще далеко не целое, не вся история, как полагает профессор Кон. И не случайно, когда Кон обращается к устойчивым, повторяющимся фактам истории, от его же собственной «теории» не остается и следа. Рассказав о «единстве» французской нации, он признает, что «это национальное

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избр. произв., т. I, М., 1955, стр. 498.

единство оказалось недолговечным. Политические и религиозные различия раскололи нацию»¹. А вот другое любопытное признание. Национализм, пишет Кон, нередко служил государственной власти «законным основанием для употребления силы как против своих собственных граждан, так и против других государств»² (!). Но это отдельные оговорки Кона, а не принципиальная оценка фактов по существу.

Факты истории опровергают домыслы об извечном, едином «духе наций» — откуда же в таком случае взялись в социологии всем известные понятия «Запад», «Восток»? Дело в том, что европейские страны в период становления буржуазных наций действительно обогнали страны Востока в своем развитии, однако коновский «дух» здесь совершенно не при чем. Не западный или восточный национализм, а уровень социального развития определял на протяжении всей новой истории как передовой характер, так и отставание той или иной страны. Географические понятия Запад и Восток служили всего навсего условными обозначениями разных ступенек социального развития или для выражения противоположности враждующих классовых сил. В этом смысле противоположность Запада и Востока вполне соответствовала, к примеру, противоположности свободного буржуазного Севера и рабовладельческого Юга во время гражданской войны в США. И если Ганс Кон признает в своих трудах, что национальный антагонизм Севера и Юга был связан с различием их «социальной структуры»³, то почему бы ему не применить тот же принцип к истории других народов и стран. Тогда все встало бы на свои места, а понятия, выражавшие в XVII—XIX вв. противоположность капитализма и феодализма, приобрели совершенно иной конкретно-исторический смысл. В XX в., когда Восток открыл эру социалистических революций, в тех же понятиях иногда условно выражают новую социальную противоположность, новое деление стран мира — на капитализм и социализм.

¹ *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History*, p. 25.

² *Ibid.*, p. 11.

³ *Ibid.* p. 63.

К вопросу о «постоянстве» национальных традиций

Там, где «теории национализма» не хватает опоры на факты, Кон призывает на помощь авторитет. В предисловии к «Духу современной России» мы читаем: «Гизо, живший в эпоху от Французской революции конца XVIII в. до середины XIX в., был более удачлив как историк и моралист, чем как государственный деятель и политик. С глубоким проникновением в национальную историю он писал: «Когда за плечами народов долгая и славная жизнь, они не в силах порвать со своим прошлым, что бы они ни предпринимали для этого. Они подвержены его воздействию даже в тот момент, когда трудятся над его разрушением. В ходе своих наиболее блистательных преобразований они остаются в основе своего характера и судьбы такими же, какими их когда-то сформировала история. Какой бы смелой и могучей ни была революция, она не может уничтожить национальные традиции прошлого. Поэтому не только ради удовлетворения духовной жажды, но и для правильного поведения нации в ее делах, так важно хорошо знать и понимать эти традиции»¹.

Независимо от тех субъективных моментов, которыми руководствовался Гизо, формулируя сего своей методологии (к 1857 г., когда им написаны эти слова, он давно скатился в лагерь реакции и искал в традициях прошлого опоры для борьбы с революционной демократией в настоящем), его рассуждение имело определенные основания. Самые радикальные буржуазные революции, несмотря на все благие намерения их участников, действительно не смогли порвать со многими пороками старого строя: эксплуатацией человека человеком прежде всего. Но это постоянство традиций феодального и буржуазного общества было обусловлено только и исключительно одним обстоятельством: переходом господства в руки нового — эксплуататорского же класса. Гизо недаром зовут историком реставрации. Франция вернулась в XIX в. ко многим старым порядкам (а Гизо стал министром реакционного правительства) только потому, что в ходе развития революции

¹ H. Kohn, *The Mind of Modern Russia*, p. VII, отрывок взят Коном из введения к «*Essais sur l'histoire de France*», par M. Guizot, Paris, 1860, p. IV—V.

были либо уничтожены, либо отстранены от политического руководства (а тем самым от главенства в национальной традиции страны) демократические элементы, только потому, что борьба двух наций во французской нации закончилась временной победой реакционной крупной буржуазии, с которой историк и политик Франсуа Гизо связал свою судьбу.

Несомненно, отражая в своей формуле этот объективный момент истории, Гизо совершил одну из самых распространенных ошибок: особые черты перехода от одной эксплуататорской формации к другой (более того, особые переходные черты Франции эпохи реставрации) он возвел в степень всеобщего закона истории.

Но были разные революции и разные традиции. Буржуазные революции, действительно, не отменили, а приумножили традицию эксплуатации и угнетения. Но совершенно иное дело — революции социалистические, которые бесповоротно рвут с подобными «национальными традициями», освобождая, закрепляя и развивая традиции совсем иные — традиции борьбы против всякой эксплуатации, против всякого угнетения. И если о буржуазных революциях Маркс говорил: «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых», то к социалистическим революциям относятся другие его слова. Эти революции, говорил Маркс, могут «черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого»¹. И когда Кон, цепляясь за ошибку Гизо, ссылается на его слова, он попросту меряет социалистические революции на аршин буржуазных. Слова Гизо, верные только в отношении национальных традиций буржуазного общества, Кон пытается чисто софистически перенести на социализм.

Правда, в обыденном смысле говорят о сложившихся и устойчивых, почти «прирожденных», национальных чертах характера того или другого народа (их неправомерно смешивает с политическими традициями формула Гизо): систематичности и аккуратности немцев, деловитости американцев, широте русской души, сдержанности англичан и т. п. В таких определениях много правильного, хотя, разумеется, невозможно полностью

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, изд. 2, М., 1957, стр. 119, 122.

раскрыть национальный характер с помощью двух-трех определений. Но и в этих национальных чертах нет ничего мистического. Их происхождение целиком объясняется реальными историческими условиями жизни наций. Кроме того, эти черты проявляются по-разному у представителей разных классов одной и той же нации. Эти черты, наконец, не остаются постоянными, они меняются.

Кстати, если говорить о постоянстве национальных традиций, Кон мог бы и не обращаться к Гизо, а привести другие, хорошо известные ему авторитетные слова: «Суждения наблюдателей относительно характера национальных групп всегда окрашены в различной мере политическими требованиями момента и сентиментальными чувствами автора. Кажется чрезвычайно сомнительным, имеет ли какую-либо научную ценность всякое утверждение о постоянном национальном характере». Автор этих справедливых слов — признанный знаток теории национализма, зовут его... Ганс Кон. Этот вывод он сделал в своей книге «Картина мира в исторической перспективе», вышедшей в 1942 г. Пару лет спустя, издавая свою «Идею национализма» и переписав туда весь этот абзац, он выбросил (притом без традиционного коновского отточия) выделенные нами слова¹ (см. стр. 22—23). А жаль, они были бы великолепным эпиграфом к его позднейшим исследованиям «духа современной России», к доказательствам извечной «реакционности» национализма восточных стран.

Но мы несколько забегаем вперед. Вопрос о том, что говорил и писал прежний Кон и что заставило его столь радикально изменить свои взгляды, еще будет предметом специального разбора. Сейчас же нам еще предстоит познакомиться подробнее с коновской теорией идейных влияний.

Теория идейных влияний

Поскольку мир — согласно Кону — всегда делился на Запад и Восток, поскольку они-де «следовали в противоположном направлении как в своих политических

¹ Сравни *H. Kohn, World Order in Historical Perspective*, p. 79. *Его же: The Idea of Nationalism*, p. 10.

The judgments of observers concerning the character of national groups are colored to a varying degree by the political exigencies of the situation or the sentimental attitudes of the author. It seems extremely doubtful whether any judgment about a permanent national character of a people has any scientific value. Between the extremes which may be illustrated by a statement of John Morley that "in the literature of any people we perceive under all contrasts of form produced by variable social influences the one national character from first to last," and the opposite by J. M. Robertson that "the nation considered as a continuous and personalized organism is in large measure a metaphysical dream," we may accept the position of Sir Francis Galton that "different aspects of the multifarious character of man respond to different calls from without, so that the same individual, and much more the same race, may behave very differently at different epochs." Men and men's character are extremely complex; the more so, the less primitive the man is. This holds true even more of a highly complex group like a nation. An

duce very few, if any, metaphysicians, musicians, or poets of renown; but on the other hand they have become successful and ruthless bullies and hard and efficient masters in modern industry and business. The Mongols under Genghis Khan were warriors famous for their belligerence, and brought all Asia and half of Europe under their yoke. In the sixteenth century, through the adoption of Lamaist Buddhism, their old spirit was completely broken and they were turned into peaceful and pious men. Under the influence of the Soviet government and its revolutionary propaganda the wild instincts of the race have been reawakened, and a new and different consciousness has started to animate the Mongol people and to break their religious inhibitions.

The judgments of observers concerning the character of national groups are colored in varying degrees by the political exigencies of the situation and the sentimental attitudes of the observer. Between the extremes—which may be illustrated by a statement of Henry Morley that “in the literature of any people we perceive under all contrasts of form produced by variable social influences the one national character from first to last,” and the opposite by J. M. Robertson that “the nation considered as a continuous and personalized organism is in large measure a metaphysical dream”—we may accept the position of Sir Francis Galton that “different aspects of the multifarious character of man respond to different calls from without, so that the same individual, and much more the same race, may behave very differently at different epochs.”⁶ Men and men’s character are extremely complex; the more so, the less primitive men are. This holds true even more of a highly complex group like the nation. An immense diversity of individuals goes into making up a nation, and during the lifetime of a nation the most diverse influences are exercised upon it, molding and transforming it. For growth and change are the laws under which all historical phenomena fall.

Ганс Кон «препарирует» свои собственные работы. Переписывая из одной книги в другую свою «теорию национализма», профессор выбрасывает положение, опровергающее его «новейший вывод» о постоянстве национальных традиций.

идеях, так и в своей социальной структуре», то «вестернизация» — влияние «западного национализма», а точнее, английской либеральной идеи было и остается единственным фактором развития «отсталых» восточных стран.

Детали коновской теории таковы. Предыстория «английской национальной идеи» уходит в седую древность: на ней лежит печать «еврейского мессионизма» и развитого в греческом полисе «чувства высшего долга перед государством». Во время реформации и ренессанса Ветхий Завет и классики древности были прочитаны в новом свете. «И там и здесь были найдены семена растущего национального сознания»¹.

Затем идею национализма возвестил «одинокий голос» Макиавелли. Наконец в Англии в эпоху буржуазных революций XVII в. появились сначала Мильтон, а затем Локк, выразившие идею «личных свобод» индивида, подчеркнувшие ответственность государства перед народом. Затем английский «национальный дух» проник на Европейский континент. Именно под его влиянием, сообщает профессор, французские философы «боролись в XVIII в. против авторитаризма, нетерпимости и цензуры своей церкви и своего государства». Франция, в свою очередь, стала передаточным пунктом все тех же идей «английского либерального национализма» другим странам: «Тем самым национальные и исторические свободы англичан приобрели универсальное значение»².

О том, как происходило, по Кону, влияние той же «английской» идеи далее на Восток, мы узнаем на примере России. В ее истории Кон выделяет четыре периода: Киевский, Московский, Петербургский и снова Московский.

О Киевском периоде профессор ничего вразумительного не сообщает вероятно потому, что «восточный» Киев стоял по своему развитию не ниже, а во многих отношениях выше тогдашнего «Запада», являлся одним из очагов прогресса в Европе. В следующий — Московский — период Россия, по мнению Кона, не развивалась, ибо была «отгорожена» от Англии. В ней доминировала

¹ *H. Kohn, Nationalism. Its Meaning and History*, p. 13.

² *Ibid.*, p. 18—19.

«монголо-византийская традиция». В Петербургский период, когда был открыт доступ «западным ветрам и влияниям», начался ее медленный прогресс, который всячески задерживали уже известные нам «восточные традиции». В последний период (с 1918 г.) столица России снова была перенесена в Москву, страна оказалась отрезанной от Запада, в силу чего, сокрушается профессор, период современной истории России, хотя и временно, «пришел к концу!» «Россия,— резюмирует Кон,— была первой крупной «отсталой» страной, подвергшейся западному воздействию после возникновения здесь прозападной интеллигенции, которая приняла западные идеи и пыталась применить их в среде, которая социально и идеологически была не подготовлена к ним»¹.

Разумеется, ни один историк не станет отрицать сам факт идейного воздействия одной страны на другую; в истории *любой* из наций был и определенный период «ученичества», в этом, кстати сказать, нет ничего зазорного для народа данной страны. Известно, что процесс развития буржуазных наций при капитализме равномерностью и гармоничностью не отличался — разным странам, в разное время, разной ценой удавалось вырваться из отсталости, встать в ряд «цивилизованных» государств. Молодым нациям в определенных условиях «заимствования», несомненно, сокращали путь развития, помогали наверстывать упущенное, преодолевать феодальную косность и застой. Еще Маркс подчеркивал: «всякая нация может и должна учиться у других»². Но из признания всех этих неоспоримых фактов вовсе не вытекает правота «теории» Ганса Кона. Напротив, факты опрокидывают ее.

Начнем с того, что сам процесс идейных влияний одной страны на другую полностью разбивает домыслы профессора о мнимой противоположности путей Запада и Востока и доказывает единство этих путей. Россия, к примеру, потому и могла вступить в духовное общение с Западом, «заимствование» потому и было возможным, что Россия и Запад двигались в своем социальном развитии в одном и том же направлении. Что

¹ Н. Kohn, Reflection on Colonialism. В сб.: «The Idea of Colonialism», N.Y., 1958, p. 8.

² К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 7.

же касается английской «национальной идеи», то как раз интернациональное буржуазное содержание английской революции, а вовсе не ее национальная форма, которую выдвигает на первый план профессор, определило в эпоху буржуазных преобразований в Европе воздействие ее идей (и, в частности, либерализма) на континент.

Не следует, далее, путать внешние и внутренние факторы развития, причины главные и побочные, как постоянно делает Кон. Не потому начинался прогресс той или иной отсталой восточной страны, что были прогрессивные внешние «западные влияния», а сами влияния становились возможными, потому что начинался обусловленный внутренними экономическими и социальными сдвигами прогресс данной страны. Никакие семена западной освободительной идеологии не дали бы всходов на русской почве, если бы эта почва не была уже вспахана плугом классовой борьбы. До того как в истории России открылся «Петербургский период», здесь не одно десятилетие развивалось товарное производство, складывался единый национальный рынок, укреплялось централизованное абсолютистское государство — создалась, короче говоря, историческая потребность в более тесных связях с Европой, которую и выразили реформы Петра. Как раз в эпоху «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, когда прогрессивные мыслители России обратились к антифеодальной идеологии Запада, в России прошла полоса крестьянских волнений, завершившаяся грандиозной крестьянской войной; здесь появились первые признаки кризиса феодально-крепостнической системы, т. е. созрела «почва» для восприятия антифеодальных идей.

Условием усвоения и использования достижений передовых стран странами более отсталыми является к тому же национальная независимость последних. Индия или Бирма, к примеру, были на протяжении нескольких веков объединены с «либеральной» английской метрополией в одной и той же британской колониальной империи, более тесных «уз», казалось, и быть не могло. Но Бирма и Индия до тех пор стояли, по существу, вне истории, вне прогресса, пока здесь вопреки английским колонизаторам не началась национально-освободительная борьба «туземных» революционных сил.

Кроме того, заметим, что в Англии в XVII в. существовали не только либеральные идеи, действовали не только Мильтон и Локк, но левеллеры, Лильбёрн, которые представляли начисто «забытый» профессором английский буржуазный демократизм. Подобно якобинцам, пишет историк Англии Мортон, они «завели движение слишком далеко, и поэтому завоеванные ими рубежи не могли быть закреплены надолго, но даже и временный их захват способствовал общему прогрессу»¹. Кроме того, вопреки домыслам Кона решающую прогрессивную роль как на Европейском континенте, так и в Америке сыграл в XVIII в. вовсе не английский либерализм. Уже американские революционеры сделали из локковского принципа народного суверенитета несвойственные английскому либерализму выводы, призвав народ к вооруженной борьбе с угнетателями, с английским «либеральным» королем. Локку и не снилось, когда он писал свои политические труды, свидетельствует историк Америки, что он готовит практическое руководство для американских революционеров². Не остановились на Локке и французские мыслители, решающее влияние на политическое развитие Франции оказали идеи американских революционеров и демократизм Руссо. Демократизм этот профессор объявил просто-напросто «извращением» английской идеи, приписав ему разнуздывание «коллективных инстинктов, враждебных индивидуальным правам». Но тот же западный демократизм послужил важным идейным источником прогрессивной мысли XVIII в. и в России — он был преломлен здесь сквозь призму необычайно острого классового антагонизма крепостного и помещика³.

¹ А. Л. Мортон, История Англии, М., 1950, стр. 214.

² См. J. G. Miller, *Origins of American Revolution*, Boston, 1943, p. 170.

³ Особого внимания заслуживает (даже и не поставленный Коном) вопрос о появлении родственных идей и теорий у мыслителей, непосредственно не влияющих друг на друга. «Путешествие из Петербурга в Москву» великого русского революционера Радищева поразительно созвучно «Завещанию» великого французского революционера Мелье, хотя Радищев ничего не знал о последнем. Этот пример еще раз подтверждает, что формирование идеологии в той или иной стране ни в коем случае не сводится к «заимствованиям»; сходные исторические условия могут порождать и порождают сходные идеи, влияния лишь ускоряют этот процесс.

Если же перейти от XVIII к XIX и XX вв., то вообще нельзя говорить о преобладающем прогрессивном влиянии на восточные страны западных буржуазных идей. Дело в том, что западная мысль в новое время — о чем также молчит профессор — не сводилась только к идеям либеральной «английской свободы» или к ее «извращению» в виде теории Руссо. Противоречия буржуазного строя породили чуть ли не со дня его рождения сначала утопический, а затем научный социализм. Как раз влияние этих забытых Коном, но тоже западных идей оказало наиболее существенное прогрессивное влияние на Россию, если брать XIX и XX вв. Пока почва для их восприятия не созрела, они служили здесь, как и в других странах Востока, идеологической оболочкой для лозунгов антифеодальной борьбы. Когда на Востоке появился пролетариат, он взял через посредство революционной интеллигенции себе на вооружение западный научный социализм, что во много раз ускорило развитие его классового сознания, содействовало достижению его победы.

При этом и на Западе и на Востоке оригинальные мыслители никогда не ограничивались простым повторением локковских формул или прочих «заимствованных» идей. Они развивали, а не «извращали», как уверяет профессор, они углубляли, двигали дальше прогрессивную мысль, пытаясь дать ответы на вопросы, поставленные ходом социально-экономических, политических процессов внутри своей страны.

И последнее, весьма существенное обстоятельство. Не было и быть не могло даже в XVII—XIX вв. какого-то однородного прогрессивного идейного влияния Запада на Восток. В условиях раскола и Запада и Востока на антагонистические классы были прогрессивные и реакционные западные влияния, а представители различных классов Востока по-разному относились к тем и другим. Защитники самодержавной России (исключая мимолетные периоды «либеральных» заигрываний) всегда душили и изгоняли передовые западные идеи, казенная «среда» была действительно «социально и идеологически не подготовлена к ним». И, напротив, защитники угнетенных классов всегда жадно впитывали, перерабатывали, развивали революционные идеи XVIII, XIX, XX вв.

Кроме того, было не одностороннее влияние Запада на Восток, но взаимовлияние стран Востока и Запада, причем мера воздействия менялась в зависимости от уровня социального развития той или другой страны. Сама европейская цивилизация была наследницей древнейших культур народов Востока (этот факт отчасти признает профессор Кон, излагая предысторию английского национализма), и хотя в дальнейшем Европа обогнала Азию в своем социальном и культурном развитии, эта историческая особенность эпохи восходящего капитализма отнюдь не стала особенностью всей истории вообще. Безусловно верно, что демократическая и социалистическая Россия очень и очень многим обязана передовому Западу. Но верно и то, что прогрессивные деятели «восточной» России сумели, несмотря на гнет и насилия царизма, внести в интернациональную культуру демократизма и социализма огромные ценности. «Мы гордимся тем,— писал Ленин,— что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика... великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами»¹.

Никакими домыслами конов о «едином» русском духе не удастся зачеркнуть великой борьбы русского народа за свободу, борьбы, которая в 1917 г. вырвала из рабства все нации России, борьбы, которая привела в могучее освободительное движение «весь мир голодных и рабов». Патриотизм русских революционных демократов и их наследников-коммунистов ничего общего не имел с национальной замкнутостью или восточным «национализмом», как пытается изобразить его Кон. Этот патриотизм всегда органически сочетался с интернационализмом, ибо в основе всей деятельности большевиков

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 85.

лежали интересы угнетенных классов, общие для Запада и для Востока.

Если же говорить о нынешних взаимных влияниях, то Восток учился и будет учиться всему передовому у Запада. Но в наши дни Восток ушел в своем социальном развитии далеко вперед и он уже «показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего»¹. Именно это огромное, все возрастающее воздействие идей социализма на Запад и побудило теперешнего президента Международного общества по изучению идей заняться в последние годы изучением «русского духа» и доказывать «национально-ограниченный» характер ленинизма с помощью... отточий в ленинских цитатах.

О «цивилизаторской миссии» западного колониализма

Если поверить Гансу Кону, «вестернизацию» отсталого Востока всемерно ускорял западный колониализм. «Именно благодаря колониализму,— пишет профессор в статье «Размышления о колониализме»,— впервые возникли способные туземные кадры для управления страной и выполнения всех функций цивилизованного общества. Многие из новых «наций» (кавычки Кона.— *Авт.*), подобно Индии, Индонезии, Гане, обязаны своим существованием в качестве государств и своему потенциальному сплочению в качестве наций именно колониальному режиму».

Правда, если верить тому же Кону, «туземцы» никогда не отличались особой благодарностью. Получив «западное образование», восточная интеллигенция начала «завидовать» благосостоянию западных стран, не только не благодарила «благодетелей», а вела с ними борьбу. «Чем более либеральным был колониальный режим,— уверяет профессор,— тем более злобный антиколониализм он порождал». Таким образом, следствием занесенных западными колонизаторами «свобод», а не следствием угнетения якобы явилась на Востоке национально-освободительная борьба. «Распространен пропагандистский тезис о том, что западный империа-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 5—6.

лизм привел к бедности, войнам, расовой дискриминации и экономической эксплуатации в Азии и Африке,— продолжает Кон свои «размышления».— Но это не так. Бедность существовала в Азии и Африке с незапамятных времен, как она существовала в Европе до возникновения либерализма и капитализма... Насколько идут в глубь веков исторические воспоминания, в Азии и Африке были вечные войны. А экономическая эксплуатация была всеобщим явлением»...¹ Остановимся на этих «размышлениях», а точнее, измышлениях о колониализме: нигде, пожалуй, не обнажается столь явно лицемерие коновской «теории» национализма, вся ее реакционность и фальшь.

Ни один уважающий факты историк не станет доказывать, что до европейской колонизации полупатриархальный Восток был похож на рай, что там не было ни эксплуатации, ни войн, ни нищеты (хотя все данные говорят за то, что *такого* разорения, *такой* эксплуатации и *такого* избиения, как при господстве «передовых» колонизаторов, «отсталый Восток» никогда не переживал).

Но в данном случае обойденная профессором суть вопроса состоит вовсе не в рассмотрении доколониального прошлого Востока, а в истории его колонизации, не в том, чем был Восток до нее, а в том, чем он стал в результате ее. Буржуазия и на Европейском континенте не знала иного способа развития цивилизации, кроме насилия и угнетения, но нигде не обнаружился с такой силой антагонистический, антигуманный характер буржуазного прогресса, как на колонизируемых пространствах Африки, Азии, Америки. Уничтожение целых цивилизаций и народов, охота на негров, миллионами отправляемых на рынки живого товара за океан, разрушение ирригационных систем, массовые голодовки и вымирание туземцев, уродливое, однобокое развитие отраслей промышленности, нужных колонизаторам, разорение миллионов ремесленников, сочетание невиданно высоких прибылей от колониальных предприятий с полурабскими формами труда на них, подавление всякой самостоятельной мысли, тюрьмы и расстрелы для тысяч и тысяч людей — такова реальная история той «вестернизации» колониального Востока, которую прославляет ныне про-

¹ Н. Köhn, Reflections on Colonialism. В сб.: «The Idea of Colonialism», р. 6, 7, 9.

фессор Кон. «Стоит только сравнить развитие за минувшее столетие независимых стран Европы или Северной Америки и развитие колониальных стран Африки,— указывала Советская делегация на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН,— как станет ясным, что путь колониализма есть путь регресса, путь медленного умирания, разрушения и деградации насильственно поработенных стран.

В то время как в экономически развитых странах промышленность, земледелие, наука и культура достигли высокого уровня, появились морские суда, движимые энергией атома, в космическое пространство запущены искусственные небесные тела, Африка, страна сказочных богатств, отстала и превратилась в континент голода, в ее земледелии, как и тысячи лет назад, главные орудия труда — это мотыга, соха и заостренные колья...

Между независимыми государствами с высокоразвитой промышленностью и колониальными странами разверзлась настоящая пропасть, а ведь Азия и Африка были некогда колыбелью великих цивилизаций, обогативших культуру и цивилизацию других народов»¹.

Именно история «вестернизации» колоний особенно наглядно демонстрирует антагонистичность буржуазного прогресса, его разрушительные результаты для народов «отсталых стран».

Те буквально крохи цивилизации, которые выпадали на долю «отсталых» наций от «забот» колонизаторов, доставались слишком дорогой ценой, да и к плодам цивилизации приобщалась только горстка избранных, а не народы этих стран. Джавахарлал Неру свидетельствует в своей книге «Открытие Индии», что когда после 187 лет владычества, «сопровождавшегося, как нас заверяют, энергичными попытками со стороны англичан улучшить условия жизни и научить народ искусству самоуправления», колонизаторы покинули страну, народ ее некогда цветущих и богатых провинций, таких, как, например, Бенгалия, представлял собой «жалкую массу нищих, голодных и вымирающих людей»².

¹ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. См.: *Н. С. Хрущев*, Свободу и независимость всем колониальным народам, решить проблему всеобщего разоружения! М., 1960, стр. 58—59.

² *Джавахарлал Неру*, Открытие Индии, М., 1955, стр. 315.

Правда, Кон может счесть это высказывание если и не «коммунистической пропагандой», то во всяком случае пристрастным взглядом человека, зараженного «восточным национализмом». Но сошлемся на свидетельство органа, который в глазах самого профессора стоит выше деления на «западный» и «восточный» дух — данные Организации Объединенных Наций. В 1947 г., когда Индия вырвала свою свободу из рук империалистических «благодетелей», здесь было около 90 % неграмотных (против, примерно, 5% в метрополии), средняя продолжительность жизни индийца равнялась 27 годам (против 62—66 лет в метрополии), годовой доход на душу населения был меньше, чем в метрополии, примерно в 13 раз (соответственно 57 и 773 долларов). Одной строчки этих сухих цифр достаточно для того, чтобы опровергнуть тома красноречивых профессорских рассуждений о «заслугах» английских колонизаторов перед народами Востока. И одной строчки таких же сухих цифр о нынешнем расцвете культуры и экономики прошлых колониальных окраин России достаточно для того, чтобы покончить с коновской клеветой о «современном советском колониализме». За 200 лет господства английской колониальной системы народ Индии так и остался забитым, лишенным плодов современной культуры, самых элементарных благ. За 40 с небольшим лет бывшие народы колониальных окраин России во многих отношениях обогнали не только соседние государства, но и некоторые страны Запада. В шестьдесят с лишним раз выросла, к примеру, в Советских республиках Средней Азии продукция крупной промышленности, в этих республиках — бывших районах сплошной неграмотности — созданы тысячи школ, сотни средних и высших учебных заведений, на каждые 10 тыс. жителей здесь приходится 88 студентов — в два раза больше, чем во Франции, почти в три раза больше, чем в Италии или Западной Германии¹.

Это сравнение разрушительных «плодов» британского колониализма с созидательными результатами советской национальной политики вскрывает противоположность двух путей прогресса — прогресса буржуазного и про-

¹ См. *Н. С. Хрущев*, Свободу и независимость всем колониальным народам, решить проблему всеобщего разоружения! стр. 25, 26, 27.

гресса социалистического. На первом пути — пути социальных контрастов и политических насилий — одна страна и один класс богатеют за счет другой страны и другого класса, на втором — плоды прогресса достаются не эксплуататорам, не избранным, а массам, народу.

Эти неоспоримые факты и прячет за грудой софистических рассуждений профессор Кон. «Историки будущего,— восклицает он в своей книге «Двадцатое столетие»,— признают, что современный западный колониализм, особенно британская экспансия, в целом принесли в недавнее время больше добра, чем зла угнетенным народам»¹. История рассудит, повторяет он в своей работе «Размышления о колониализме», чей колониализм, восточный или английский, был «лучше». Но история уже давно вынесла суждение на этот счет. Можно с полным основанием сказать, что любой колониализм «хуже». Система английского колониализма была и остается такой же классической системой произвола и насилия, угнетения и порабощения, какой была и колониальная система русского царизма. Вся история колониальных разбоев нового времени свидетельствует еще раз, что искать «единый дух» надо не у той или иной нации Востока и Запада, а у восточных и западных эксплуататоров. Это реальное, а не мнимое единство русских царских и западных либеральных палачей и угнетателей было засвидетельствовано их делами, скреплено кровью угнетенных народов. Английские «либеральные» держиморды дали не худшие, чем держиморды царские, образцы забот об «отсталых» нациях, расстреливая и топя в крови восстание сипаев, держа миллионы азиатов и африканцев в такой забитости и нищете, которая могла конкурировать только с забитостью и нищетой самых отсталых царских колоний. Трогательные заботы «западных» колонизаторов совсем недавно испытали на себе народы Египта и Гвatemалы, и не будь в 1917 г. такого исторического события, как социалистическая революция в России, как знать, не цвела ли бы и поныне пышным цветом волчья «цивилизация» империализма на огромных просторах Индии и Китая, Индонезии и Бирмы. И, наоборот, можно и должно говорить о «едином духе» эксплуатируемых и

¹ Н. Kohn, The Twentieth Century, p. 230.

борющихся за свое освобождение народов Востока и Запада. Союзу реакционеров всех стран противостоит интернациональный союз революционеров.

Нет, речь идет не о том, какой колониализм был «лучше». Речь идет о том, что в наши дни пришла пора навсегда кончать с буржуазным колониализмом, кончать с «цивилизаторской» миссией капитализма вообще. Эту потребность нашей эпохи и выразила *Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам*, внесенная советской делегацией на рассмотрение XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Этот исторический документ — не «пропаганда» коммунистов, а выраженное коммунистами требование нашей эпохи, лозунг всех мыслящих и честных людей. Это реальная программа их борьбы и действий, а не еще одна красивая «утопия». С утопиями так не воюют, как воюют сегодня колонизаторы с Советской Декларацией. Утопии не находят такой отклик, какой она нашла на всем земном шаре.

Страстный голос народов, рвущих цепи колониализма и империализма, ворвался в холодную залу Генеральной Ассамблеи ООН, этим голосом новые страны, целые континенты провозгласили свое право на свободную жизнь.

Вот он, голос *Африки*, встречающей после вековой ночи рабства зарю свободы. «Великий поток истории,— заявил президент республики Гана Кваме Нкрума,— в своем течении приносит к берегам действительности один за другим упрямые факты жизни и человеческих отношений. Один из кардинальных фактов нашего времени — это великое воздействие пробуждения Африки на современный мир... Более 200 миллионов наших людей поднимают один могучий голос — и что же мы говорим? Мы не требуем смерти своих угнетателей; мы не желаем злой участи тем, кто владел нами, как рабами; мы выдвигаем справедливое и позитивное требование; наш голос гремит через океаны и горы, над холмами и долинами, в пустынях и на обширных пространствах, населенных людьми, он требует свободы Африки. Африка хочет свободы, Африка должна быть свободной.

Это — простой призыв, но он служит также красным сигналом предостережения всем, кто хотел бы его игнорировать,

Многие и многие годы Африку попирали колониализм и империализм, эксплуатация и упадок. На севере и на юге, на востоке и на западе ее сыны изнывали в цепях рабства и унижения, а эксплуататоры Африки и самозванные властители ее судьбы топтали нашу землю с невероятной бесчеловечностью, не зная пощады, стыда и чести. Эти дни отошли в прошлое, они отошли навсегда, и сегодня я, африканец, стою перед этой высокой Ассамблеей Объединенных Наций и говорю голосом мира и свободы, возвещая всему миру зарю новой эры»¹.

Вот он, подлинный голос *Латинской Америки*, которая на примере Кубы учится бороться за свободу. «Проблема Кубы,— говорил на XV сессии премьер-министр Кубинской республики Фидель Кастро,— это лишь пример того, что происходит в Латинской Америке. До каких же пор Латинская Америка будет ожидать своего развития? Если придерживаться критерия монополий, то ей, очевидно, придется ждать до греческих календ!.. Мир поделен между монополистическими группировками. Кто же осмелится отрицать эту историческую истину? Монополии отнюдь не заинтересованы в развитии народов... Мы прочитали речь, произнесенную президентом Эйзенхауэром, и не нашли в ней реальных предложений ни о разоружении, ни о развитии слаборазвитых стран, ни о колониальной проблеме. А между тем гражданам данной страны, столь подверженным влияниям лживой пропаганды, полезно было бы посвятить некоторое время объективному изучению и сравнению речей президента США и советского премьер-министра и увидеть, в которой из них проявлена искренняя озабоченность о мировых проблемах... Соединенные Штаты не могут быть вместе с алжирским народом, ибо они являются союзниками метрополии; они не могут быть вместе с конголезским народом, ибо они союзники Бельгии; они не могут быть вместе с испанским народом, потому что они являются союзниками Франко. США не могут быть вместе с пуэрто-риканским народом, чью национальную самобытность они уничтожают в течение многих лет; они не могут быть с панамским народом, ни с филиппинцами, ни с крестьянами, которые хотят земли, потому что США являются союзни-

¹ «Правда», 25 сентября 1960 г.

ками латифундистов. Они не могут быть вместе с колониями, которые стремятся к освобождению, потому что США являются союзниками колонизаторов... Поэтому мы провозглашаем право народа на суверенитет и свою национальную сущность». Перед лицом Америки и всего мира, заявил Кастро, Куба провозглашает «право крестьян на землю, рабочих — на плоды своего труда, детей — на образование, студентов — на бесплатное обучение, негров — на свободу... Она провозглашает право государств на национализацию международных монополий и выкуп национальных богатств; право стран... на то, чтобы превращать крепости в школы и вооружать своих рабочих, крестьян, студентов, интеллигенцию, негров и индейцев, угнетаемых и эксплуатируемых для защиты их законных прав»¹.

А вот он, голос *Азии*, приступающей к построению нового свободного мира, мира без угнетения, войн и нищеты. «Теперь ясно, — говорил на сессии президент республики Индонезии Сукарно, — что все главные проблемы нашего мира взаимосвязаны. Колониализм связан с безопасностью; безопасность связана с проблемой мира и разоружения; разоружение связано с мирным прогрессом слаборазвитых стран... Все мы живем в мире в период построения государств и разрушения империй... Этот процесс неизбежен и несомненен. Порою он неизбежен и замедлен, как движение расплавленной лавы по склонам индонезийского вулкана; порою он неизбежен и быстр, как поток, прорвавший непрочную плотину. Но будь она замедлена или быстра, победа национальной борьбы неизбежна и несомненна... Когда этот поход к свободе закончится во всем мире, тогда наш мир станет лучшим местом, чем теперь, более чистым и гораздо более здоровым... При этом мы должны бороться не за одних себя, а ради всего человечества и даже за тех, против кого мы боремся»².

Да, времена изменились. Ликвидация позорящей человечество системы колониализма — реальность наших дней. Реальность и то, что идеи *Советской Декларации* о предоставлении независимости колониальным странам и народам стали идеями *Декларации Генеральной Ассам-*

¹ «Правда», 29 сентября 1960 г.

² «Правда», 5 октября 1960 г.

блеи о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой 14 декабря 1960 г. подавляющим большинством голосов 89 стран. И если бы колонизаторы прошлого века могли ожить и попасть на XV сессию Генеральной Ассамблеи, если бы они услышали голос ее участников, если бы они увидели жалкие фигуры своих наследников, оставшихся в позорном одиночестве¹, если бы они взглянули на карту современного мира, то они в самом деле бы решили, говоря словами Киплинга, что «небо с землей предстали на страшный суд»...

Политический смысл «теории» национализма

Подведем итог сказанному выше. Суть «теории» национализма Ганса Кона в отрицании объективных законов исторического развития, в подмене социального национальным, хотя в конечном счете сама эта подмена имеет вполне определенный социальный смысл: противопоставляя Запад Востоку, Кон и пытается обосновать незыблемость и вечность капиталистических порядков. Разумеется, никто не собирается отрицать роль «национализма», а точнее, национальных движений в современной истории. При определенных условиях в эпоху консолидации наций буржуазного Запада они были фактором прогресса, они остаются фактором прогресса в колониальных и полуколониальных странах Востока, освобождающихся из-под ига империализма в наши дни.

Но, во-первых, национальные движения сами по себе еще не объясняют нам ни общих закономерностей, ни всей сложности исторического процесса. Эти движения (как в свое время и религиозные) имеют свою социальную основу, они сами должны быть «сведены» к более глубоким причинам.

Во-вторых, обращение к социально-экономическим корням национальных движений показывает, что не было

¹ От одобрения Декларации Генеральной Ассамблеи о предоставлении независимости колониальным странам и народам «воздержались» представители девяти стран. Вот эти страны: США, Англия, Франция, Бельгия, Австралия, Испания, Португалия, Южно-Африканский Союз и Доминиканская республика. Старые колониальные «зубры» вроде Англии, Испании, Бельгии далеко не случайно оказались в одной компании с США.

и нет какого-то особого, «западного» или «восточного» пути. Было (при огромном разнообразии темпов и форм) движение в одном и том же направлении, по общим объективным законам развития общественно-экономических формаций: от феодализма к капитализму, от капитализма к социализму. В наш век освобождения Азии, Африки и Латинской Америки вряд ли кому надо специально доказывать, что именно социальные задачи решают в конечном счете любые национальные движения.

В-третьих, стоит нам только встать на почву конкретной социально-экономической закономерности, как в любом антагонистическом обществе, и на Западе, и на Востоке, мы увидим вместо единой «нации» две нации, вместо единого «духа» — две национальные традиции. И там и тут класс эксплуататоров и его «национальная» традиция закабаления своего и других народов противостоит классу угнетенных, его подлинно национальной традиции борьбы за освобождение своего и других народов от всех и всяческих форм социального гнета. Именно поэтому, говорил Ленин, «при всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям»¹.

Наконец, что касается господствующей в истории той или другой страны, в тот или иной период национальной традиции, то она тоже не будет неизменной. Она будет меняться в зависимости от того, какой класс господствует в стране, вершит политикой государства и как изменяются его интересы.

Эти истины настолько бесспорны и настолько очевидны, что их не может не признать в той или иной форме даже такой почитатель национализма, как профессор Кон. В предисловии к своей книге «Национализм, его значение и история» Кон пишет черным по белому, что национализм — это «исторический феномен», определяемый «политической и социальной структурой различных стран, в которых он пускает корни». Введение основного труда Кона «Идея национализма» также прямо говорит о зависимости национализма от «других факторов»: «индустриализма», социальной и политической структуры. Но поскольку дальше общих фраз в предисловиях и введениях дело не идет, поскольку в ходе

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 20.

дальнейшего исследования влияние «других факторов» на национализм не выявляется, то национализм в понимании Кона остается главной движущей силой истории. По коновскому определению, это явление, «в котором сконцентрированы все проблемы недавней истории и современности». Национализм остается, кроме того, самодовлеющей, определяемой из самой себя исторической силой, отождествляемой то с особым «состоянием духа», то с «актом сознания», то с некоей мистической «идеей-силой» (*idée-force*). «Хотя объективные факторы и имеют важное значение для образования национальностей,— пишет Кон,— наиболее существенным элементом является живая и активная корпоративная воля»¹. Наконец, в самых «содержательных» из коновских определений национализма пропадает уже всякое содержание. «Национализм,— заключает американский профессор,— это идея, идея-сила, которая наполняет ум и сердце человека новыми мыслями и чувствами, заставляя его воплощать их в акты организованных действий»².

Устранив из своего идеалистического определения национализма всякое конкретно-историческое, классовое содержание, Кон получает далее возможность употреблять термин «национализм» по своему произволу. Когда речь идет о «восточном духе», то с ним навеки отождествляется реакционная политика феодальных режимов или самодержавный панславизм. И, наоборот, когда речь заходит о «западном духе», то здесь на все страны и периоды распространяется момент относительной прогрессивности раннего буржуазного национализма. К этой весьма простой механике сводится вся, с позволения сказать, «методология» Г. Кона.

Было два Запада и два Востока — этот факт последовательно и систематически скрывает в последних работах Кон.

Но известно, что реакционной политике «восточных деспотий» давно положен конец во многих странах Востока демократическими и социалистическими революциями XX в. Хорошо известно и другое: прогрессивность западного буржуазного национализма была и от-

¹ H. Kohn, *Nationalism. Its Meaning and History*, p. 10.

² H. Kohn, *The Idea of Nationalism*, p. 19.

носительной и недолгой. Даже в эпоху своей революционной молодости американская буржуазия, обеспечив известные демократические права для «белой расы», отвергла попытки Джефферсона отменить рабство для миллионов «черных». Робеспьеру уже в период революционной якобинской диктатуры приходилось бороться против буржуазных хищников, стремившихся превратить освободительные войны Французской республики в захватнические. Потребовалось всего каких-нибудь 10—15 лет, для того чтобы при Наполеоне в войнах Франции возобладала реакционная, завоевательная тенденция. Говорить же о прогрессивности современного «либерального» капитализма, доказывать, что «солнце (!) западного империализма» принесло «устойчивые выгоды» народам Востока, что именно благодаря «западным влияниям уменьшился (!) разрыв» между восточными и западными странами, что «это был период, за который Западу и особенно Великобритании нечего краснеть (!)», можно только, действительно утратив эту «способность краснеть». Но этого мало. Весь Запад, провозглашает Кон, «незаслуженно страдает от мук совести» и это может толкнуть его на «несоразмерное возмещение за якобы причиненное воображаемое зло!»¹

Когда читаешь слова Кона о «незаслуженных страданиях» Запада от «мук совести», когда слышишь его советы «не краснеть», то вспоминаются удивительно похожие рассуждения «творцов» нацистской Германии, рассуждения о том, что совесть — «химера», которая унижает человека и от которой «надо освободиться».

Впрочем, Кон зря беспокоится насчет «больной совести» империалистического Запада. Этот Запад пока не разоряется на возмещение убытков, причиненных народам колониальных стран. Он продолжает тратить средства на гонку вооружения, вскармливает колониальных фашистов, вроде алжирских «ультра» или молодчиков Мобуту, пытаясь подавить освободительную борьбу народов, спасти от неминуемой гибели колониализм. Идеологическому оправданию этого «святого» дела и служат последние коновские творения, осуждающие «нездоровый» азиатский национализм, доказывающие

¹ См. *H. Kohn, The Reflections on Colonialism*. В сб.: «*The Idea of Colonialism*», p. 101.

«отсталым» народам, что их интересы будут лучше всего обеспечены не национально-освободительной борьбой, а вступлением в «сверхнациональные объединения» вроде НАТО, СЕАТО и СЕНТО.

Что сулит Ганс Кон освобожденным народам Востока

Если либеральному Западу Ганс Кон советует «не краснеть» и не тратить сил и средств на возмещение за причиненное колониальным народам «воображаемое зло», то, напротив, освобождающимся от империалистического рабства народам Востока (а неизбежность их освобождения ясна даже Гансу Кону) он рекомендует не слушать «коммунистической пропаганды» и идти по западному пути. Именно Запад, уверяет он, показал на своем примере, как можно построить свободное общество, устранить социальные конфликты, ликвидировать отсталость и нищету.

«Случилось то,— заявляет Кон,— чего не ожидал Маркс. В первую половину XX столетия Западное общество разрешило свою самую неотложную проблему, которая казалась неразрешимой в XIX веке... В передовых Западных странах — США, Британии, Скандинавии, Нидерландах и ФРГ рабочий уже не чувствует себя простым объектом эксплуатации, он осознал, что и он приобрел решающий голос в определении своей жизни и национальной судьбы. Редко происходили в истории более быстрые и более радикальные изменения в положении и экономическом благосостоянии, чем те, которые произошли в условиях жизни рабочего класса в начале XX века и полвека спустя. Западные социалистические и рабочие партии признали это и отказались от отжившей марксистской идеологии, как вступившей с существующей реальностью в явный и совершенный конфликт... Тот бунт, на который возлагали надежды Маркс и Ленин, не произошел. Вместо этого пролетарии были интегрированы и включены в Западное общество. В 1950-х годах ни одной из передовых стран Западного содружества не грозит революция или классовая война»¹.

¹ H. Kohn, The Twentieth Century, p. 225.

Несомненно, жизненный уровень рабочего класса в некоторых высокоразвитых капиталистических странах за последний век изменился. Рабочий трудится не 12—15 часов, как это было в эпоху Маркса, а 7—10 часов, в ряде случаев он получает временное пособие — по безработице, страховое пособие — в случае увечья, пенсию — после того, как отработает на капиталиста несколько десятков лет.

Но, во-первых, все это не дар, а завоевание, стоившее рабочему классу огромных жертв и усилий. Сколько конфликтов, забастовок, вооруженных столкновений можно обнаружить в истории «образцовых» западных демократий за минувший век, и не походила ли прославляемая профессором «интеграция» на непрерывную, иногда бескровную, иногда кровавую войну? Вспомним хотя бы совсем недавнюю всеобщую забастовку в Бельгии, этой «образцовой» западной стране, которой «не грозила», согласно Кону, классовая война. А сколько конфликтов, столкновений предстоит еще выдержать рабочему классу Запада, чтобы не потерять то, что он сумел завоевать?

Далее, хотя рабочий класс в отдельных странах добился в упорной борьбе удовлетворения ряда своих насущных требований, гнет капитала не только не исчез, он стал еще более нестерпимым с тех пор, как капитализм перерос в государственно-монополистический капитализм. Соединив в единый механизм силу монополий с силой государства, современный капитализм в новых формах, прежде всего путем интенсификации труда, неизмеримо усилил эксплуатацию рабочего класса, ускорил процесс разорения широких крестьянских масс¹.

Такой же реальностью, как и в эпоху Маркса, остается и раскол западных буржуазных наций на две нации. Вот как выглядела, к примеру, социальная структура Англии в пятидесятых годах XX (а не XIX!) века, по свидетельству тех самых реформистов, которые на всех перекрестках кричат, что «отжившая марксистская идеология вступила с существующей реальностью в явный и совершенный конфликт». В обращении английской лейбористской партии под названием «К равенству» говорится: «Как в хозяйственном, так и в общественном отношении мы представляем «две нации». По-

¹ См. Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, М., 1960, стр. 10, 11 и др.

что половина населения владеет одними только личными вещами и предметами домашнего обихода, зато один процент населения обладает, примерно, половиной всей частной собственности. Но и этим контрастом еще не вполне передана растущая концентрация богатств. Об этом говорит хотя бы такой пример: $\frac{1}{4}$ часть нашей частной собственности состоит из больших состояний по 50 тысяч и более фунтов стерлингов, и этой собственностью распоряжается всего 0,2 английского народа»¹.

Кроме того, почему из поля зрения профессора исчезли миллионные армии безработных, которые до сих пор обременяют «процветающий» западный мир? Может быть эти люди уже стали «хозяевами» (co-masters) своей жизни и своей национальной судьбы? И кто поручится за то, что эти армии не увеличатся завтра же втрое или впятеро, что перечисленные «передовые страны» не постигнет катастрофа, подобная кризису 1929—1933 гг.? Разве не входит в понятие общественного прогресса фактор прочности и обеспеченности социальных завоеваний и где можно увидеть эту прочность и обеспеченность в западном обществе в наши дни? «Организация рабочих, их все растущее сопротивление, возможно, воздвигнет некоторую плотину против *роста нищеты*,— предвидел «устаревший» Энгельс еще в 1891 году.— Но что наверно возрастает, это *необеспеченность существования*»².

Во-вторых, капитализм — это не одно только «западное общество», несколько перечисленных Коном стран. Это совокупность всех общественных отношений данной формации, отношений, охватывающих весь капиталистический мир. Богатства капиталистического Запада создавались и создаются в немалой степени за счет жесточайшей эксплуатации колониальных и зависимых стран и народов, за счет расхищения их труда и природных богатств. Капитализм — это не только Англия, веками богатевшая на грабеже колоний, но и ограбленные (теперь уже бывшие) колонии Англии: — Индия, Бирма, Пакистан. Это не только США, но и нищие страны Латинской Америки, где хозяйничал и продол-

¹ Towards Equality, published by the Labour Party, London, 1956, p. 19.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 105.

Жаает хозяйничать американский монополистический капитал. И если в наши дни — по сравнению с прошлым веком — трудящиеся добились некоторого повышения жизненного уровня, так сказать, в собственном английском или американском доме, то этого — как мы уж знаем — не скажешь об «окраинах» западного мира, если брать распределение нищеты и богатства на международных полюсах.

В колониях и бывших колониальных и полуколониальных владениях люди живут в среднем в десять—двадцать раз хуже, продолжительность жизни здесь в два раза меньше, чем в метрополиях, — вот на чем в немалой степени держится процветающий «западный» мир.

Любопытные признания насчет того, какова была за последние полстолетия тенденция развития капиталистического мира *в целом*, можно иногда обнаружить и в буржуазной литературе. Доктор Балог, английский экономист, писал например: «Сомнительно, превышало ли общее реальное производство на душу населения за пределами советской орбиты в 1950 году уровень 1913 г. или даже 1900 г. Более того, вторая мировая война не только не ослабила, но усилила эту тенденцию. В большинстве недоразвитых стран производство продуктов питания отстает от роста населения. Мрачное предсказание Маркса о том, что богатые станут богаче, тогда как бедные будут терпеть все большие лишения, к сожалению, оправдалось в международном масштабе».

Это особенно характерное для системы капитализма XX века международное перераспределение бедности и богатства в немалой степени объясняет тот факт, что именно с Востока начали в этот век свое движение к социализму народы мира. «Устаревший» Ленин, разрабатывая программу РКП(б), писал еще сорок с лишним лет тому назад: «Может быть, было бы целесообразно сильнее подчеркнуть и нагляднее выразить в программе выделение кучки богатейших империалистских стран, паразитически наживающихся грабежом колоний и слабых наций. Это — крайне важная особенность империализма, которая, между прочим, до известной степени облегчает возникновение глубоких революционных движений в странах, которые подвергаются империалистскому грабежу, которым угрожает раздел и удуше-

ние их гигантами-империалистами (такова Россия), и, наоборот, до известной степени затрудняет возникновение глубоких революционных движений в странах, которые грабят империалистски много колоний и чужих стран, делая таким образом, очень большую (сравнительно) часть своего населения *участником* дележа империалистской добычи»¹.

В-третьих, можно ли говорить о капиталистическом мире без учета порожденного им милитаризма и империалистических войн? Коны лицемерно твердят, что капитализм вооружается только ввиду «агрессивности» социализма. Но вся история доказывает, что *система эксплуатации человека человеком была неотделима от системы истребления человека человеком* — это две стороны одного и того же капиталистического строя². Войны — закономерное порождение капитализма, он имел достаточно времени выявить свою милитаристскую сущность и в те времена, когда на земле не существовало ни одной социалистической страны и за последние сорок с лишним лет. Ведь это оно, прославляемое Коном «западное» общество породило, помимо бесчисленных малых войн, две мировые войны, разорившие десятки стран, стоившие человечеству более тридцати миллионов убитых, около ста миллионов раненых. Ведь это оно, «западное» общество, развязало безумную гонку ядерного вооружения, употребив лучшие силы человеческого гения на созидание чудовищных разрушительных средств.

За десять лет существования Северо-Атлантического блока, рекламируемого Коном в качестве «прообраза» будущего сверхнационального «содружества», участники его потратили на приготовления к новой войне почти 600 млрд. долларов. Это — стоимость более сорока (!) пятилетних планов такой страны, как Индия, которая предполагала затратить на мирное строительство в 1955—1960 гг. 62 млрд. рупий, или около 13 млрд. долларов³. Средства, бросаемые империалистами на гонку вооружений, позволили бы в других общественных условиях поднять из нищеты все без исключения отста-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 141—142.

² См. Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, стр. 23.

³ См. Indian Economics Year Book. 1957—1958.

лые страны земного шара, превратить их в процветающие, развитые государства¹. Но мало сказать, что все эти сотни миллиардов просто «выброшены на воздух». Развитие новейших видов оружия позволило материализовать их в такие орудия разрушения, которые могут в любой момент поднять на воздух все культурные ценности, уже накопленные человечеством, опустошить целые континенты, погубить сотни миллионов людей!

Вот что сулит человечеству и куда ведет его восхваляемый Коном «западный» капитализм! Кон берет отдельные страны Запада, а не весь капиталистический мир. В этих странах он исследует отдельные периоды, а не всю историю их развития, учитывает отдельные слои, а не все население. Новые формы эксплуатации труда монополистическим капиталом, вчерашние кризисы и сегодняшние депрессии, миллионные армии безработных и полубезработных — не в счет. Мировые войны, милитаризм — несущественные детали. Угроза ядерной катастрофы — сущий пустяк. «Получается»: Маркс устарел, классовой борьбы нет и в помине, «интегрированный» рабочий счастлив, Запад цветет, учитесь у него строить свою жизнь. А у западного «интегрированного» рабочего погибли в империалистической войне братья. Сам он провел молодость в окопах и долгие годы выкарабкивался из послевоенной разрухи и нищеты. Он живет под постоянным страхом потерять работу. Третья часть создаваемых им богатств идет монополистам, еще одну треть его хозяева расхищают на выгодную им гонку вооружений. Его судьбой играют безумцы, вооруженные водородными бомбами, его дом, его город может каждую минуту превратиться в прах, ему, этому «интегрированному рабочему», грозит уже не просто абсолютное обнищание, о котором писал Маркс, *ему угрожает абсолютное уничтожение*, а гансы коны разглагольствуют о том, какие блага человечеству несет либеральный буржуазный «прогресс»!

«Если бы чума могла раздавать должности, доходные места, почести, пенсии,— писал в XVIII в. Мабли,—

¹ «Экономисты афро-азиатских стран считают,— писал индийский общественный деятель Х. Д. Малавия,— что 10 процентов военных расходов великих держав достаточно для того, чтобы уничтожить бедность, болезни и неграмотность во всем мире за 20 лет». «Правда», 20 октября 1960 г.

она вскоре имела бы своих богословов и своих юристов, доказывающих, что она божественного происхождения и что оказывать сопротивление ее опустошениям грешно»¹.

По масштабам бедствий, которыми современный империализм грозит человечеству, его можно вполне уподобить чуме. Но если чума все же не имела своих апологетов, то империализм их имеет в избытке. Именно поэтому он уже унес больше жертв, чем средневековая чума. Именно по этой причине борьба с ним потребует от людей несравнимо больше сил, чем они затратили в свое время на борьбу с чумой.

¹ Г. Мабли, Избранные произведения, М.—Л., 1950, стр. 248.

ГЛАВА 2

ИЗЫСКАНИЯ ГАНСА КОНА В ОБЛАСТИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Западники и славянофилы

От «теории» национализма Ганса Кона перейдем к его конкретным изысканиям в области истории России. Назвать эти изыскания коновскими можно, впрочем, с большой натяжкой — профессор переписывает домыслы, повторяемые в десятках и десятках книг. Но это не избавляет, а еще больше убеждает в необходимости их разбора.

Основой прогресса России, по Кону, были «влияния Запада». Соответственно этому ее главными политическими силами профессор считает западников и славянофилов. Западническую линию представляли Чаадаев, Белинский, Герцен, Соловьев, Федотов, некоторые царские министры вроде Сперанского и Витте, а в XX в. — партии кадетов и меньшевиков. С этой линией-де боролись выразители русского «духа» — славянофилы, начиная от Погодина и Достоевского и кончая Лениным. Они, по заверениям профессора, учили о превосходстве Востока над «гниющим Западом» и вели — будь то под лозунгами христианской религии или социализма — пропаганду русского панславизма и мессионизма. Исход борьбы между ними, как можно понять из книг профессора, определяли разные привходящие обстоятельства. По велению случая на русский престол садились глупые цари, которые отказывались, несмотря на все свои хорошие намерения, «принять необходимые шаги по запоздалой модернизации и реформированию России, как члена Европейского сообщества». На службе у глупых царей оказывались, как правило, не «прозападные» либераль-

ные Сперанские, а нетерпимые и косные Аракчеевы и Победоносцевы, «убежденные в моральном и практическом зле всех современных западных институтов». Дух «насилия» и «беззакония», насаждаемый тупыми бюрократами, порождал «нетерпение» в среде русской интеллигенции. Она так и не смогла понять пользы «умеренного английского критицизма», впала в мистическое обожание разного рода экстремистских мер. Именно поэтому русские революционеры — следуя в русле «восточных традиций» — повторяли политику своего врага.

Правда, некоторые проблески прогресса профессор усматривает в конце XIX — начале XX в., когда в России сложился «средний класс» (т. е. буржуазия) и образовалась партия «кадетов». Но едва Милюков начал переубеждать Николая II и его супругу преобразовать «самодержавие в режим «законной свободы»», как вмешалась все та же историческая случайность — на этот раз в виде мировой войны. «Хаосом», порожденным войной, воспользовался «враг Запада» Ленин, которого немецкие генералы — опять же по глупости и «недалековидности» — пропустили в Россию. Пользуясь тем, что массы не знали «ценностей Запада», Ленин отеснил на второй план «западников» — либералов и меньшевиков и захватил власть. Россия была возвращена из «Петербургского» периода в «Московский» антизападный период, с переносом столицы в Москву современная история страны закончилась. Но Кон все же остается «оптимистом». Он верит, что те же «западные влияния» еще исправят ошибки истории и решат борьбу «между русским традиционализмом» и «западной свободой» в пользу последней.

Нетрудно понять, что коновская «концепция» исторического развития России целиком и полностью соответствует коновской «теории» национализма. Нет в ней только одного: соответствия реальным фактам русской истории. Или, если быть более точным, все реальные факты перевернуты профессором с ног на голову. Обратимся прежде всего к борьбе западников и славянофилов.

Нет такой работы буржуазных историков, в которой эта борьба не провозглашалась бы «ключом» к пониманию всей новой истории нашей страны, и, разумеется, каждый историк приводит десятки цитат и высказыва-

ний, свидетельствующих о том, что именно по извечному водоразделу «Восток» или «Запад» проходил «великий раскол» русской нации.

То же доказывает и Кон: великий спор, начавшийся между русскими западниками и славянофилами в Москве в 1840-х годах, «дебаты о России и Западе, шедшие на протяжении XIX столетия,— пишет он,— образуют ту основу, на которой может быть понята Россия, а также ее отношение к Западу в середине XX в.»¹ Это открытие, разъясняют нам почитатели профессора, имеет огромное значение не только для познания русской национальной истории: «От Нью-Дели до Каира, от Джакарты до Карачи и Найроби, люди, которые никогда не читали ни Маркса, ни Ленина или Сталина, которые зачастую питают отвращение к русскому, оказываются захваченными теми же эмоциями и идеями, которые разжигают все еще незавершенный спор западников и славянофилов в России»².

Но вернемся от Индии или Египта к России. Соответствует ли подобное разделение общественных сил если не всем, то хотя бы некоторым периодам русской жизни? Если нет, то почему же с таким постоянством и упорством возрождаются отвергнутые наукой концепции и как же тогда трактовать те факты, которые приводят буржуазные историки?

Возьмем 40-е годы XIX в., наиболее «выгодные» для коновской концепции. Мы, действительно, находим здесь широкое антикрепостническое, просветительское направление, объединяющее писателей, публицистов, историков, которые отстаивали возможность и необходимость развития России по «западному» пути, именовались «западниками». Можно привести десятки фактов совместных выступлений Белинского и Герцена с Грановским, Кавелиным, Боткиным против теории «официальной народности» так называемого журнального триумвирата (Греч, Булгарин, Сенковский), против «славянофилов», за «натуральную школу» и т. п. Герцен и Белинский (а впоследствии Чернышевский) высоко ценили лекции «западника» Грановского. Белинский приветствовал

¹ The Mind of Modern Russia, p. 14—15, VIII и др.

² V. M. Dean, The Nature of Non-Western world, N.Y., 1957, p. 257.

статью Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России»; во многом одобрял великий критик литературную деятельность Боткина, в частности его статью о немецкой литературе, «Письма об Испании» и пр. С теми или иными оговорками к «западникам», союзникам Белинского, Герцена и Огарева, можно отнести также Милютина, Заблоцкого-Десятовского, Сатина, Майкова (критика), Анненкова, Панаева, Гончарова, Тургенева, Григоровича и многих других. Несомненно, с другой стороны, что «западникам» противостоит в 40-е годы достаточно ясно и четко очерченное направление «славянофилов», во многом смыкавшихся с теоретиками «официальной народности», отстаивавших теорию самобытности русской истории, пытавшихся свернуть Россию с «западного пути».

Однако, оставаясь на поверхности явлений, Кон, как и другие буржуазные авторы, не идет вглубь, не ставит дальнейших вопросов. Почему именно такую форму приняла полемика по главным общественным вопросам в 40-е годы? Какие социальные силы стояли за этими лозунгами? Какое конкретное содержание вкладывали они в понятие «западный» или «самобытный» путь?

Давно известно, что никогда ни одна глубокая социальная тенденция не появляется сразу, так сказать, в «готовом», в «чистом» виде. Далеко не сразу ее сущность проявляется во вполне адекватной, соответствующей ей, идеологической и политической форме. В процессе развития этой тенденции, в прямой зависимости от остроты социальных противоречий, происходит как бы сбрасывание более случайных форм и нахождение форм более необходимых, изживание форм более далеких от содержания и замена их формами, более близкими к нему. И чем «моложе» тенденция, тем труднее «узнать» ее. Но историческая наука, не оставаясь на поверхности явлений, находит глубинные процессы, вскрывает за наносным коренное, за временным — постоянное, за второстепенным — определяющее. Эта наука потому и является исторической, что она может судить о событиях не только по тому, чем они кажутся в момент их возникновения, но с учетом их будущего, их тенденции, результатов их развития, которые «проясняют» объективный смысл происходящего, зачастую не осознаваемый непосредственными участниками событий.

А между тем, если говорить не о форме, а о сути общественной борьбы тех лет, выделить главную, всеопределяющую проблему тех лет не так уж трудно: на этот счет есть десятки свидетельств самих же «западников» 40-х и 50-х годов. «...Можно сказать, что весь *русский вопрос*, по крайней мере в настоящее время, заключается в вопросе о крепостном праве», — писал Герцен¹. «В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право, — подтверждает его свидетельство Тургенев. — Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решился бороться до конца — с чем я поклялся никогда не примириться... Это была моя Аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда»².

По существу полемика о «самобытном» пути была вынесена на поверхность общественной борьбы по весьма простой причине: после разгрома восстания декабристов говорить открыто о сколь-нибудь радикальном изменении общественного строя России, об уничтожении крепостничества было просто нельзя. Поэтому наиболее доступной и возможной легальной формой постановки и решения вопроса о ликвидации крепостничества и самодержавия оказалась форма рассуждений о хороших или плохих путях Запада и сравнение их с Россией. Объективная почва для такой именно окраски споров была подготовлена тем, что Запад шел впереди России по своему социальному и политическому развитию, что он уже покончил с феодализмом. То, что России еще предстояло, там было пройденным этапом. И если страна более развитая показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего, то как раз таким было отношение передовых стран Европы к России. Западный путь был объективно просто синонимом буржуазного пути. Но, говоря о Западе, люди той эпохи думали прежде всего о России. Poleмика со славянофилами, учение которых смыкалось во многом с теорией «официальной народности», позволяла «бить по мешку, имея в виду осла», она метила и в официальную идеологию русского самодержавия.

¹ А. Герцен, Собр. соч. в 30 томах, т. XII, М., 1957, стр. 35.

² См. И. С. Тургенев, Литературные и житейские воспоминания. Собр. соч., т. X, М., 1956, стр. 261.

Спор «принужден был, по обыкновению, держаться на литературной, эстетической, философской и частью археологической аренах, и притворяться, никого, впрочем, не обманывая, невинным спором двух различных видов одного и того же русского патриотизма, а иногда даже и пустым разногласием двух школьных партий,—свидетельствует в своих воспоминаниях Анненков.— В сущности, дело тут шло об определении догматов для нравственности и для верований общества и о создании политической программы для будущего развития государства»¹.

Если далее внимательнее приглядеться к единому в те годы течению «западников», то можно заметить и другое. Единым оно было только в одном отношении: в признании необходимости уничтожения существовавших в России порядков. Что же касается способов осуществления будущего переворота и его содержания, то здесь уже в то время на первый план выступают глубокие, коренные расхождения.

Профессор Кон, разумеется, не желает обращать внимания на такие «мелочи», как споры в среде «западников» 40-х годов о Робеспьере, «буржуази», социализме, а между тем эти споры объясняют несравненно больше в понимании путей исторического развития России и расстановки ее социальных сил, чем пресловутая дилемма «Восток» или «Запад». «Западники» Белинский и Герцен мечтали о своем 1789 г., «западники» Грановский и Кавелин — о том, как бы его избежать. «Тут нечего объяснять,— писал Белинский о диктатуре якобинцев,— дело ясно, что Р(обеспьер) был не ограниченный человек, не интриган, не злодей, не ритор и что тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов»². И как раз против Робеспьеров и Сен-Жюстов, в защиту «сладеньких и восторженных фраз идеальной и прекраснодушной Жиронды» выступает в это время Грановский. Он пишет Белинскому: «Робеспьер был мелкий дрянной человек, бывший органом и орудием

¹ П. В. Анненков, Литературные воспоминания, СПб., 1909, стр. 235.

² В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XII, М., 1956, стр. 105.

чужой воли... Жиронда выше его... Жиронда определила и указала все вопросы, о которых теперь размышляет Европа»¹.

Но речь шла не только о расхождении в средствах и способах грядущего переворота, речь шла о расхождении в понимании его содержания. Западный буржуазный мир уже в ту пору выявил свои противоречия, «владычество капитала» уже тогда покрыло позором Европу. Вот почему Белинский и Герцен хотели на развалинах самодержавия строить социализм (их социализм был еще утопическим), а не воспроизводить — по «западному образцу» — царство буржуазного либерализма.

Споры и разногласия в среде западников охватывают к середине 40-х годов буквально все стороны их мировоззрения. Среди «друзей» Белинского раздаются постоянные протесты против «нетерпимости» критика («нетерпимостью» либералы 40-х годов называли его принципиальность и последовательность в защите своих идей). Расходятся Белинский с Боткиным в оценке философии Конта, Огарев и Герцен с Грановским — по вопросу о материализме. Между последними дело дошло до разрыва: Грановский отказался признать, что «развитие науки, современное состояние ее *обязывает нас* к принятию кой-каких истин, независимо от того, хотим мы или нет...» (речь идет об истинах материализма, неверии в бога и бессмертие души)². Налицо непримиримые разногласия между Белинским и Боткиным в отношении к искусству (вспомним различные оценки «Антон Горемыки» Григоровича, теорий немецкого эстета Ретшера, спор о том, помещать ли в «Современнике» монологи Огарева ввиду их «гамлетовского настроения» и т. д.). Недаром Белинский писал своему «другу»: «Стало быть, мы с тобою сидим на концах»³. Воевал Белинский в эти годы не только против «фанта-

¹ «Т. Н. Грановский и его переписка», М., 1897, т. II, стр. 439—440. В этом споре Белинского поддерживал и Герцен. «...Откуда открыл Шепелявый (так называли друзья Грановского.— *Авт.*) личные виды у Максимилиана Петровича,— о котором я совершенно разделяю твое мнение... Врет Шепелявый! Максимилиан один истинно великий человек революции, все прочие необходимые блестящие явления ее и только». См. «Литературное наследство», т. 56. М., 1950, стр. 80.

² А. И. Герцен, Собр. соч. в 30 томах, т. IX, М., 1956, стр. 209.

³ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 445.

стической народности» славянофилов и официальных идеологов царизма, но и против «фантастического космополитизма» некоторых либеральных деятелей вроде Майкова, который хотел «разделить народное и человеческое на два совершенно чуждые, даже враждебные одно другому начала»¹.

Но, пожалуй, сильнее всего, глубже всего и всего нагляднее противоречия, разделявшие уже в 40-х годах революционно-демократическую и либеральную тенденции в «западнической», а точнее, антифеодальной, общественной мысли, проявились в связи с переходом Белинского в «Современник» (1846—1847) и в связи с обсуждением знаменитых герценовских «Писем из Avenue Marigny» (1847—1848).

В 1846—1847 гг. осуществилась давняя мечта Белинского — уйти от Краевского и работать в своем журнале, быть полным «хозяином» его направления. Этим журналом и явился «Современник», приобретенный Панаевым и Некрасовым. Встала задача сплотить вокруг редакции всех антикрепостнически настроенных деятелей, а таковыми оставались Грановский, Кавелин, Боткин, Кудрявцев, Анненков и др. Вербовать «сотрудников и соучастников» можно было главным образом из этих людей. Так и поступил Белинский. Но если уйти от Краевского было сравнительно легко, то перетянуть с собой прежних союзников из «западнического» лагеря оказалось делом несравненно более сложным и трудным.

Многие из них были рады, воспользовавшись случаем, избавиться от «нетерпимости» «неистового Виссариона». Из года в год накапливающиеся противоречия получили возможность проявиться, так сказать, организационно. Оговоримся, что это еще не такой раскол, когда, спустя 10 лет, Тургенев и др. выйдут из «Современника». Но одно предвосхищает другое. Грановский, Кавелин, Боткин организовали своеобразный «саботаж» мероприятий новой редакции «Современника», «заговор» с целью оформления своей «независимой» линии.

А как относится в эти годы к «москвичам» Белинский? Он называет их в это время не иначе, как «наши московские друзья-враги». «Московские наши приятели

¹ В. Г. Белинский, Избр. философск. соч., т. II, 1948, стр. 301.

поступают с нами, как враги, и губят нас...— пишет он с негодованием Боткину.— А послушать: общее дело, мысль, стремление, симпатия, мы, мы и мы: соловьями поют... Не верю я этой всеобщей любви, равно на всех простирающейся и не отличающей своих от чужих, близких от дальних («москвичи» говорили, что они равно любят и «Отечественные записки» и «Современник».— Авт.)... Кавелин и Грановский как будто уговорились с тобою губить «Современник»»¹.

Каков был результат всех этих тогда еще во многом скрытых противоречий? «Друзья-враги» — Боткин, Кавелин, Грановский, Галахов, Кудрявцев все же соглашались на участие в «Современнике», не отказываясь в то же самое время от сотрудничества и в «Отечественных записках». В этом факте выразилось все своеобразие создавшейся ситуации, когда противоречия проявились с небывалой до тех пор остротой, но все же не привели еще к расколу, полному разрыву.

Если углубляющиеся противоречия в стане «западников» суммировались в связи с переходом Белинского в «Современник» как бы «организационно», то в связи с обсуждением герценовских «Писем из Avenue Marigny» они суммировались теоретически.

Главная линия споров проходила здесь между Боткиным, Грановским, Кавелиным, Коршем и др., восхвалявшими буржуазию, и Герценом и Белинским, резко критиковавшими ее. При этом следует подчеркнуть особую позицию Белинского, которая кратко была выражена им в следующих словах по поводу «Писем» Герцена: «...Много верного.., но во многом не согласен». Он согласен с Герценом в том, что «владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором», «горе государству, которое в руках капиталистов»,— восклицает он. Но он, во-первых, понимает, «что буржуази — явление не случайное, а вызванное историею...», что «она имела свое великое прошедшее.., оказала человечеству величайшие услуги». Во-вторых, он различает «буржуази в борьбе и буржуази торжествующую». А, в-третьих, он полагает, что «не на буржуази вообще, а на больших капиталистов надо нападать»².

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 406, 409, 421, 417 и др. (Письмо Боткину 4—8 ноября 1847 г.)

² Там же, стр. 447—449. (Письмо Боткину 2—6 декабря 1847 г.)

Если Боткин восклицал «Дай бог, чтобы у нас была буржуазия», если Бакунин, усугубивший ошибку Герцена, доказывал, «что избави-де бог Россию от буржуази», то Белинский понимал, что Россия вряд ли избежит капитализма, но для него капиталистическая промышленность была «только последним злом во владычестве капитала, в его тирании над трудом». Окончательное решение вопроса он оставляет открытым, но сама его постановка гениальна: «...Я допускаю, что вопрос о bourgeoisie — еще вопрос, и никто пока не решил его окончательно, да и никто не решит — решит его история, этот высший суд над людьми»¹. Исторический опыт — вот в зависимости от чего ставит Белинский окончательное решение вопроса. Значение этих споров о западной буржуазии в истории «отделения либерализма от демократии» тем более велико, что они происходили буквально накануне 1848 г., еще более наглядно показавшего разницу между буржуазией, идущей к власти, и буржуазией торжествующей.

Таким образом, «единое» западничество уже в 40-е годы скрывает два различных крыла. Разумеется, обе эти группировки находятся еще в зародышевом состоянии, но это зародыш именно тех политических сил, тех направлений, борьба которых окажет впоследствии громадное влияние на всю историю России. Разумеется, воззрения Белинского и Кавелина были по своему объективному содержанию буржуазными: осуществление идеалов и того и другого привело бы к победе в России капиталистического способа производства. Но уже тогда они представляли буржуазность разных классов: крестьянства, с одной стороны, обуржуазившихся помещиков и формирующейся буржуазии — с другой, защищали два различных пути будущего буржуазного преобразования России. Разумеется, можно указать немало примеров совместной борьбы и совместных политических выступлений демократов и либералов 40-х годов, нельзя отрицать наличие отдельных либеральных колебаний у революционных демократов, так же как и наличие (порой существенных) элементов демократизма у либералов, но нельзя не видеть того, как в среде союзников — идеологов различных социальных сил, временно объеди-

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 447, 452.

ненных общей мыслью о необходимости уничтожить крепостное право, вырисовываются, становятся все более ясными и различными оттенки, расхождения, противоречия во взглядах. Poleмика, первоначально скрытая главным образом в письмах; споры, которые пока ведутся в кружках; факты противоречий, заслоняемые на первых порах фактами союза и единства, постепенно выходят на поверхность, вызывают общественный резонанс. За всякого рода случайными наслоениями все отчетливее пробиваются две линии: крестьянско-демократическая и помещичье-либеральная.

Что же касается «славянофилов» 40-х годов, то мало назвать их «антиподами» западников, верившими, что Запад «гниет», и этим ограничить свой анализ. «Славянофильство», проникнутое религиозно-мистическими началами, идеями «самобытности» русского пути, выражало интересы консервативного крыла помещичьего либерализма и занимало промежуточное положение между старой феодальной Россией и формирующимся антифеодальным лагерем. Его идеология смыкалась не только с теорией «официальной народности» (о чем сообщает Кон), но и с «западническим» либерализмом (о чем профессор умалчивает), выражая общее всем либералам стремление ликвидировать крепостное право без потрясений классовой борьбы, общую тенденцию к сближению с крепостниками. Если вспомнить, что славянофилы отличали русскую историю от истории Запада именно тем, что в России, по их мнению, «не было ни борьбы, ни завоевания, ни вечной войны» (т. е. классовой борьбы), и если вспомнить, что и либералы — «западники» были отнюдь не в восторге от революции 1789 г., то мы поймем, что объединяющие моменты в идеологии либерально-прогрессивных «западников» и либерально-консервативных «славянофилов» имелись уже в 40-е годы.

Эти наметившиеся в 40-х годах в сфере идейной борьбы тенденции к единству либеральных элементов в «западничестве» и «славянофильстве», с одной стороны, и к размежеванию западнического либерализма и демократизма — с другой, совершенно отчетливо выявляются в конце 50 — начале 60-х годов в открытой борьбе политических направлений. Демократы оказываются в стане борющегося крестьянства, либералы, как «западни-

ки», так и «славянофилы» — их противниками, как только, казалось бы, абстрактный вопрос — каким путем идти России — принял конкретную форму: как и кому освободить крестьян. «Западник» Кавелин в 40-х годах вместе с Белинским (несмотря на все принципиальные расхождения между ними) выступал против славянофилов и апологетов теории официальной народности. В эти годы жандармский холуй Булгарин писал доносы и на Белинского, и на Кавелина. В 60-х годах Кавелин — непримиримый враг Чернышевского — уже сам пишет донос «О нигилизме и мерах против него» и приветствует расправу над революционерами. «Они были хороши,— говорил Чернышевский в 1857 г. о «гг. Боткиных с братиею»,— пока их держал в ежовых рукавицах Белинский,— умны, пока он набивал им головы своими мыслями. Теперь они выдохлись...»¹

В дальнейшем по мере развития классовой борьбы русский буржуазно-помещичий либерализм все прочнее связывает себя с крепостничеством и самодержавием, выступая во все моменты обострения классовой борьбы на стороне официального лагеря против демократии, представленной сначала разночинцами, а затем революционным пролетариатом и крестьянством.

Таким образом, с помощью категорий «западник» или «славянофил» нельзя понять даже западничество и славянофильство 40-х годов, когда зародились эти понятия, и, кстати, даже писатели прошлого века прекрасно понимали узость, искусственность, условность этих понятий, невозможность выразить в них суть тогдашней борьбы. «Не очень точны,— свидетельствует тот же Анненков,— были прозвища, взаимно даваемые обеими партиями друг другу в виде эпитетов московской и петербургской или славянофильской и западной... Неточности такого рода неизбежны везде, где спор стоит не на настоящей своей почве и ведется не тем способом, не теми словами и аргументами, каких требует»².

За столетие, прошедшее с тех пор, эта «настоящая почва» идейной борьбы 40 — 60-х годов давным-давно найдена исторической наукой. Но Кон продолжает, не-

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. XIV, М., 1949, стр. 345.

² П. В. Анненков, Литературные воспоминания, стр. 236 (курс. нац. — Авт.).

смотря ни на что, искать в России «московскую» и «петербургскую» партии. Не удивительно, что уже периоду 40-х годов он, в сущности, дает одностороннюю, искаженную оценку, скрывая факты расхождений в среде западников, замалчивая тенденции к единству либерального западничества и либерального славянофильства. Что касается 50—60-х годов, то Кон сам разрушает свою схему, выделяя в особый разряд представителей «радикальной» России — Чернышевского и его последователей. Когда же сквозь призму коновских «абстракций» рассматриваются более поздние периоды, то теряются последние остатки объективности. Вместо анализа реальных процессов классовой борьбы мы находим в коновских «исследованиях» подборку вырванных из текстов и препарированных высказываний русских деятелей, разделяемых по одному только принципу: «за» Запад или «против» Запада. В едином лагере «западников» оказываются Белинский и кадеты; материалист, социалист Герцен и мистик Соловьев. В едином лагере «славянофилов» фигурируют Тютчев, Победоносцев, Достоевский и... Ленин. Неважно, что Победоносцев отвергал «западный парламентаризм» во имя самодержавия, а большевики — во имя пролетарской демократии. Кону достаточно установить их отрицательное отношение к «Западу», чтобы зачислить в единый лагерь. Писал, например, когда-то Достоевский, что русские должны повернуться к Азии и здесь найти силу и союзников, чтобы выиграть извечную битву с Западом. Кон сопоставляет эти слова с препарированными высказываниями Ленина о пробуждении народов Азии и заключает: «Ленин разделял это убеждение». Считало когда-то III жандармское отделение Николая I, что для «счастья подданных» «оно должно знать, чем живет народ, о чем он думает, о чем говорит, чем занят». Кону вполне достаточно этого факта для следующего глубокомысленного вывода: «Ленин разделял эти убеждения Николая I!» Доказательства? Доказательств никаких, да и могут ли быть они, если вся теория и практика ленинизма отвергает «царистские навыки», полицейскую опеку над народом и утверждает нечто противоположное домыслам Кона. «По нашему представлению,— говорил Ленин,— государство сильно сознательностью масс. Оно

сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»¹.

Тому, кто интересуется современной Россией, Кон подсовывает столетней давности книгу маркиза де Кюстина о николаевской России. Национальную политику Советской власти Кон «иллюстрирует» примерами завоевательных походов царизма, организационные принципы и тактику большевистской партии — ссылками на «Бесы» Достоевского, принципы внешней политики СССР — высказываниями Тютчева о невозможности соглашений «Востока и Запада». И все изыскания Кона венчаются следующей, заимствованной у веховца Н. Бердяева, исторической параллелью: Москва — столица России и в прошлом и в настоящем; Советское правительство находится «за теми же самыми священными стенами Кремля»; наконец, если раньше говорили о Москве — «III Риме», то именно в Москве был основан III Интернационал. Как же не быть-де исторической преемственности между двумя московскими эпохами?²

Смешение воедино противоположных социальных движений и противопоставление движений родственных, отказ от анализа тех изменений, которые вносило в на-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 224.

² На тех же «принципах» строится не только анализ развития «русского духа», но и его отношений с внешним миром. В главе под названием «Славянский протест против миссии России» Кон, например, пытается доказать, что Мицкевич и Гавличек были врагами не только русского панславизма, но и «русской мысли вообще». Но достаточно прочесть хотя бы замечательные строки Мицкевича, обращенные к его русским друзьям, чтобы понять, что восставал он против царской России и протягивал руку дружбы России революционной:

О где вы? Светлый дух Рылеева погас,
Царь петлю затянул вокруг шен благородной,
Что братских полон чувств, я обнимал не раз,
Проклятые палачам твоим, пророк народный!
Нет больше ни пера, ни сабли в той руке,
Что, воин и поэт, мне протянул Бестужев.
С поляком за руку он скован в руднике,
И в тачку их тиран запряг, обезоружив...
Теперь всю боль и желчь, всю горечь дум моих
Спешу я вылить в мир из этой скорбной чаши —
Слезамі родины пускай язвит мой стих,
Пусть, разъедая, жжет — не вас, но цепи ваши...

(А. Мицкевич, Собр. соч., т. 3, М., 1952, стр. 285—286).

циональные традиции различных стран развитие классовой борьбы,— к этому сводится вся методологическая премудрость исследований Кона, независимо от того, говорит ли он о «восточном» или «западном» национализме, истории России или какой-либо другой страны. Бессодержательность и субъективизм идеалистического определения национализма позволяют ему производить над историей любые манипуляции.

Кон о русском «экстремизме». По стопам III отделения

Обратимся к следующему тезису рассматриваемой исторической «концепции». Необычайно широкое распространение получило в современной буржуазной литературе отождествление ленинизма с русскими анархистскими и бланкистскими течениями, или с так называемым «русским экстремизмом». Ганс Кон, разумеется, повторяет в своих трудах эту клевету. «Экстремистские теории анархиста Михаила Бакунина (1814—1876) и нигилистов-подстрекателей, веривших в насилие, свободное от всяких моральных норм, вроде Сергея Нечаева (1847—1882) и Петра Ткачева (1844—1882),— объявляет Кон,— оказали влияние на формирующееся революционное движение и были затем возрождены в ленинизме»¹.

Мы уже знаем, как была «доказана» Коном преемственность между Лениным и бланкистскими течениями в русской мысли. Но коновские отточия в ленинских работах, направленных против бланкизма,— лишь один штришок в почти вековой кампании клеветы против русских революционеров. Поэтому важно установить, кто и когда начал эту кампанию, чьи традиции продолжает Кон, в каком действительном соотношении находятся его домыслы с реальными фактами русской истории.

Прежде всего остановимся на излюбленной в буржуазной литературе параллели Нечаев — большевики. Ее разбор, пожалуй, лучше всего показывает, каким образом фабрикуются в реакционной антикоммунистической печати домыслы о так называемом русском «экс-

¹ *H. Kohn, Basic History of Modern Russia, p. 41.*

тремизме», из каких источников черпают свои сведения специалисты по «корням большевизма»¹.

Кто же такой Нечаев? Какое отношение он имел к русской революции и ленинизму?

Имя Нечаева становится известным со времени студенческих волнений в Петербурге конца 1868 — начала 1869 г., в которых он пытался играть руководящую роль. Когда в январе 1869 г. начались преследования студентов, Нечаев инсценировал свой «арест», а сам скрылся за границу. Отсюда он направил студентам Петербургского университета, Медико-хирургической академии и Технологического института специальную прокламацию, извещавшую их о невиданном в истории царской тюрьмы происшествии — своем бегстве «из промерзлых стен Петропавловской крепости». Так Нечаев начал творить легенду о Нечаеве якобы во имя «торжества революции». И если существо нечаевщины заключалось в попытке подчинить революционное движение иезуитскому принципу: «цель оправдывает средства», то с самого начала эта цель — освобождение народа, была подменена другой — возвеличением самого Нечаева, а средства, призванные готовить революцию, стали средствами ее дезорганизации.

Русская революционная эмиграция в Европе должна была по замыслу Нечаева послужить трамплином в его революционной карьере, благословение Бакунина, Герцена, Огарева — придать его имени тот ореол, которого ему столь не хватало для «руководящей роли» в России. Нечаев является к Бакунину и выдает себя за представителя широкой (в действительности несуществовавшей) революционной русской организации. Бакунин в свою очередь снабжает самозванца мандатом на имя «доверенного представителя» Русского отдела фиктивного «Всемирного революционного союза» (за этим фасадом скрывалась горстка анархистов из пресловутого бакунинского Альянса). Дабы обе фикции производили полное впечатление реальности, на мандате «доверенного представителя» стоял соответствующий порядковый номер 2771. При поддержке Бакунина Нечаев втирается в доверие к Огареву. Тот посвящает ему изве-

¹ Подробнее об этом см. Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак, Нечаевщина и ее современные буржуазные «исследователи». «История СССР», 1960, № 6, стр. 172—193.

стное стихотворение «Студент», ранее написанное в память демократа Астракова.

За границей Нечаев обзаводится не только соответствующими мандатами и «характеристиками», но и закладывает «теоретические основы» своей будущей деятельности в России. Совместно с Бакуниным он издал серию манифестов: «Постановка революционного вопроса», «Начала революции», а также первый номер листка «Народная расправа»¹. Здесь провозглашался неизменный бакунистский план «всеобщего» разрушения, ставивший целью не оставить камня на камне от государства с его «мишурно образованной сволочью», проповедовался культ невежества («кто учится революционному делу по книгам, будет всегда революционным бездельником»), возводился поклев на Чернышевского и его соратников (в благоприятный для революции момент они, оказывается, «сидели сложа руки»), рекомендовались в качестве самых действенных революционных средств систематические убийства и разбой. «Яд, нож, петля и т. п., — писали авторы манифеста, — революция все равно освящает. Итак, поле открыто!»² Манифесты печатались в Женеве, но на них красовалась надпись: «Gedruckt in Russland», «Imprimé en Russie» (напечатано в России).

В Женеве Нечаев и Бакунин разработали и практически-организационное руководство для будущего общества Народной расправы — пресловутый «Катехизис революционера». Если вычест из «Катехизиса» несколько фраз насчет грядущей «народной революции», «полнейшего освобождения», «счастья» народа, то перед нами останется квинтэссенция нечаевщины, этой псевдореволюционности, переносящей в освободительное движение гнусные принципы иезуитских уставов, этого воинствующего невежества, предлагавшего бороться с мерзостью старого мира его же собственными грязными средствами³.

¹ См. М. А. Бакунин, Речи и воззвания, 1906, стр. 235—251; «Историко-революционная хрестоматия», т. I, М., 1923, стр. 85.

² М. А. Бакунин, Речи и воззвания, стр. 250.

³ Впервые «Катехизис» был обнародован на нечаевском процессе. Полный его текст воспроизводится в брошюре К. Маркса и Ф. Энгельса «Альянс Социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих». См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 622—629.

Все «поганое общество» дробилось авторами «Катехизиса» на несколько категорий. Одни «неотлагаемо» осуждались на смерть, вторым была «только временно» дарована жизнь, дабы они «рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта», третьих — «высокопоставленных скотов» — надлежало использовать «для разных предприятий», опутав их и овладев их «грязными тайнами», четвертых — «государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками» — компрометировать «донельзя» и их руками «мутить государство». Наконец, всех «праздно глаголющих в кружках и на бумаге» конспираторов и доктринеров предписывалось беспрестанно толковать в головоломные заявления, «результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих».

Принципиальный и полный антидемократизм прикрывался фразами о необходимости «доверия к личности». Но вот к чему сводится это доверие: «устраняются всякие вопросы от членов к организатору, не имеющие целью дела кружков подчиненных... Полная откровенность от членов к организатору лежит в основе успешного хода дела». А вот что требуется от «организатора» по отношению к рядовым исполнителям дела: его подчиненные «отнюдь не должны знать сущность, а только... те части дела, которые выполнить пало на их долю. Для возбуждения же энергии необходимо объяснять сущность дела в превратном виде».

Наконец, ряд параграфов формулировал «мораль» революционера. Все «изнеживающие чувства» родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в революционере. Революционер должен разорвать всякую связь с гражданским порядком, образованным миром, его законами, приличиями и нравственностью. Революционер знает только одну науку — науку истребления и разрушения, он живет в мире только с этой целью. Для этого он проникает повсюду, притворяясь совсем не тем, что он есть, изучает денно и ночью людей, применяет любые меры и средства.

К воплощению в жизнь принципов «Катехизиса» Нечаев приступил еще во время первого визита за границу. Зная, что вся зарубежная корреспонденция по-

падает в руки III Отделения, он направляет в Россию лицам «четвертой категории» сотни компрометирующих посланий с целью «втягивания» их в революционную борьбу¹.

Но полный, хотя и кратковременный, расцвет нечаевщины относится к осени 1869 г., когда «уполномоченный» Всемирного Союза с «мандатом» Бакунина, стихотворением обманутого Огарева и «Катехизисом революционера» в руках явился в Россию для непосредственной организации «повсеместного», «беспощадного» истребления и разрушения. Сколачивая согласно принципам «Катехизиса» общество Народной расправы, Нечаев осуществляет десятки тщательно продуманных провокаций, разумеется, во имя «дела» и «общего интереса революции». В Москве он уверяет молодежь, что в Петербурге существует могущественная революционная организация, примеру которой и должны последовать москвичи. В Петербурге же он расписывает, наоборот, силу московской организации, призывая петербуржцев не отставать от нее. Дабы каждый член Народной расправы ежесекундно чувствовал на себе всевидящее око и власть некоего мифического «Комитета», он разрабатывает систему взаимного шпионажа, рассказывает о «последних инструкциях», полученных им только что из-за границы, выдает подставных лиц за инспекторов «Комитета», занимается переодеваниями, вымогательством, шантажом.

Естественно, что методы Нечаева не могли не вызвать подозрения, а затем и сопротивления среди революционеров. Уже во время студенческих волнений 1868—1869 гг. против него выступали Негрескул и Натансон². Негрескул боролся против Нечаева и за границей, и после возвращения Нечаева в Россию, рассказывая всем и каждому, «что Нечаев — шарлатан». Протестовал против анархистских прокламаций Герцен, предсказывая Огареву, что они «наделают страшных бед». Наконец, против действий Нечаева восстал один из членов Народной расправы, студент Петровской Академии Иванов. Он заявил, что выходит из общества и хочет организовать свой кружок.

¹ См. Р. М. Кантор, В погоне за Нечаевым, Пб., 1922, стр. 6.

² См. Б. П. Козьмин, С. Г. Нечаев и его противники. «Революционное движение 1860-х годов», М., 1932, стр. 204—216.

И здесь проявился второй лик нечаевщины. Первый мы знаем — это всепроникающая, всеопутывающая ложь. Но когда ложь находится под угрозой разоблачения, остается единственный способ помешать этому: насилие. Нечаев объявил Иванова предателем, которого надо убрать для безопасности «общества и дела». Убийство, по мысли Нечаева, должно было восстановить его пошатнувшийся авторитет, «сцементировать кровью» участников Народной расправы. 21 ноября 1869 г. Иванова заманили в грот в парке Академии, Нечаев попытался задушить его, а затем пристрелил из револьвера.

Итак, первым и, собственно говоря, единственным «делом», совершенным Нечаевым на основе «Катехизиса», было убийство революционера. Террор был применен не к аракчеевым, не к «извергам в блестящих мундирах, обрызганных народной кровью», как предрекал первый номер газеты «Народная расправа», а к члену самой организации.

После этого представитель «Всемирного союза» снова скрывается за границу. В январе 1870 г. он — в Женеве. Во втором номере «Народной расправы» он пытался объяснить свое появление за границей и убийство Иванова. Оказывается, он, Нечаев, был снова «пойман» царем, но, как и прежде, «бежал». Он продолжает клеветать на Иванова, утверждая, что убийство — результат «суровой логики истинных работников дела». Он издает несколько сумасбродных прокламаций к «городским мужичкам», к «благородному российскому дворянству», прибирает к своим рукам деньги из так называемого бахметьевского фонда, оставшиеся у дочери А. И. Герцена после смерти отца. Наконец, даже «апостолу всеобщего разрушения» — Бакунину, несмотря на все его симпатии «к разбойному миру», стало не вмоготу от происков своего соратника. Бакунин разрывает с Нечаевым, Нечаев покидает Бакунина, прихватив заодно и компрометирующие последнего письма...

Между тем в России разворачивались дальнейшие события. То, что посеял Нечаев, пожинала реакция. Без труда был раскрыт факт убийства Иванова. И вот царское правительство арестовывает около 300 человек, из которых 87 садятся на скамью подсудимых.

В действительности нечаевский процесс был первым опытом приобщения царизма к международной идеоло-

гической кампании против демократии, коммунизма, которая развернулась после подавления Парижской коммуны. До тех пор самодержавная Россия вносила свой вклад в дело международной реакции в виде голой силы, штыков. Но со времени «великих реформ» 1860-х гг. к голому насилию, которое всегда было и навсегда осталось для царизма главным способом борьбы, все чаще стала прибавляться организация клеветы. Отсталый царизм начинает учиться у «передовой» европейской буржуазии бороться с революцией путем дискредитации революционеров. Главная услуга, которую оказал Нечаев реакции, заключалась не только в том, что он фактически помог арестовать и физически «обезопасить» десяток-другой революционеров, но в том, что отныне его имя было объявлено реакционерами синонимом революции, демократии, коммунизма. Нечаев считал себя революционером, значит, любой революционер — «нечаевец». Он выступал от имени «Всемирного революционного союза», значит, он типичный представитель «Интернационалки», как именовала в те годы «Международное Товарищество Рабочих» русская реакционная печать. Он прибегал ко лжи и убийству, значит, таковы принципы социализма и коммунизма!

Правительство и его агенты постарались приковать внимание общественности к процессу и в этом вполне преуспели. Не успели сойти со страниц реакционной прессы сообщения о «злодействах» парижских коммунаров, как читатель уже знакомился с циркуляром французского министра иностранных дел Жюль Фавра от 6 июля, который извещал все правительства Европы (России в том числе) о том, что на их территории действует «агентура» Интернационала, и требовал, чтобы правительства после виденных ими в Париже уроков не остались бесстрастными свидетелями подготовки разрушения всех устоев «цивилизации». Минуло всего каких-нибудь две недели, и Россия уже читает правительственное сообщение «О заговоре к ниспровержению установленного в Государстве правительства» и предстоящем суде над «преступниками». Дабы привлечь «благотельное внимание» публики к материалам процесса, Министерство юстиции специально предложило обеспечить «быстрое и подробное печатание отчетов заседаний». Александр II собственноручно наложил на докла-

де управляющего Министерством юстиции Эссена резолюцию: «Дай Бог»¹. Подробнейший стенографический отчет о заседании Петербургской судебной палаты печатался в июле — августе 1871 г. (по сличении текста с «Правительственным вестником»), почти во всех газетах. «Нечаевское дело, естественно, составило главный предмет всех разговоров и толков на прошлой неделе, — свидетельствовала газета «Голос». — Все, от мала до велика, интересовались им... везде и повсюду мы увидели бы одни развернутые листы газет, которые с большею или меньшею жадностью пожирались глазами...»²

Замысел реакции был предельно прост: одним ударом покончить со всеми революционными элементами, искоренить «красную крамолу» в самодержавной России столь же радикально, как это делал в республиканской Франции палач Тьер. Буквально все «государственные преступники», выявленные III Отделением за полтора года со дня убийства Иванова, были представлены на нечаевском процессе. К обвинению участников «Народной расправы» Успенского, Кузнецова, Прыжова, Николаева в убийстве Иванова было привязано еще десяток обвинительных актов, где фигурировали не только остальные члены «Народной расправы», но и лица не имевшие никакого касательства к убийству.

Как заявил прокурор Половцев, в деле «такого громадного значения» прежде всего важна роль «предшествующих явлений». Нечаевщина в документах обвинения объявлялась закономерным результатом проникших в Россию в начале 60-х годов «лжеучений коммунизма и социализма», нити от заговора были «протянуты» не только к Каракозову (которому звал подражать Нечаев), но и к Чернышевскому, не только к русской революционной эмиграции в Европе (что «доказывалось» мандатами Бакунина), но и к Интернационалу.

Знаменательно, что параллельно с публикацией правительственных сообщений о «нечаевском деле» и со статьями по этому поводу реакционные газеты публикуют статьи о Франции, подробнейшие отчеты о заседаниях Версальского военного суда³. Если в статьях о

¹ Авторы благодарны Б. С. Итенбергу, сообщившему им этот факт.

² «Голос» № 197, 1871 г.

³ См. напр., «Московские Ведомости» № 144, 145, 166, 167, 169, 172, 173, 175 и др., 1871 г.

«коммунарах» иногда встречаются ссылки на Нечаева, то в статьях о нечаевцах постоянно утверждается их «сходство» с коммунарами: «Цель, которой они добивались, была почти тождественна с целью, провозглашенной Парижскою коммуною...», — писал «Голос»¹.

В ходе самого процесса обвинение постаралось «выжать» из факта убийства Иванова все, что только могло. «Насилие над Ивановым и затем смерть его ясно убеждают, — указывалось в обвинительном акте, — что члены общества не признают иного способа уничтожить мнимое или действительное препятствие к достижению своих целей, как только убийством»².

Прекрасную службу реакции сослужил и нечаевский «Катехизис». «Московские ведомости», призывая «ударить» в «самый корень этой так называемой русской революции», писали: «Вы, господа, снимаете шляпу перед этою русскою революцией. Но вот катехизис русского революционера... Послушаем, как русский революционер сам понимает себя. На высоте своего сознания он объявляет себя человеком без убеждений, без правил, без чести. Он должен быть готов на всякую мерзость, подлог, обман, грабеж, убийство и предательство... Жулики лучше и честнее вожаков нашего нигилизма... И вот этим-то людям прямо в руки отдаете вы нашу бедную учащуюся молодежь!»³

В эту клеветническую кампанию включилась и западная пресса. Английский официоз «Таймс» 11 октября 1871 г. утверждал, что ответственность Интернационала за нечаевский заговор «подтверждена самими конспираторами на недавнем процессе в Санкт-Петербурге». В том же «Таймсе» 21 октября появилась передовая «Революционный нигилизм», где нечаевщина фигурировала уже в качестве своеобразного национального воплощения методов международной революции вообще, Интернационала в особенности: «Русская программа... является в общем и целом программой любого заговора... Мы воистину должны благодарить этих русских революционеров... за произведенную демонстрацию того,

¹ «Голос» № 183, 1871 г.

² «Правительственный вестник» № 156, 1871 г.

³ «Московские Ведомости» № 161, 1871 г.

что является их (заговоров.— Авт.) естественной тенденцией и логическим выводом...»¹

Уже приведенные факты убедительно доказывают, что перед нами сознательно организованная клеветническая кампания. *Русским жандармам и английским продажным публицистам, царизму и европейской реакции принадлежит приоритет в провозглашении «типичности» нечаевщины.* Инсценировка, разыгранная III Отделением с благословения царя, кампания международной реакционной прессы — вот тот исторический «первоисточник», из которого черпают сегодня свои идеи «независимые» и «объективные» историки «свободного Запада» вроде Кона.

Мы говорили до сих пор о замысле реакции в связи с делом Нечаева. Но от замысла надо отличать его осуществление.

Русская общественность держала в 1871 г. трудный экзамен. Ей предстояло отделить зерна от плевел, революционные принципы и идеи — от их извращений и искажений. Нечаев требовал вырабатывать революционные характеры не в бесплодных разговорах, а в протестующей деятельности, борьбе, и сам же превращал эту деятельность в фарс, заставлял революционеров размениваться на мистификации, пустяки. Он призывал к сплочению перед лицом деспотизма, «загрязнившего себя всевозможными нечистыми мерами», и сам же считал средствами такого сплочения провокаторство, взаимный шпионаж. Он протестовал против казенной науки, растлевающей молодежь, клеймил софизмы «попов-профессоров», «украшающих цветами античного красноречия цепи, в которых скован русский народ», и тут же обращал свою ненависть на науку вообще, возводил невежество в культ. Он бичевал благодущные либеральные переливания из пустого в порожнее, прекраснотушные утопии и вместе с ними топил в грязи социалистические идеи Добролюбова и Чернышевского. Он призывал революционеров сознательным и целеустремленным руководством направлять слепые крестьянские бунты и сам же сводил революцию к огульному отрицанию, разнузданной разбойничьей анархии. Он выше всего ставил народ и этот же народ считал простым «мясом для

¹ «Times», Revolutionary Nihilism, October 21, 1871.

заговоров». Он хотел освободить общество от уз деспотизма, гарантировать «полную свободу обновленной личности» и сам же создал иезуитскую организацию, построенную на диктаторстве и деспотизме, слепом подчинении и бараньей покорности ее членов. Он был человеком железной воли, но вред его действий был прямо пропорционален той неумолимой последовательности, с которой он их осуществлял.

Появление нечаевщины оказалось возможным лишь на почве незрелости революционного движения в самодержавной стране. Она воплотила в самой уродливой форме некоторые общие недостатки тогдашнего движения, обезглавленного репрессиями 60-х годов и прежде всего его теоретическую и организационную слабость, его оторванность от масс. Нечаевщина не могла служить революции, она могла только погубить ее, ибо за мнимореволюционной фразеологией Нечаева скрывалась контрреволюционная сущность его «принципов» и дел.

Но то, что не смогло в свое время сделать большинство товарищей Нечаева — отделить революционную правду от нечаевской лжи, то смогла уже в первые дни процесса сделать защита подсудимых, прогрессивная русская печать.

В ходе процесса выяснилось, что на участие в убийстве Иванова Нечаев толкнул своих друзей помимо их воли и желания. Ни один из обвиняемых вообще не знал содержания «Катехизиса революционера» и не читал его. Другие программные документы Нечаева и Бакунина, известные участникам Народной расправы, ни в ком из них сочувствия не пробуждали, а со стороны некоторых встретили прямой отпор¹.

Процесс показал полную противоположность моральных устоев русской революционной молодежи и безнравственных заповедей и дел Нечаева. Именно благородные черты членов организации — их честность, бескорыстие, готовность служить народу, с одной стороны, доказывала защита, и узурпация Нечаевым имени народа, дела революции — с другой, объясняют факт непонятной, почти мистической власти Нечаева над сво-

¹ «Правительственный вестник» № 158, 163, 165, 1871 г. См. особенно критический разбор «программы революционных действий» Нечаева, принадлежавший, как было установлено впоследствии, Г. Лопатину.

ими товарищами, их неспособность (не считая Иванова) своевременно отмежеваться от него. Трагедия людей, отдавших свою жизнь и честь во власть проходимца и авантюриста, состояла в том, что, служа ему, они искренне думали, что служат делу освобождения народа. Именно на этих светлых, высоких чувствах мастерски умел играть Нечаев, превращая своих товарищей в слепое орудие грязных и низменных дел.

«Этот страшный, роковой человек всюду, где он ни останавливался, приносил заразу, смерть, аресты, уничтожение,— говорил на процессе защитник Спасович.— Читались показания студента Енишерлова, который дошел до того, что подозревал, не был ли Нечаев сыщиком. Я далек от этой мысли, но должен сказать, что если бы сыщик с известной целью задался планом как можно более изловить людей, то он действительно не мог бы искуснее взяться за это дело, чем взялся Нечаев». «Предшественниками защитниками,— заключил адвокат Соколовский,— с Нечаева снят ореол, который окружал его — ореол революционера»¹. Таков был главный итог процесса.

Судебный процесс явно не оправдывал возлагавшихся на него «свыше» надежд. Он постепенно превращался в обвинение самого самодержавного строя. Не случайно уже через какую-нибудь неделю после начала заседаний председатель суда стал одергивать защитников и подсудимых, запрещая им касаться «исторической и политической части дела». Вместо подробнейших стенограмм газеты ограничивались краткой информацией о суде, сообщения публиковались все реже и реже.

О провале замыслов реакции красноречиво свидетельствуют и донесения царских шпионов и сама реакционная печать. Уже в записке агента III Отделения от 11 июля 1871 г. выражается беспокойство насчет того, что происходит на процессе. «Собственно роли переменились: не общество и государство в лице суда являются обвинителем, а напротив, они становятся обвиняемыми и обвиняются с силою и красноречием фанатического убеждения, как бы напрашивающегося на мученичество. Такие примеры всегда создают последователей».

¹ «Правительственный Вестник» № 165 и 167, 1871 г.

«Как можно было суду и прокуратуре допустить в числе защитников по политическому процессу Спасовича, Арсеньева и кн. Урусова? — жаловался в своей записке шефу жандармов И. Арсеньев, — Спасович ярко обрисовал свой характер и цели в деле Шапова, защищая социалистические теории Луи Блана. Спасович был счастлив, что в залах суда публично имел возможность высказать свои политические убеждения и верования... Суд и прокуратура... обязаны были распорядиться так, ...чтобы в качестве обвинителя явилась личность, вполне способная отстоять интересы правительства»¹.

Реакция не достигла своей цели — дискредитации русских и зарубежных революционеров. Процесс не утопил революционеров в нечаевской грязи — напротив, он смыл с них эту грязь. Нечаевское «дело», состряпанное III Отделением, сыграло вопреки замыслам его инициаторов революционизирующую роль.

Перед нами воспоминания народника А. Лукашевича, жившего в ту пору в Херсоне. «Благодаря обильному материалу, доставленному всем газетам «Правительственным вестником», — писал он, — у нас являются первые «проклятые вопросы»... Нет никакой возможности как следует оценить теперь эффект, произведенный в молодых умах разоблачениями, внезапно на нас нахлынувшими... Новые для нас факты и попытки их объяснить в буквальном смысле слова будили мысль молодежи. Я всегда считал эти два факта — Нечаевский процесс и Парижскую Коммуну теми двумя далеко видными вехами, которыми определялся весь мой дальнейший путь в жизни»².

И это далеко не единичное свидетельство. Как правило, в мемуарах народников и других документах Парижская коммуна и Нечаевский процесс (при всей неравнозначности этих событий) фигурируют в числе главных факторов, содействовавших в начале 70-х годов росту революционных настроений в России. И, как правило, все эти источники отмечают «смешанное» (а точнее, двойственное) впечатление современников от нечаев-

¹ «Нечаев и нечаевцы», стр. 168, 186—187. Заметим, что агента III Отделения И. А. Арсеньева не надо путать с защитником К. К. Арсеньевым.

² А. Лукашевич, В народ! (Из воспоминаний семидесятника), «Былое», 1907 г., № 3 (15), стр. 1—2, 5.

ского процесса: их сочувствие и симпатии подсудимым, делу борьбы за освобождение народа, их возмущение самим Нечаевым, его образом действий.

С самого начала процесса передовая русская общественность распутала весь самый сложный, запутанный переплет «нечаевского дела». Она поняла, что нечаевщина и революция — смертельные враги, что обман не может быть принципом защиты честного дела, деспотизм — орудием насаждения свободы, бездумье — средством развития самостоятельной мысли. Отрицательное отношение к нечаевщине стало после процесса господствующим в среде русских революционеров. Если не считать голосов отдельных бакунистов, пытавшихся реабилитировать Нечаева и Бакунина, представители самых различных направлений в русском общественном движении 70—80-х годов были совершенно единодушны в безусловном осуждении нечаевских «организационных» принципов, нечаевских приемов и методов борьбы.

Имеются десятки свидетельств современников, не оставляющих никаких сомнений на этот счет. В. Засулич, О. Аптекман, Джабадари, Н. Чарушин, П. Лавров, Дебагорий-Мокриевич, Светозар Маркович, Л. Дейч и многие другие революционеры 70—80-х годов определяют «нечаевщину» как наглядный пример «отрицательного» революционного опыта, как попытку деморализовать движение и «отодвинуть его назад», как «дутую затею, построенную на обмане товарищей». Все они постоянно подчеркивали, что «средством для распространения истины не может быть ложь», что революционерам нельзя «ни в коем случае строить организацию по типу нечаевской», что такая организация обречена на гибель если не от внешнего врага, то от «собственного разложения» и т. п.¹

Даже русские историки либерального толка, работы которых постоянно упоминаются в нынешней «нечаевской» литературе за рубежом, не обнаруживали в свое время никаких следов нечаевщины в народничестве 70—

¹ См., напр., В. Засулич, *Воспоминания*, М., 1931, стр. 57; О. В. Аптекман, *Общество «Земля и Воля» 70-х гг.*, Пг., 1924, стр. 59—60; «Былое», 1907 г., № 9 (21), стр. 183; В. Фигнер, *Полн. собр. соч.*, в семи томах, т. 1, М., 1932, стр. 91; П. Л. Лавров, *Народники-пропагандисты, 1873—1878 гг.*, Л., 1925, стр. 31, 158; Н. А. Чарушин, *О далеком прошлом*, ч. I и II, М., 1926, стр. 78—79; «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии», сб. статей, М., 1957, стр. 330—331.

90-х годов. «Нечаевщина,— писал, например, В. Богучарский,— была в русском революционном движении лишь эпизодом совершенно исключительным, не имевшим, как таковая, никаких корней в движении прошлом и вызывавшим к себе в среде последовавших поколений революционной молодежи лишь безусловно отрицательное отношение... Умозаключать что-либо по ней о самом движении было бы совершенно несправедливо...»¹

Отметим также другой важный момент: уже у современников Нечаева сложилось представление о том, что «нечаевщина» — это порождение не революции, а самого старого строя. «Редакция «Вперед» с самого начала признала,— писал П. Л. Лавров,— что истина и солидарность нового социального строя не может быть основана на лжи и лицемерии, на эксплуатации одних другими, на игре принципами, которые должны лечь в основании нового строя, на овечьем подчинении кружков нескольким предводителям... Ни один из его главных сотрудников никогда не отступал от убеждения, что эта «отрыжка старого общества» не только безнравственна в деятеле нового, но подрывает самые начала, за которые борется социалистическая партия»².

Приведенных фактов вполне достаточно для одного неопровержимого вывода. В среде настоящих русских революционеров складывались не традиции нечаевщины, как уверяют разного рода клеветники, а традиции борьбы с ней, традиции разоблачения нечаевщины. Даже деятели мелкобуржуазного народнического движения 70—80-х годов в России единодушно осуждали нечаевщину. Тем более чуждым и враждебным этому явлению было пролетарское движение как на Западе, так и позднее в России.

Нечаев появился за границей в тот момент, когда развертывалась острая борьба между марксизмом и анархизмом, между Интернационалом и бакунистским Альянсом. Особенность момента была такова, что, с одной стороны, впервые была установлена через русскую секцию Интернационала связь международного рабочего движения с революционной русской эмиграцией в Европе; с

¹ В. Богучарский, Активное народничество семидесятых годов, М., 1912, стр. 134, 151.

² П. Л. Лавров, Избранные сочинения на социально-политические темы в восьми томах, т. 3, М., 1934, стр. 362—363.

другой стороны, в лице бакунизма и нечаевщины был заключен союз между западной и русской разновидностями анархизма с целью завоевания руководства международным революционным движением, подчинения его «скрытой диктатуре нескольких авантюристов»¹. Пытаясь воспользоваться авторитетом Интернационала, анархисты постоянно злоупотребляли его именем, умышленно создавали путаницу между своей и его программой, между Международным Товариществом Рабочих и бакунистским Альянсом Социалистической демократии. Именно это позволяло зарубежной и русской реакции дискредитировать Интернационал, сваливать на него ответственность за авантюристические действия, а то и просто за уголовные преступления анархистов во всех странах Европы.

Уже в своем письме от 12 марта 1870 г. Комитет русской секции I Интернационала, обращаясь к Марксу с просьбой быть представителем этой секции в Генсовете Интернационала, подчеркивал, что русские интернационалисты не имеют «...абсолютно ничего общего с г. Бакуниным и его немногочисленными сторонниками... Настоятельно необходимо разоблачить лицемерие этих ложных друзей политического и социального равенства, мечтающих на самом деле только о личной диктатуре...»²

В августе 1870 г. Бакунин и его приспешники были исключены из Центральной Женевской секции I Интернационала. В сентябре 1871 г. на Лондонской конференции Интернационала в повестке дня особо стоял вопрос о нечаевщине. В решении Генсовета Международного Товарищества Рабочих от 25 октября 1871 г. говорилось:

«...*Нечаев* никогда не был ни членом, ни представителем *Международного Товарищества Рабочих*... его утверждение (ставшее известным благодаря политическому процессу в Санкт-Петербурге), будто он основал секцию *Интернационала* в Брюсселе и получал от брюссельской секции поручение в Женеву, является ложью... упомянутый *Нечаев* узурпировал имя *Международного Товарищества Рабочих* и использовал его в своих целях, обманывая народ в России и создавая там жертвы»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 234.

² «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1951, стр. 37.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 367.

В 1873 г. вышла работа Маркса и Энгельса «Альянс Социалистической Демократии и Международное Товарищество Рабочих», разоблачавшая международные происки анархистов. В ней была дана всесторонняя характеристика нечаевщины, разоблачено ее контрреволюционное содержание, вскрыта ее классовая суть. «Перед нами общество,— писали Маркс и Энгельс,— которое под видом самого крайнего анархизма направляет свои удары не против существующих правительств, а против революционеров, не приемлющих ни его догмы, ни его руководства... Для достижения своих целей оно не отступает ни перед какими средствами, ни перед каким вероломством; ложь, клевета, запугивание, нападение из-за угла — все это свойственно ему в равной мере. Наконец, в России оно полностью подменяет собой Интернационал и, прикрываясь его именем, совершает уголовные преступления, мошенничества, убийство, ответственность за которые правительственная и буржуазная пресса возлагает на наше Товарищество»¹.

Во всех выступлениях Маркса и Энгельса против нечаевщины выделяются два основных момента: указания на ее вредность, опасность для дела революции и коммунизма и в то же время на ее нелепость, ничтожество, смехотворность. Нечаевщина неразоблаченная, действующая в потемках, из-за угла,— опасна и страшна; нечаевщина разоблаченная, отданная на суд общественности,— омерзительна и жалка. «Тьмы, побольше тьмы» — вот лозунг нечаевщины, условие существования авантюризма, прикрывающегося маской революционности. «Света, побольше света» — вот лозунг пролетариата в борьбе с нечаевщиной, условие существования и развития демократии пролетарской. «Против всех этих интриг,— писали Маркс и Энгельс,— есть только одно средство, обладающее, однако, сокрушительной силой, это — полнейшая гласность. Разоблачить эти интриги во всей их совокупности — значит лишить их всякой силы»².

Обнажив гнилую сердцевину нечаевщины, Маркс и Энгельс разбили софизмы бакунистских вождей Альянса, советовавших революционерам быть иезуитами «только не с целью порабощения, а освобождения народного».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 539.

² Там же, стр. 540.

Иезуитизм, выступающий от имени революции,— это не заблуждение людей, применяющих негодные средства для достижения благих целей. Это одновременно извращение и средств и целей революционной борьбы, это органическое единство ложных методов и ложных принципов, ибо любые верные принципы, защищаемые методами насилия и лжи, не могут не превратиться в свою противоположность. «Какой прекрасный образчик казарменного коммунизма!» — писали Маркс и Энгельс о «Главных основах будущего общественного строя» — программной статье Нечаева, в которой тот, ссылаясь на «Коммунистический Манифест», рисовал «коммунизм», основанный на принципе «производить для общества как можно более и потреблять как можно меньше», обязательном труде под угрозой смерти и регламентации «Комитетом» всех личных отношений вплоть до воспитания детей¹.

Наконец, Маркс и Энгельс обнажили классовые корни нечаевщины, характеризуя ее как доведенную до крайности «буржуазную безнравственность». Вспомним также, что Ленин характеризовал анархизм как «вывороченный наизнанку буржуазный индивидуализм»². В применении к нечаевщине эти положения означают, что нечаевщина — плоть от плоти, кровь от крови порождение самой реакции, это не враг реакции, а ее наилучший союзник и друг. Нечаевщина на деле становится орудием реакции в борьбе с революцией: во-первых, тем, что физически уничтожает революционеров, во-вторых, тем, что позволяет изображать их в образе Нечаева.

И с какой радостью, с каким восторгом ухватились реакционеры и фальсификаторы, начиная от продажных журналистов 70-х годов и кончая конами, за нечаевщину, пытаясь подкинуть свой собственный плод революционерам, коммунистам! С благочестивым видом они обвиняли и обвиняют коммунистов в грехах, которые являются их собственными грехами. Только что утопив в крови Парижскую коммуну в 1871 г., они обливали живых и мертвых революционеров потоками грязной лжи и клеветы. И ныне, чтобы обвинить марксистов-ленинцев в

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 630, 635, 621, 622.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 300.

нечаевщине, открытая реакция, а еще больше оппортунизм-ревизионизм, отождествляют ее прежде всего с принципом централизма. В этом и заключается основной софизм прежних и нынешних клеветников.

Враги революции хотели бы, чтобы пролетариат отказался от социалистической революции (которую они — а не марксисты! — отождествили раз и навсегда с кровавым насилием), от создания своей партии, от строжайшей дисциплины в ней, иначе, мол, это и будет нечаевщиной на практике. Но, во-первых, извращение каких-либо верных принципов кем бы то ни было никогда не может служить предлогом для отказа от них. Во-вторых, централизм бывает различным. Централизм коммунистической партии является демократическим. Маркс и Энгельс были самыми последовательными борцами за правильное сочетание демократии и централизма. Ленин десятки раз подчеркивал значение организации для победы пролетариата, отстаивал в партии принцип единства действий, поистине железный централизм. Но он всегда считал демократический характер централизма условием жизнеспособности партии, ее идейного единства, ее сознательности, ее способности вести за собой массы. «Побольше доверия к самостоятельному суждению всей массы партийных работников,— писал В. И. Ленин.— ...Необходимо, чтобы *вся партия* систематически, исподволь и неуклонно *воспитывала* себе подходящих людей в центре, чтобы она видела перед собой, как на ладони, *всю деятельность* каждого кандидата на этот высокий пост, чтобы она ознакомилась даже с их индивидуальными особенностями, с их сильными и слабыми сторонами, с их победами и «поражениями»... Света, побольше света!»¹

Принцип демократического централизма неукоснительно применялся еще в годы первой русской революции, как только открылась возможность более или менее открытой политической партийной деятельности. Партия большевиков, подчеркивал в эти годы Ленин, стремится «к последовательному централизму и к выдержанному расширению демократизма в партийной организации не для демагогии, не для красного словца, а для осуществ-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 99—101.

вления на деле по мере расширения свободы попроща для социал-демократии в России»¹.

Эта ленинская линия осталась неизменной как до, так и после взятия власти большевиками. Ленин всегда подчеркивал, что у пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации, что эта организация должна быть «боевой» и «централизованной», и он же требовал, чтобы укрепление централизма в партии шло бок о бок с расширением и укреплением демократизма.

Но сказанное по поводу беспредметности клеветнической аналогии Нечаев — Ленин относится и к коновским аналогиям Ткачев — Ленин и Бакунин — Ленин². Любому историку известно, что переход русского революционного движения от крестьянского утопического «социализма» к социализму пролетарскому означал вместе с тем решительный переход от всякого рода заговорщичества, тактического авантюризма к тактике массовой политической борьбы. Но Ганс Кон фактам вопреки уверяет, что большевизм был... продолжателем заговорщических традиций Ткачева, что Ленин воспринял ткачевский тезис: «отсталая Россия будет готова для социалистической революции, как только сплоченное, целеустремленное и вооруженное меньшинство будет в состоянии захватить власть, навязать свою волю»³.

Ткачев действительно защищал бланкистские принципы, но при чем здесь коновские ссылки на их «типичность» для русских условий вообще? Ведь заговорщичество, бланкизм — это тактика младенчества революционного движения; и на Западе, и на Востоке он процветал в тех условиях, когда масса еще не созрела, когда революционер, ставя на место реальных исторических

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 265.

² В настоящей главе мы не рассматриваем подробно аргументацию буржуазных «исследований», цель которых — обнаружить в большевизме не только нечаевские, но и бакунистские, ткачевские «черты». Отметим здесь лишь их основной прием. Усиливающееся влияние марксизма на международное революционное движение привело еще в 60—80-х годах прошлого века к тому, что многие мелкобуржуазные теории окрашивались в «марксистские» цвета. К поискам в подобных эклектических построениях отдельных «по-марксистски» звучащих фраз и положений, их «сопоставлению» с фальсифицированным ленинизмом сводится в конечном счете вся работа «специалистов», о которых речь пойдет ниже.

³ H. Kohn, Basic History of Modern Russia, p. 41.

фактов свое собственное нетерпение, думал совершить переворот волей меньшинства, обманывая и себя и других баснями о том, что враг «слаб», что он «висит в воздухе», что народ «созрел», что революция будет «теперь или никогда». Какое отношение ко всему этому детскому младенческому лепету имеет марксизм-ленинизм, идеология зрелого и возмужавшего пролетарского движения, которая с самого начала выковывалась в непримиримой борьбе с заговорщицеством, бланкизмом?

«Традиции бланкизма, заговорщичества страшно сильны у народовольцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора,— указывал Ленин.— Социал-демократы же в подобной узости воззрений не повинны; в заговоры они не верят; думают, что время заговоров давно миновало, что сводить политическую борьбу к заговору значит непомерно суживать ее, с одной стороны, а с другой — выбирать самые неудачные приемы борьбы»¹.

Это написано в 1897 г., когда Ленин только приступал к созданию партии. Но и впоследствии эти традиции, традиции борьбы с авантюризмом, бланкизмом, заговорщицеством всякого рода, большевизм защищал и проводил с железной последовательностью, настойчивостью. Не случайно в самый канун революции, призывая массы к восстанию, Ленин еще раз подчеркнул противоположность бланкизма и марксизма, различие узкого заговора и всенародного восстания, коренную противоположность верхушечного переворота и глубинной революции народных масс. И не случайно именно эти ленинские положения опустил Кон, дабы превратить Ленина в бланкиста!

«Техника большевистской революции была именно та, которую предлагал Бакунин», — продолжает свои домыслы Кон². Но сколь «пригодна» бакунистская техника для победоносной пролетарской революции, известно по крайней мере с 70-х годов XIX в. и по нечаевскому процессу в России, и особенно по восстанию 1873—1874 гг. в Испании, когда анархизм окончательно подтвердил, что он является революционностью фразы, дополняемой бессилием и бессмыслием практических дел.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 316.

² Н. Kohn, Basic History of Modern Russia, p. 116.

Умалчивание — одна из самых распространенных форм фальсификации истории, и профессор Кон молчит о том, чем была, по существу, «бакунистская техника» и как относились к ней революционные марксисты. А между тем еще Энгельс в статье «Бакунисты за работой» блестяще показал, как губят широкое народное восстание анархистские принципы политического воздержания в переломные моменты политической борьбы. Вся бакунинская «техника» свелась в Испании, как известно, к преступному раздроблению средств революционной борьбы, позволившему «правительству с помощью горсти солдат покорять почти без сопротивления один город за другим... Одним словом,— заключал Энгельс,— бакунисты в Испании дали нам непревзойденный пример того, как *не* следует делать революцию»¹.

В. И. Ленин и в отношении к бакунизму продолжал традиции Интернационала Маркса. Порождение отчаяния, психология выбитого из колеи интеллигента или босняка, а не пролетария, громкий протест против эксплуататорского строя при полном непонимании реальных условий его уничтожения — так определил В. И. Ленин суть анархизма вообще и бакунизма в особенности.

«Анархизм за 35—40 лет (Бакунин и *Интернационал* 1866—) своего существования (а со Штирнера много больше лет) не дал ничего кроме общих фраз против *эксплуатации*.

Более 2000 лет эти фразы в ходу. Недостает (а) понимания *причин* эксплуатации; (б) понимания *развития* общества, ведущего к социализму; (в) понимания *классовой борьбы*, как творческой силы осуществления социализма...

В новейшей истории Европы, что дал анархизм, некогда господствовавший в романских странах?

— Никакой доктрины, революционного учения, теории нет.

— Раздробление рабочего движения.

— Полное *fiasko* в опытах революционного движения (прудонизм 1871, бакунизм 1873).

— Подчинение рабочего класса *буржуазной* политике под видом отрицания политики»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 124.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 300—303.

Одна любопытная черта, а вернее, закономерность объединяет работы клеветников типа Кона. Сводя русскую революцию к заговору, а ленинизм — к экстремизму, они, естественно, делают предметом своего специального анализа фигуры Нечаева, Бакунина, Ткачева. Но даже занимаясь, казалось бы, «своими» объектами русской истории, они не изучают, а фальсифицируют эти объекты, оказываются неспособными не только оценить, но и даже привести всю совокупность фактов. Одна цитатка из «Бесов» Достоевского, пара заимствованных у Бердяева фраз — вот и весь «фактический» фундамент кардинальной идеи Кона о «нечаевских традициях» в русской революции. Одна ссылка на авторитет «крупнейшего» исследователя бакунизма Пызур — и «доказаны» родство Бакунина и большевизма. Одна выдержка из Ткачева, сопоставленная с «препарированным ленинским письмом», — и Ленин объявляется бланкистом.

Могут, конечно, возразить, что Кон пишет «Основы» русской истории и ему не обязательно приводить и анализировать все факты, что он опирался на тот фактический материал, который уже добыли его коллеги. Но и коллеги Кона, специально «изучавшие» Нечаева, Бакунина, Ткачева, также «разрабатывают» свои собственные домыслы, а не изучают реальные факты.

Евгений Пызур выпустил в 1955 г. специальную монографию под названием «Доктрина анархизма Михаила Бакунина», откуда Ганс Кон заимствовал все свои сведения о бакунизме. Казалось бы, автор специального исследования займется всерьез своим предметом. Но Пызур ограничился десятком-другим выхваченных из бакунистской теоретической окрошки и звучащих «почти по-марксистски» цитат. У него нет и намека на анализ работ Ленина, анализ тактики бакунистов и большевиков.

Роберт Даниэльс, тоже исследовавший «специально» параллель Ленин — Ткачев, попытался проиллюстрировать в своей статье «Ленин и русская революционная традиция», насколько аналогично звучали в «той ситуации, которую они встретили в России», лозунги Ленина и лозунги Ткачева.

Пример «силлогизмов» Даниэльса. Ткачев писал: «Мы не можем ждать... Мы утверждаем, что революция в России действительно необходима именно в настоящее время... Теперь или очень нескоро, может быть, никогда». Ленин

«тоже» писал: «Большевики... должны взять власть тотчас... Медлить — преступление... ибо мое крайнее убеждение, что, если мы будем «ждать» съезда Советов и упустим момент, мы губим революцию». Вывод Даниэльса: Ленин — ткачевец! То обстоятельство, что Ткачев писал в 70-е годы XIX в., когда в России не было ни развитого революционного движения, ни массовой революционной организации, а Ленин почти полсотни лет спустя, в условиях глубочайшего революционного кризиса, при наличии боевой и организованной пролетарской партии, завоевавшей поддержку миллионов трудящихся масс,— это обстоятельство Даниэльса несколько не волнует. Для него ситуация 70-х годов XIX в. и ситуация в октябре 1917 г.— одна и та же «ситуация»!¹

В Мюнхене в 1956 г. вышел специальный исторический сборник «Большевизм». Один из авторов этого сборника известный веховец Федор Степун занимается здесь тоже специальным обоснованием преемственности «нечаевщины» и большевизма. Но что сообщает нам Степун? Он открыл «внутреннее родство» этих двух направлений в их «страстном и агрессивном атеизме» (с подобным успехом можно обвинять в «нечаевщине» и французских буржуазных просветителей, и, скажем, Бертрана Рассела). Он уверяет, далее, что идеалом для коммуниста Ленин считал «слепое послушание» (хотя есть тысячи ленинских высказываний, а главное фактов, доказывающих, что Ленин выше всего ставил сознательность членов партии, сознательность народных масс). И, наконец, этот законченный клеветник приписывает Ленину чудовищное утверждение, что рецидивист для него желаннее на баррикадах, чем убежденный социал-демократ!² Правда, Ленин нигде и никогда не говорил ничего подобного, но в данном случае отсутствие фактов Степуна не смущает — ведь сам он, по существу, занимается разбоем в науке и именно его, Степуна, роднит с Нечаевым отсутствие всяких моральных требований и норм.

Анархизм, нечаевщина — смертельные враги ленинизма. Это ясно не только историку-специалисту. Это ясно любому простому человеку, хоть сколько-нибудь

¹ R. V. Daniels, *Lenin and the Russian Revolutionary Tradition*.— *Harvard Slavic Studies*, v. IV, 1957. Cambridge Massachusettes, p. 343—344.

² *Der Bolschewismus*, München, 1956, S. 212, 213, 214.

знакомому с факторами, обладающему хотя бы крупницей ума. «Организационных принципов» Нечаева, Бакунина в России хватило на то, чтобы склеить обманом в конспиративную организацию дюжину человек и уже через месяц-другой погубить их своим революционным шарлатанством. Организационные принципы большевизма позволили в условиях жесточайших преследований и репрессий выковать многотысячную, боевую, пролетарскую партию, позволили поднять и повести на сознательную революционную борьбу миллионные массы, совершить величайший в мире социальный переворот.

Какое же поистине ни с чем не сравнимое тупоумие или какую безмерную нечистоплотность надо иметь, какими законченными, беспробудными идиотами надо считать читателей «свободного Запада», чтобы внушать им мысль о том, что «нечаевщина» и ленинизм — одно и то же, что коммунизм будто бы «насилием и ложью» повел за собой теперь уже не сотню миллионов, а целый миллиард людей!

Историки вроде Кона, Даниэльса, Пызура и Степуна, вдалбливающие своим читателям басни о «нечаевских традициях» в ленинизме, во всех отношениях подобны своим духовным предкам — русским жандармам из III отделения, о которых защитник Спасович сказал на процессе 1871 г.: «Когда является общее движение в массах, предполагать, что это подстрекательство, значило бы поступать так, как тот публицист, который в виду французской революции кричит, не умолкая, «интрига!», «интрига!». Очевидно, что таковое объяснение доказывает только убожество понимания или неразборчивость в средствах, или то и другое вместе»¹.

Ленин справедливо говорил: между коммунизмом и анархизмом, между мирозерцанием уверенного в своей победе пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа лежит целая пропасть. Заполнить эту пропасть конам, степунам и пызурам и им подобным не удастся даже в том случае, если на печатание клеветнической литературы переключится вся полиграфическая промышленность «свободного западного мира».

Если же говорить о подлинных положительных традициях в русской революции, которые унаследовал боль-

¹ «Правительственный Вестник», № 167, 1871 г.

шевизм, то это были традиции самоотверженности, бескорыстия, нетерпимости ко всякой несправедливости и лжи. Не только прогрессивные социально-политические идеи русских революционеров мощным магнитом притягивали к себе всех честных людей и особенно молодежь. Сила притяжения этого магнита увеличивалась во много раз тем, что сами революционеры — Радищев и декабристы, Белинский и Герцен, Чернышевский и Добролюбов, революционные народники, пролетарские революционеры — Ленин и большевики были и нравственно чистыми людьми. Им не нужно было создавать о себе легенды, их жизнь и была настоящим подвигом. Им не нужно было дутой славы, они завоевали себе подлинную славу и бессмертие в своих делах.

О чем молчат ценители «Бесов» Достоевского

Исторические факты полностью разоблачают домыслы о большевиках — наследниках традиций «русского экстремизма». Но там, где против Кона исторические факты, он прячется по своему обыкновению за авторитет. Если коновскую «теорию национализма» был призван подтвердить сам великий историк Франсуа Гизо, то легенду о большевиках-«экстремистах» — великий русский писатель Достоевский. Кон ссылается на роман Достоевского «Бесы», где писатель в образе Петра Верховенского изобразил Нечаева типичным представителем русских революционеров. В открытой Достоевским «диалектике экстремизма», который, выходя из безграничной свободы, заключает «безграничным деспотизмом», уверяет Кон, — «ключ» к пониманию русской революции.

Само собой разумеется, Ганс Кон далеко не единственный в буржуазном мире «ценитель» «Бесов». Таковых там более чем достаточно. «Во всем XIX в., — уверяют в один голос десятки и сотни «исследователей», — не было другого такого романа, который предвидел бы с большей прозорливостью политические потрясения XX в.» «Преодоление нигилизма изнутри», «откровение о русской революции», «пророчество о событиях XX в.» — в этой оценке «Бесов» сходятся с Коном и католические теологи, изгоняющие из мира «беса коммунизма», и продажные

буржуазные публицисты, «литературоведы» и «историки», специализирующиеся на антисоветской клевете.

Достоевский действительно написал в начале 70-х годов клеветнический роман о русских революционерах, и нет ничего удивительного, что за ошибки и заблуждения писателя цепляются нынешние клеветники. Выступить со специальным романом против революционеров, где были бы сведены воедино все его прежние выпады, Достоевский собирался давно. Находясь в течение ряда лет за границей, оторванный от России и «связанный» с ней через Каткова и ему подобных, он узнал о «Нечаевском деле», которое ускорило его решение и подсказало сюжет романа. Работа над «Бесами» шла необычайно быстро. О Нечаеве газеты заговорили в январе 1870 г., а 19 октября 1870 г. Достоевский уже посылает Каткову первые главы романа. 5 апреля 1870 г. Достоевский писал Н. Страхову: «На вещь, которую я теперь пишу в Русский Вестник, я сильно надеюсь, но не с художественной, а с тенденциозной стороны; хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность»¹.

Итак, художественность (которая всегда была синонимом правды для великого художника) сознательно приносится в жертву тенденциозности. Что это за тенденциозность? Уже в «Преступлении и наказании» писатель пытался обосновать предвзятую идею о том, что революционное насилие и уголовное преступление суть едины. Теперь его ложная концепция получила «фактическую основу». Но что это были за факты? «Ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельства того убийства,—сообщал Достоевский, приступая к работе над романом,—я не знал и совсем не знаю, кроме как из газет»². «Факты», которыми пользовался предубежденный Достоевский и которые, как ему казалось, оплодотворили его замысел, подавались реакционной прессой в явно искаженном виде. А когда писатель в июле 1871 г. вернулся в Петербург, в его руках оказались уже материалы самого нечаевского процесса, состряпанные III Отделением. Предвзятость Достоевского, «подкрепленная» ложными «фактами», могла породить только глубоко ошибочное произведение.

¹ Ф. М. Достоевский, Письма, т. 2, М.—Л., 1930, стр. 257.

² Там же, стр. 288.

Но если разобраться в источниках противоречий в творчестве гениального художника, то анализ содержания даже такого романа, как «Бесы», оборачивается против реакционных тенденций самого Достоевского, не говоря уже о тех, кто хотел бы приумножить за его счет свой моральный и политический капитал. Какую бы эволюцию ни переживал Достоевский (начавший, как известно, свою деятельность социалистом), какие бы выпады по адресу непонятых и оклеветанных им революционеров он не допускал, ни разу в своей жизни он не провозгласил здравицу в честь «его величества капитала». Капитализм (о чем, кстати сказать, молчат ценители «Бесов») был и навсегда остался для Достоевского главным «бесом». Но трагедия великого писателя заключалась в том, что на место революционной борьбы со старым феодально-буржуазным миром он хотел поставить религиозное смирение, непротивление злу. Художник, столь глубокий в постановке вопросов, Достоевский был беспомощен и жалок в их решении.

Две проблемы, выдвинутые нарождающейся революцией, поставил Достоевский в своих романах и обе решил неправильно.

Поскольку осуществлению справедливых требований народа, его коренных интересов — реакция препятствует насилием — народ вынужден применять насилие против реакции. Революция, свержая старый мир, может делать это только руками людей, воспитанных этим миром, поэтому в ряды ее борцов попадает и всякого рода нация — люди, изуродованные старым строем, изломанные и искалеченные им.

Но, сведя всю революцию к насилию ради насилия, а всех революционеров — к этой нации, к верховенским, Достоевский совершил величайшую, хотя и объяснимую, ошибку. Он принял — из жалости к больному — нож хирурга за нож бандита, поднял голос гуманиста против негуманности врача. Он не увидел в революции ничего, кроме увеличения количества страданий, уже переполнивших старый мир. Писатель не понял того, что люди, переделывая общественный строй, переделывают свою собственную природу, что разного рода нация и грязь держатся на поверхности революционного потока только до тех пор, пока поток этот бессилен и слаб, они уносятся прочь, когда он становится могучим и глубоким,

Всячески раздувая ошибки Достоевского, буржуазные историки обходят, как правило, сильные стороны его творчества, замалчивают источники его противоречий. Достоевский против коммунизма! Достоевский за христианство! Достоевский наш союзник! Вот лейтмотив сотен современных работ. Но Достоевский был не только религиозным человеком, противником коммунизма, который он не понял и оклеветал.

Писатель был и всю жизнь оставался смертельным врагом эксплуататорского строя. И когда он объявлял, что раз коммунисты не верят в бога, то для них «все дозволено», то он попросту мерял коммунизм на буржуазный аршин. «Все дозволено» — это и есть предел эксплуататорской морали вообще, буржуазной в особенности, об этом свидетельствует сам писатель, бичуя аморализм буржуазного общества.

«Что такое *liberté*? Свобода,— писал он о коновском царстве «*liberty under law*». — Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать все, что угодно, в пределах закона. Когда можно делать все, что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все, что угодно, а тот, с которым делают все, что угодно»¹. Художественному выражению этой мысли посвящено почти все творчество Достоевского. Кто любимые герои писателя? Это «бедные люди», «униженные и оскорбленные», это люди, «с которыми делают все, что угодно».

Что же касается христианских идеалов Достоевского, то как можно забывать, что писатель видел в христианстве средство борьбы с той же буржуазностью? Кроме того, можно говорить об атеистической тенденции в творчестве Достоевского. Атеизм прорывался через религиозные одеяния его работ языками неугасимого пламени, в котором сгорало ветхое, убогое тряпье религии, сгорало, чадя едким дымом. Погасить это пламя писатель не смог до конца жизни. Его всю жизнь «бог мучал». Одно слово инока Алеши Карамазова в ответ на вопрос, как поступить с убийцей невинного ребенка — «расстрелять!» — звучит сильнее всех жалких проповедей

¹ Ф. М. Достоевский, Собр. соч., т. 4, М., 1957, стр. 105.

спасать мир непротивлением насилию. Ведь это говорит инок!

Как это ни парадоксально звучит, но именно непримиримая ненависть к капитализму ослепила Достоевского настолько, что он обвинил в грехах отживающего строя и зарождающийся коммунизм. Верховенский — носитель омерзительных нравственных принципов старого мира. В протесте против этих принципов писатель безусловно прав. Но если Верховенский — элемент органически присущий старому миру, то столь же чужероден он миру грядущей революции. Продукты распада старого общества, заражающие новую жизнь, Достоевский попросту принял за зародыши нового и потому отвернулся от нового вообще. Он сбился с пути, решив, что спасти от аморализма разлагающегося общества должна религия, освящающая в конечном счете этот аморализм, а не революция, в корне перестраивающая его антигуманные социальные отношения. В этом смысле эпиграф, взятый Достоевским к «Бесам»:

Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы, что делать нам,
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам..

можно скорее отнести к его собственным убеждениям 60—70-х годов.

В XX в., особенно в пору столыпинской реакции, веховцы использовали реакционное заблуждение писателя для гнусной травли революционеров. Булгаков в «Вехах» характеризовал революцию как «легион бесов, вошедших в гигантское тело России». В сборнике «Из глубины» (1918) Бердяев уверял, что «Бесы» — это «пророчество» о русской революции; те же утверждения можно найти и в его книгах «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), «Русская идея» (1946). У веховцев и заимствуют теперь свои «сведения» современные «знатоки России» вроде Кона.

Но в данном случае вопрос о том, прямо от Достоевского или косвенно — через веховцев — идет в нынешнюю антисоветскую литературу весь разобранный нами материал, не меняет существа дела. «Первоисточником» версии о большевиках-«экстремистах» остаются все та

же организованная III Отделением инсценировка, все та же жандармская клевета.

В коновских книгах нет подлинной истории русской демократии. Нет в них и подлинной истории русского либерализма.

Русские либералы и «народная свобода»

В русской истории рождение и гибель либерализма — одна из весьма поучительных глав. Но чему учат соответствующие разделы работ Ганса Кона? Прежде всего он сообщает, что либеральное движение зародилось в 1890 г. и вдохновлялось идеями «западных конституционных свобод». Но правительство, рассказывает Кон, не только не приветствовало попытки либеральных земцев организовать общества по пропаганде грамотности, улучшению здравоохранения и проведению других «давно неотложных реформ», напротив, оно «наказало зачинщиков и распустило общества». Тогда некоторые лидеры либерализма решили в 1902 г. приступить к изданию газеты «Освобождение» под редакцией «бывшего марксиста» Струве. В 1903 г. они основали «Союз Освобождения», в 1905 г. из этого союза «родилась конституционно-демократическая партия, члены которой были известны под кличкой «кадеты» — сокращение от первых букв русского наименования партии». «Имея в рядах своих высокообразованных и патриотически настроенных граждан,— заключает профессор,— либеральная партия могла стать инструментом преобразования русского самодержавия в режим законной свободы. Три причины помешали такому развитию: тщеславное упрямство и злобная тупость правительства, отсутствие парламентского опыта в России, хаос, вызванный первой мировой войной, начавшейся 10 лет спустя после образования конституционно-демократической партии. Многие драгоценные и обещающие семена свободной России — полноправного участника Европейского сообщества — были посеяны в ходе современной русской истории, но человеческая слабость и историческая случайность не дали им времени созреть»¹.

¹ H. Kohn, Basic History of Modern Russia, p. 60—61,

Раньше мы могли утверждать, что в «пособиях» Ганса Кона отсутствует подлинная история русской демократии. Теперь мы видим воочию, что в них отсутствует и подлинная история русского либерализма. Нет слов, фамилии лидеров русской буржуазии, названия либеральных органов и союзов, расшифровка клички «кадеты» нужны для правильного описания событий, но ведь, помимо всего прочего, у русской буржуазии была своя *экономическая* история, кроме названий газет и партий, у нее была определенная *политическая программа*, а о «патриотизме» и «просветительстве» земцев или кадетов лучше всего могли бы рассказать их *подлинные дела*.

Капитализм в России начал развиваться позже, чем в Европе, здесь были особенно прочны феодальные устои, в руках самодержавного государства концентрировалась безраздельная политическая власть. Сохраняя отжившие феодальные и полуфеодальные формы землевладения, задерживая расширение внутреннего рынка, препятствуя развитию капитализма вглубь, царизм в то же самое время бросал промышленникам миллионы в виде гарантий, субсидий, казенных заказов, он обеспечивал буржуазии новые колониальные рынки, создавал условия для развития капитализма вширь. Самодержавное государство сковывало свободу предпринимательства бюрократическим вмешательством, и его же таможенная политика помогала русским капиталистам выжить в международной конкурентной борьбе. Царизм систематически старался отстранить буржуазию от политического руководства в стране, но он же обеспечивал ее экономическое господство, господство капитала над трудом. Так десятилетиями создавалась в России система чиновничьего подкупа и махинаций монополистов. Вплоть до XX в. русский капиталист смахивал скорее на приживальщика, живущего «воспособлением», чем на «хозяина» страны. «...*Почему* это развитие капитализма и культуры идет у нас с черепашьей медленностью? почему мы отстаем все больше и больше? — спрашивал В. И. Ленин.— ...На этот вопрос, вполне ясный каждому сознательному рабочему, сатрапы нашей промышленности боятся ответить именно потому, что они — сатрапы. Они — не представители свободного и сильного капитала, вроде американского, а кучка монополистов, защищенных государственной помощью и тысячами проделок и сделок с теми

именно черносотенными помещиками, которые своим средневековым землевладением (миллионов в 70 десятин лучшей земли) и своим гнетом осуждают $\frac{5}{6}$ населения на нищету, а всю страну на застой и гниение»¹.

Имеется большая литература, немало книг, показывающих теснейшие связи русской буржуазии с монархизмом и помещиками. Но напрасно искать упоминание хотя бы об одном из подобных фактов в работах Кона. Вместо этого преподносится болтовня о «бескорыстии» либералов.

Своеобразием условий развития русского капитализма объясняется политическая неоформленность и политическое бессилие русской буржуазии. Вплоть до 1905 г. «...дворянство либеральничало и почтительно напоминало о конституции, а купечество казалось более довольным, менее оппозиционным»².

За первое пятидесятилетие своего существования (начало его относится, кстати, не к 90-м, а к 60-м годам XIX в.) земское помещичье-либеральное движение так и не смогло стать сколь-нибудь важным фактором в политической жизни страны. Желая получить свободу на почве существующего самодержавного строя, несовместимого ни с какой свободой, думая не столько о политической борьбе, сколько о том, чтобы «не брать особенно высоких политических нот», всячески стараясь ослабить революционное движение — единственный залог освобождения страны, единственную гарантию своего собственного независимого существования, земство так и осталось пустой и бестолковой говорильней, неоформленной политически и бессильной организационно.

Политическая позиция русского земского либерализма, выраженная в известных формулах: «отрицание террора правительственного и революционного» (программа Земского Союза 1881 г.), отрицание «всякого насилия, откуда бы оно ни исходило: сверху или снизу» («Освобождение» Струве)³, сослужила прекрасную службу сохранению старых порядков в стране. В борьбе со «смутой» царизм легко нейтрализовал земцев «небольшим до-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 262.

² Там же, стр. 291.

³ Цит. по кн.: И. П. Белоконский, Земство и конституция, М., 1910, стр. 22, 83.

вернем», а покончив с революционным движением, столь же легко брал у земцев это доверие назад. «И они понесли справедливое наказание за эту предательскую политику широковещательного краснбайства и позорной дряблости,— писал Ленин о русских «Аннибалах либерализма».— Расправившись с людьми, способными не только болтать, но и *бороться* за свободу, правительство почувствовало себя достаточно крепким, чтобы вытеснять либералов и из тех скромных и второстепенных позиций, которые ими были заняты с «разрешения начальства»¹. Для Кона даже не возникает вопроса, почему за «либеральными» правительственными реформами, которые всегда оставались половинчатыми, убогими, как правило, следовали контрреформы и какую роль играл здесь земский либерализм.

Самодержавие, как ясно заявил Николай II, и не думало удовлетворять «бессмысленные мечтания об участии представителей земства в делах внутреннего управления». Вплоть до начала «просвещенного» XX в. земство не смогло добиться отмены телесного наказания в Российской империи, не говоря уже о каком-то реальном осуществлении требований представительного Земского собора или либеральных лозунгов свободы слова, свободы личности, независимости суда. Даже лакействовать земцы не могли свободно. Их объединение во всероссийском масштабе не было допущено в таком деле, как покупка солонки и блюд для поднесения хлеба-соли Николаю II во время коронации 1896 г.

Тем не менее на протяжении всего этого времени Россия неуклонно шла и не могла не идти по буржуазному пути. Однако основой общественно-политического прогресса страны были не коновские «западные влияния», не земский или кадетский «патриотизм». Такой основой было развитие новых производительных сил, углубление и расширение классовой борьбы народных масс. Добавим, что в том же направлении буржуазного развития толкало царскую Россию и империалистическое соперничество на международной арене. «...Помимо всего прочего,— указывал Ленин,— условия мирового рынка ставят перед Россией одно из двух: либо быть раздавленной конкурентами, у которых капитализм идет впе-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 33.

ред иным темпом и на действительно широкой основе, либо избавиться от всех остатков крепостничества»¹.

Без нажима снизу «верхи» никогда никаких социальных реформ не предпринимали. Не подлежит никакому сомнению связь первых либеральных заигрываний русского самодержавия — политики «просвещенного абсолютизма» Екатерины II — с массовыми крестьянскими волнениями помещичьих и монастырских крестьян в 60-е годы XVIII в. (хотя несомненно, что «просвещенный абсолютизм» был вызван не только этими причинами). Причинно-следственная связь существует между такими явлениями, как указ о трехдневной барщине Павла I и массовые крестьянские волнения 1796—1797 гг., охватившие более 30 губерний. Такая же связь существует и между отсутствием сколь-нибудь заметных сдвигов в постановке и решении крестьянского вопроса при Александре I и Николае I и отсутствием развитого крестьянского движения в первые 30 лет XIX в., между либеральными реформами Александра II и ростом крестьянских выступлений в 50—60-х годах и т. д. Но поскольку движение крестьян на протяжении всего XIX в. оставалось стихийным, разрозненным, бессильным, поскольку его не смогли возглавить ни декабристы, ни разночинцы, поскольку окончилась борьба русского пролетариата и крестьянства в 1905—1907 гг., то коренные проблемы буржуазного развития страны правящими классами России по существу не были разрешены.

Кон ссылается на «человеческую слабость», не отмечая того, что «слабость» русских монархов была оборотной стороной силы — силы материального интереса господствующего класса. Миллионы десятин помещичьих латифундий, обрабатывавшихся даровым трудом крестьян, бесконтрольное хозяйничанье крепостников в бюрократическом аппарате самодержавного государства — вот те вполне реальные и вполне осязаемые причины, которые портили характеры «добрых» царей, заставляли их «перерождаться», отказываться от «хороших намерений», увольнять «умных» сперанских, давать волю «бездарным» аракчеевым и победоносцевым.

Вынуждаемое проводить объективно буржуазные преобразования, самодержавное государство исходило при

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 559.

этом прежде всего из интересов помещиков и бюрократии. Оно проводило эти преобразования по-крепостнически, только отодвигая на время решение назревавших задач и тем самым готовя почву для еще более массового, более грозного, более глубокого революционного движения. Так было в 1861 г., когда помещики провели крепостническим способом буржуазную «крестьянскую реформу». Так было в 1905 г., когда напор революции заставил царизм издать лжеконституционный манифест 17 октября. Так было в годы столыпинской аграрной реформы. «Ни новый шаг по пути превращения старого царизма в подновленную буржуазную монархию,— указывает В. И. Ленин,— ни организация в национальном масштабе дворян и верхов буржуазии (III Дума), ни буржуазная аграрная политика, проводимая земскими начальниками,— все эти «крайние» меры, все эти «последние» усилия царизма на *последней* оставшейся ему арене, арене приспособления к буржуазному развитию, оказываются недостаточными. Не выходит и так!.. Революционный кризис на почве неразрешенных буржуазно-демократических задач остается неизбежным»¹.

В конце концов в России возникло своеобразное положение: борьбу за осуществление буржуазно-демократических преобразований возглавил здесь революционный пролетариат, а не либеральная буржуазия. «Тупой» царизм, хотя и ущемлял интересы буржуазии, однако гарантировал ей защиту от «посягательств» пролетариата, обеспечивал ее колониальные интересы, предоставлял ей военные заказы. Кроме того, русская буржуазия на примере Запада уже заранее знала, что впереди ее ждет смертельная борьба с пролетариатом.

Политическое оформление пролетариата в России шло намного быстрее политического оформления русской буржуазии. Плехановская группа «Освобождение труда» еще в 1883 г. теоретически основала российскую социал-демократию и приступила к выработке ее политической программы. Ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в 90-х годах XIX в., а затем ленинская «Искра» в начале 1900 г. несли в рабочие массы идеи диктатуры пролетариата и социализма. Уже в 1903 г.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 201.

была создана боевая пролетарская марксистская партия нового типа. Кстати, быстрому созреванию русского социал-демократического движения в немалой степени способствовало наличие марксизма в Западной Европе. «Мы несколько не боимся сказать, что мы хотим подражать Эрфуртской программе.,— писал В. И. Ленин,— но подражание ни в каком случае не должно быть простым списыванием. Подражание и заимствование вполне законны постольку, поскольку и в России мы видим те же *основные* процессы развития капитализма, те же *основные* задачи социалистов и рабочего класса, но они ни в каком случае не должны вести к забвению *особенностей* России, которые должны найти *полное выражение* в особенностях нашей программы. Забегая вперед, укажем сейчас же, что эти особенности относятся, во-1-х, к нашим политическим задачам и средствам борьбы; во-2-х, к борьбе против всех остатков патриархального, докапиталистического режима и к вызываемой этой борьбой особой постановке *крестьянского* вопроса»¹.

Что же касается русских буржуазных партий, то они запоздали в своем развитии. «В то время как крайние направления нашей страны организованы, либерально умеренное ядро русского общества пребывает еще в состоянии почти бесформенном»,— сокрушалось еще в 1902 г. «Освобождение» Струве. Фактически буржуазные партии создавались уже в ходе начавшейся помимо их воли буржуазно-демократической революции и против нее. Октябристы — правое крыло русской буржуазии — открыто переходят в лагерь контрреволюции после 17 октября 1905 г. Всего два-три года потребовалось для того, чтобы окончательно выявилась монархическая, контрреволюционная природа «левой» партии кадетов. В 1905—1907 гг. кадеты еще пытались играть на революции. Лавируя между самодержавием и народом, они хотели вырвать у царизма реформы, и тут же делали ставку на военную силу царизма, чтобы удержать «в берегах» расходившийся народный океан. Но повторилось еще раз то, что уже доказал своей историей земский либерализм. Расправившись с народом, царизм поставил «на место» и оппозиционного

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 215.

буржуа: «Царизм,— подчеркивал В. И. Ленин,— привлекал буржуазию на совещания, когда революция еще казалась силой — и постепенно отбрасывал прочь, пинком солдатского сапога, *всех* вождей буржуазии, сначала Муромцева и Милюкова, потом Гейдена и Львова, наконец, Гучкова, когда революция переставала оказывать давление снизу»¹.

В конце концов русский контрреволюционный либерализм XX в. довел до логического конца межеумочный земский «нейтралитет». Его окончательные политические лозунги: «враги слева» (Милюков), «лучше реакция, чем революция» (Струве), явились точным выражением материальных интересов русской буржуазии, неразрывно связанной с феодализмом. Русский либерализм был и до конца дней своих остался буржуазно-помещичьим либерализмом. «Русские помещики, от Пуришкевича вплоть до Долгорукова,— писал В. И. Ленин,— воспитали и воспитывают нашу либеральную буржуазию в духе невиданного еще в истории сервилизма, косности, боязни перемен»².

После поражения революции 1905—1907 гг. кадеты поддержали государственный политический курс, они выразили готовность, как заявил Милюков во время лондонской кадетской демонстрации «единения» с царизмом, стать «оппозицией его величества». Различие официального столыпинского курса «обновления» России (сначала успокоение — потом реформы) и курса кадетского прогрессистского (реформы — для успокоения) было расхождением двух тактик в пределах одной и той же политики, призванной вести Россию по западному «прусско-юнкерскому» пути. Но и та и другая тактика в условиях растущего революционного кризиса была закономерно обречена на провал. Крах кадетской политики был обусловлен отнюдь не отсутствием «парламентского опыта» в России. Крах кадетской политики был обусловлен отсутствием всякой почвы для буржуазного парламентаризма в условиях растущего сопротивления народных масс. Столыпинское «успокоение» увеличивало и концентрировало революционные силы, а любая существенная реформа была невозможна по-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 225.

² Там же, стр. 372.

тому, что она развязала бы новый революционный взрыв. Недаром В. И. Ленин в одном из писем к И. И. Скворцову-Степанову писал: «Струве, Гучков и Столыпин из кожи лезут, чтобы «совокупиться» и народить бисмарковскую Россию,— но не выходит. Не выходит. Импотентны»¹.

Если бы Кон тратил свои способности не на фальсификацию, а на изучение реальной истории, реальных партийных программ, то он без особого труда мог бы установить по всем главным политическим вопросам определенную близость и родство политики самодержавной бюрократии и политики либералов. Свою близость к царизму русские либералы убедительно продемонстрировали, защищая принцип монархизма. Уже «Освобождение» Струве, с которого ведет историю кадетизма Кон, сочло «практически полезным» с точки зрения исторических и политических соображений оставить в неизменности монархическое начало, предварительно очистив монархию от «пут самодержавия». Струве выдвинул лозунг: «Нужно сбросить с русской монархии путы самодержавия!»

Правда, о своем монархизме кадеты предпочли умолчать, когда собрался их учредительный съезд — революция в России шла на подъем. Но принцип монархизма сразу же появился в кадетской программе, как только схлынула первая революционная волна. Кон специально разъясняет своим читателям, что означало русское название «кадеты», но он «забыл» осветить один существенный момент: название «конституционные демократы» было с самого начала «...придумано для того, чтобы скрыть *монархический* характер партии»².

Выявили кадеты свою близость к самодержавию и в аграрном вопросе — этом главном вопросе русской буржуазной революции, позаимствовав у царских чиновников и формально и по существу всю свою программу «принудительного отчуждения» земли. Все отличие этой программы от столыпинских планов состояло в том, что это были разные планы спасения класса помещиков: кадеты хотели для удушения крестьянской революции

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 34, стр. 358.

² В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 454.

повторить 1861 г., прирезав крестьянам за выкуп помещичьей земли. Столыпин хотел предотвратить крестьянскую революцию, ничего не прирезая крестьянам, а создавая на бывших общинных владениях кулака — новую опору царя и союзника латифундистов.

Либералы поддерживали царизм и в национальном вопросе. Уже в статьях «Освобождения» «доказывалось», что Финляндия никогда и не помышляла об отделении от России — для этого она «мала и слаба». Вопрос о Польше, писало «Освобождение», вообще не стоит, ибо она разделена между Германией, Австрией и Россией, а «выделяться в отдельное государство лишь десяти привисленским губерниям нет никакого смысла». Кроме того, и Польша «нужна» для России как «союзное государство-буфер». Кто знаком с Прибалтийским краем, писало «Освобождение», тот знает, что серьезного вопроса о сепаратизме там быть не может, народы Кавказа «тоже, разумеется, и не подумают об отделении от России». Правда, впоследствии кадетская великодержавная политика маскировалась демократической фразой, но «разумные уступки» окраинам никогда не шли до признания полного равноправия угнетенных народов — русская буржуазия не хуже царизма блюла великодержавный интерес. «Действительно, к.-д. никогда и не брались защищать право «отделения наций» от русского государства», — призналась в 1913 г. кадетская газета «Речь»¹.

В сущности, полное тождество притязаний русского самодержавия и русского либерализма наблюдалось во внешней политике. Ленин справедливо указывал, что «в области иностранной политики кадеты уже давно являются правительственной партией», что «панславизм, при посредстве которого царская дипломатия не раз уже совершала свои грандиозные политические надувательства, стал официальной идеологией кадетов»². При этом если Струве в 1904 г. начинал еще с «условного патриотизма», обещая поддержать военные усилия царизма, если будет «обновлен» самодержавный строй, то первую мировую войну Милюков встретил уже безусловной поддержкой царизма, обещая не «ставить условий и требований», заявляя, что «осуществление наших националь-

¹ «Речь», 1913 г., № 340.

² В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 288.

ных задач — приобретение проливов и Константинополя — стоит на верном пути»!

Что означала, в конце концов, кадетская программа «освобождения России», чем отличалась она от «царской заботы» о народе, прекрасно показало издание кадетских «Вех». Ганс Кон, касаясь этого знаменательного события, не тратит на его описание лишних слов. Авторы сборника «Вехи», пишет он, «призывали к новому пониманию русской истории и протестовали против недостатка патриотизма и религии среди многих интеллигентов-революционеров». А между тем кадетский сборник «Вехи» заслуживает безусловно специального внимания историка, изучающего русский либерализм.

Первое издание «Вех» появилось в мае 1909 г., а к концу года вышло уже пять изданий. Этот сборник — настоящее знамение времени — вызвал небывало широкий отклик со стороны всех классов и партий России. В кратчайший срок о нем была создана огромная литература. И это понятно, «Вехи» — эта, по словам В. И. Ленина, «энциклопедия либерального ренегатства» — представляли собой не только итог всей предшествующей истории русского либерализма, но и формулировали всю его идейно-политическую программу.

Из поражения революции 1905—1907 гг. веховцы сделали вывод о ненужности и «греховности» революций вообще, о практической бесплодности любых преобразований «мира земного». Веховский диагноз «болезни» гласил: «легion бесов вошел в гигантское тело России», ее погубил революционаризм, атеизм и материализм, ее надо лечить религией, мистикой Соловьева, Юркевича и Достоевского. «Историческую нетерпеливость» революционеров веховцы предлагали сменить на «дисциплину послушания», героизм — на «спасительное покаяние» и «здоровое христианское смирение». Холуйский союз с самодержавными палачами в политике веховцы органически дополнили единством с его охранителями в идеологии. Религия стала идейным знаменем веховцев еще до начала русской буржуазной революции — в этом факте выразилась одна из важнейших особенностей идеологии русской либеральной буржуазии, которая (в отличие, скажем, от молодой французской буржуазии) и в пору своей молодости молилась тому же богу, что царь и помещики, причащались у того же попа, что и они.

Будучи зависимой от самодержавия экономически, холопски подчиняясь самодержавию политически, как могла русская буржуазия отказаться от старой идеологии? Ей не осталось ничего, как только латать истрепанное знамя религии.

В то время как самодержавно-полицейский деспотизм душил все живое в стране, веховцы призывали отказаться от «объяснения зла внешним устройством человеческого общежития», от преодоления «внешних неустройств внешними же реформами». В то время как миллионы и миллионы рабочих и крестьян в России были лишены элементарных условий человеческого существования, веховцы провозгласили основой прогресса «внутреннее совершенствование, самопознание и самоуглубление каждой отдельной личности», предлагали в качестве спасения «сосредоточение личности в самой себе». Во время разгула реакции веховские публицисты не нашли ничего лучшего, как свалить вину за репрессии и казни на самих революционеров, на «безответственность», «максимализм», «нигилизм» молодежи, «которая напрасно взялась за серьезные, опасные по своим последствиям социальные опыты и, конечно, этой своей деятельностью только усиливает реакцию». «Мы — не люди, а калеки», истерически восклицали веховцы, выдавая свое собственное бессилие за свойство всей русской демократии.

«Освобождение» человека при отказе от всех ведущих к свободе средств, «безотносительная ценность личности» при сохранении всех условий ее рабства — вот в чем заключалась веховская «свобода» — рабство на деле, свобода на словах. Авторы «Вех» кричали о необходимости освободиться «от давящего господства народолюбия и пролетаролюбия», «поклонения народу», «народопоклонства» и «человекопоклонства», «народнического мракобесия». «До сих пор общепризнан был один путь хорошей жизни — жить для народа, для общества... — провозгласили они, — теперь принудительная монополия общественности свергнута». И одновременно они признались в том, в чем признавались лишь немногие реакционеры в истории. «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

«Эта тирада хороша тем, что откровенна,— писал Ленин,— полезна тем, что вскрывает правду относительно действительной сущности политики всей к.-д. партии за всю полосу 1905—1909 годов... Ибо на деле кадеты, как коллектив, как партия, как общественная сила, вели и ведут *именно* политику «Вех». Призывы идти в булыгинскую Думу в августе и сентябре 1905 года, измена делу демократии в конце того же года, систематическая боязнь народа и народного движения и систематическая борьба с депутатами рабочих и крестьян в обеих первых Думах, голосование за бюджет, речи Караулова о религии и Березовского об аграрном вопросе в III Думе, поездка в Лондон,— все это бесчисленные *вехи* именно той, именно *такой* политики, которая идейно провозглашена в «Вехах»»¹.

Но веховцы не были бы веховцами, если бы цинизм не сочетался у них с лицемерием, наглая откровенность — с иезуитством, если бы самобичевание и самооплевывание не компенсировались самолюбованием, если бы в качестве истинных ренегатов — ренегатов по призванию — они не пытались облагородить каждую свою подлость, придать ей сокровенный «возвышенный» смысл. Они всегда и везде пытались совместить слова «свобода» и «реакция», имена Александра Пушкина и Николая Палкина. Они нападали, прежде всего, на демократическое движение масс, а делали вид, что борются только с «интеллигенцией». Они вылили на демократию ушат помоев и тут же твердили о служении «истине», «правде», «прекрасному», «добру». Их религиозная философия освящала практику столыпинских погромов и расстрелов, а они твердили о бескорыстной христианской защите свободы личности, творчества, культуры. Они отрицали все реальные средства и способы раскрепощения личности на земле и тут же обвиняли «в отрицании личности», в «извращении личности», в «отсутствии правильного учения о личности» русских демократов. Веховцы не были простыми защитниками реакции. Они были самыми утонченными, самыми образованными защитниками самой грубой, самой примитивной черносотенной реакции. И понятно, с каким неподдельным восторгом встретили черносотенцы

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 113—114.

продукты «свободного творчества» своих новых добровольных слуг.

Царские палачи и попы приветствовали холопскую деятельность веховцев, поставили им высший бал. «Вехи» были одобрены всей реакционной печатью — от «Московских ведомостей» до последних черносотенных листков. Для известного мракобеса архиепископа Волынского «Вехи» показались «праздником» и «подвигом». «Вольные» религиозные философы, призывавшие к созданию «неохристианства», получили благословение от титулованных представителей официальной религии. Попы в рясах лобызали попов без ряса.

Кадеты попытались отмежеваться от «Вех». Они выпустили «против» «Вех» специальный сборник. Лидер кадетов Милюков предпринял турне по России с чтением лекций, «разоблачающих» своих собратьев. Но кадеты «критиковали» веховцев за то и только за то, что те выдали их кадетскую правду. Вот почему, ссылаясь на авторитет западноевропейской буржуазии, кадеты поучали веховцев: где борьба, там не может быть откровенности и искренности, и если уж вы взялись за политику, то относитесь к ней, как к искусству. Не играйте с открытыми картами. Помните, что даже Христос иногда лукавил. Особое внимание обращайте на лозунги, знамена, формулы. Можно и должно порвать с освободительным движением, но зачем же это делать открыто? Отрекайтесь от Белинского и Чернышевского, но называйте их «яркими светочами». Союз с реакцией необходим, но зачем же признаваться в этом? Делайте свое дело, но не говорите о нем¹.

«Я прошел молчанием очень многие наблюдения «Вех», с которыми мог бы вполне согласиться», — признавался Милюков. Я почувствовал, вспоминал в своей автобиографии «В двух веках» Гессен, бывший редактором кадетского органа «Речь», что Вехи намечают лозунги будущего. Но вместе с тем «нельзя было противодействовать нападкам на Вехи, ибо как бы ни ценить содержание сборника, появился он не во благовремении».

То, что у милюковых и гессенов было на уме, у струве и бердяевых «не во благовремении» оказалось на языке —

¹ См. «Интеллигенция в России», СПб., 1910, стр. IV, 174—185 и др.

лишь к этому частному моменту сводился весь идейный «раскол» в рядах защитников «народной свободы».

В. И. Ленин сразу же вскрыл действительный смысл и все лицемерие этой «полемики», показав, что «Вехи» выразили несомненную суть современного кадетизма, что партия кадетов есть партия «Вех». Понятие веховства, веховщины бралось Лениным значительно шире, чем взгляды лишь семи авторов сборника. «Авторы «Вех», — писал Ленин, — выступают как настоящие идейные вожди целого общественного направления». Веховство — это идеология контрреволюционной либеральной буржуазии, «веховское настроение» — это дух «уныния, отреченства»¹. Подобное настроение было заметно у либералов во времена первого демократического подъема в России (начало 60-х годов XIX в.) — достаточно вспомнить эволюцию Кавелина или Каткова. Такой дух проявлялся среди них и во времена второго демократического подъема (конец 70-х годов) — вспомним путь Суворина. «Катков — Суворин — «веховцы», — писал Ленин, — это все исторические этапы поворота русской либеральной буржуазии от демократии к защите реакции...»²

Ленинские оценки веховства отвергали в свое время кадетские публицисты. Их поныне оспаривают многие современные буржуазные историки, используя двуличье кадетской идеологии. Но ленинские оценки были неоднократно доказаны и подтверждены дальнейшим ходом классовой борьбы в России, деятельностью кадетов в то время, когда в их руки попала государственная власть.

Краткому периоду правления русских буржуазных партий (март — октябрь 1917) Ганс Кон уделяет в своих «Основах» сугубое внимание. Немедленно после своего создания, уверяет он, Временное правительство приступило к «насаждению полной свободы в стране». Пресловутые западные влияния наконец-то стали решающим фактором прогресса страны. «В те дни, — в восторге восклицает профессор, — растущее проникновение западных идей в Россию помогло рождению нового царства политической свободы и равенства, упразднению традиционного полицейского режима, рождению веры в способность

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 22.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 251.

рядового человека самостоятельно думать и решать судьбы страны». Но массы русского народа, продолжает он, заботились о «занесенных с Запада свободах не больше, чем Ленин». Их антизападническую настроенность, их косность использовали большевики. Они организовали «государственный переворот», отстранили «западников» — кадетов, эсеров, меньшевиков — от кормила государственного правления, вернули Россию на ее извечный «антизападный курс».

Но обратимся от коновской «истории» к реальным историческим фактам. Профессор явно грешит против истины, уверяя, что во время «единодушной» февральской революции, ниспровергшей царизм, «ни одна рука не поднялась ему на помощь». Такие руки в России нашлись, это были руки вождей буржуазии, главарей кадетизма. Исторические документы, касающиеся этих провалившихся попыток спасти монархию, опубликованы давным-давно. Более того, сами вожди кадетской партии откровенно расписались в своем монархизме, признав, что сохранение дома Романовых было их единственной мыслью и главной заботой в бурные дни Февраля. Временное правительство одно, без монарха, явится «утлой ладьей, которая может потонуть в океане народных волнений», — писал вождь кадетизма П. Милюков.

Далее Кон не вполне точен, уверяя, что кадеты «насаждали свободы в стране». Все демократические свободы самочинно, не только без ведома кадетов, но и вопреки их воле, взял в феврале 1917 г. восставший народ. Что же касается кадетов и мелкобуржуазных соглашателей, то они за недолгие месяцы своего правления сделали все возможное, чтобы эти свободы задушить. И такая антидемократическая политика русской буржуазии была не случайной: демократические свободы мешали ей продолжать внешнюю империалистическую политику, продолжать грабительскую войну, наживаться на страданиях масс. Правда, в мартовские весенние дни и кадетские министры и кадетские газеты немало болтали о «заре свободы», «новой жизни», «идеалах революции», они стали на словах (после провала попыток сохранить монархию) «республиканцами». Но, как впоследствии признавался тот же Милюков, это была всего-навсего «невольная уступка требованиям момента», точнее го-

воря, демагогия, предназначенная для обмана масс. «Я писал о «великой бескровной революции».., провидел «зарю новой жизни», приветствовал «сознательность революционной армии», — подтверждал авторитетное свидетельство вождя кадетов и Гессен, — не веря ни единому слову. Все было кимвал бряцающий...» Почему бы Гансу Кону вместо болтовни о рождении кадетского «царства политической свободы» не дать оценку этих знаменательных слов?

И, действительно, знакомясь с реальной историей Февраля, мы увидим, как русская буржуазия, ее партии и ее вожди, начиная с первых и до последних дней существования Временного правительства, не только не насаждали «свободы» в России, а делали все, чтобы выкорчевать их. Русская буржуазия боролась с демократией и свободой руками «социалистов» — черетелли и черновых, уговаривавших солдат — воевать, рабочих — не посягать на права капитала, а крестьян — не трогать помещичьей земли. Русская буржуазия боролась с демократией руками саботажников-капиталистов, пытавшихся схватить трудящихся за горло костлявой рукой голода и нищеты. Она боролась с демократией и свободой руками «трудовиков» Керенского и Переверзева — организаторов разгона рабочих демонстраций, разносчиков грязной клеветы о «подкупе» германским генеральным штабом большевиков. Она боролась с революцией руками царских генералов Крымова и Корнилова, пытавшихся введением смертной казни «оздоровить» тыл и фронт.

За недолгое время правления буржуазных партий ни одна из коренных задач буржуазной революции в России не была решена, ни одно из требований народа — мира, хлеба, земли, созыва Учредительного собрания — не было удовлетворено. Факт этот настолько общеизвестен и настолько неоспорим, что его должен как-то объяснить в своих «Основах» даже такой почитатель кадетизма, как Ганс Кон. Он попросту переписывает кадетские речи того времени. С требованием мира массы, по его мнению, должны были подождать, разбив предварительно немцев и повторив «подвиг Вальми». Для осуществления других задач также отсутствовали условия и «требовалось время». Прежде чем устраивать выборы в Учредительное собрание, надо было «выработать избирательный закон и избирательную процедуру» — дело

чрезвычайно сложное в условиях войны. Земельная же реформа, по заключению Кона, «также была сама по себе сложным делом, а еще более усложнилась в условиях войны»¹.

Но все дело в том и заключалось, что политики русской буржуазии не собирались решать все эти задачи, находя для оправдания своего бездействия тысячи уловок и «причин». «Сильная власть», «военная диктатура» для предотвращения грядущей революции и продолжения войны — с этим лозунгом русская буржуазия шла к Февралю, точнее, пыталась предупредить Февральскую революцию. С тем же лозунгом она пыталась и позже «обуздать» победивший народ. Решение всех жизненно важных для крестьян, рабочих, солдат вопросов откладывалось буржуазными партиями «до созыва Учредительного собрания», созыв собрания отодвигался на неопределенный срок, вернее, до того момента, когда буржуазия окажется в состоянии подавить демократическое движение масс. Сначала «оздоровление» (пулями и штыками) России, затем решение (разумеется, в пользу «оздоровителей») всех неотложных проблем — такова была после Февральской революции «положительная программа» партии кадетов, за которыми в те дни стояла вся буржуазная и монархическая реакция. Революция и демократия — это «анархия» и «беспорядок», контрреволюция и реакция — это «спокойствие» и «порядок», под этим извечным лозунгом всех контрреволюционеров русская буржуазия «осуществляла» буржуазно-демократический переворот.

Империалистическая внешняя и реставраторская внутренняя политика были тем «наследством», которое получила партия кадетов от погибшей монархии в 1917 г., и это «наследство» сыграло в истории русского либерализма роковую роль. В условиях уже завоеванных народом демократических свобод реакционная политика быстро привела к банкротству и саморазоблачению как партии «народной свободы», так и примкнувших к ней соглашателей — эсеров и меньшевиков. Все попытки удушить революцию силой окончились провалом. Всего несколько месяцев просуществовало буржуазное «царство» в России, но и этого срока оказалось вполне доста-

¹ Н. Kohn, Basic History of Modern Russia, p. 99.

точно, чтобы у народа отняли последние иллюзии насчет демократизма партии «народной свободы» и ее пособников — эсеров и меньшевиков.

Что же касается миссии и роли «свободного Запада» в эти роковые для русского либерализма дни, то «Запад» заботился только об одном: как бы русские армии не покинули союзный фронт. Ради этого он делал все, чтобы подтолкнуть русскую реакцию к «оздоровлению страны». Ганс Кона разглагольствует о «благотворном влиянии Запада» на Россию в 1917 г. Какого Запада? На какую Россию? Того Запада, который мечтал подчинить себе эту страну, который захватывал командные высоты в русском народном хозяйстве, для которого пролетариат, народ России, сначала был необыкновенно выгодным, необычайно дешевым рабочим скотом, а затем превратился в не менее дешевое пушечное мясо? Напрасно ожидать от Кона ответа на эти вопросы.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец буржуазной власти, и с первых же дней Октября партия кадетов становится главным организатором гражданской войны. Русская буржуазия обладала прочными связями с буржуазией зарубежной и эти интернациональные связи ее политики немедленно использовали для подготовки первых заговоров против Советской власти, для организации вооруженной интервенции в Россию в 1918—1920 гг. Русская буржуазия была связана кровными узами с черносотенной монархической реакцией, буржуазные политики и дельцы установили за время войны прямой контакт с царским генералитетом, и эти внутренние связи были немедленно использованы для организации «казачьей Вандеи», формирования белогвардейских сил. Русская буржуазия, ее политики обладали почти восьмимесячным опытом «коалиций» и «контактов» с партиями соглашателей-«социалистов» и там, где контрреволюционные эсеры и меньшевики еще «стеснялись» блокироваться с черносотенцами-монархистами открыто, такая связь прекрасно устанавливалась через кадетский «промежуточный» центр. Все эти обстоятельства и сделали кадетскую партию в первые месяцы после Октября политическим штабом всех контрреволюционных сил страны, организатором того переворота, который должен был повернуть страну вспять за рубежи не только Октября, но и Февраля.

Правда, у «руля» контрреволюции кадеты продержались недолго. Как только белогвардейско-монархические элементы окрепли, они придали своему союзу с буржуазной реакцией прежние традиционные формы. Распоряжались всем диктаторы-генералы, на задворках белых армий болтались вожди кадетизма, организуя, по меткой характеристике М. Н. Покровского, «разные декоративные советы и совещания, с которыми никто не советовался, и правительства, которые ничем не управляли».

Но, собственно говоря, обижаться на такую «расстановку» сил кадетам особенно не приходилось: во-первых, у них просто не было выбора, а во-вторых, подобная диспозиция была для политиков русской буржуазии уже давным-давно привычной. И «либералы» не обижались, они усердно служили и Деникину и Колчаку, и Юденичу и Врангелю, ходили у них в «министрах» и «послах», прикрывали своим «демократическим» именем самые кровавые режимы, самые грязные дела.

Что же касается веховской идеологии, то она не только не отставала в эти годы от этой «либеральной» практики, но и шла в некоторых отношениях впереди нее. Сборник «De profundis» («Из глубины»), в котором приняло участие большинство авторов «Вех», и особенно книга Бердяева «Философия неравенства», написанная в 1918 г., документально доказывают этот факт. «Из глубины» — это первые слова псалма «Из глубины воззвав к тебе, господи». О чем же взывали веховцы, дойдя до глубины падения и ренегатства?

Две основные темы, всегда присущие веховству, особенно наглядно выступают в последних работах: упования только на «дух» и упования только на грубую материальную силу, на власть небесную и власть земную, на бога и на царя. И то и другое отражает социальную смерть последнего эксплуататорского класса в истории. Первое является в сущности признанием бессилия русской буржуазии, осознанием своей обреченности, конца своего земного пути, второе — нежеланием поверить в это, выражает стремление все вернуть. Собственная гибель выдается за гибель всей России и всего мира, патологический страх небытия сочетается с не менее патологической, звериной ненавистью к революции. Религия освящает насилие и по отношению к народам других

стран и к народу России. Веховцы сами призывают к расправе с бунтующей «чернью». Они уже не прикидываются «прогрессистами», а выступают против «розовых теорий прогресса и совершенного грядущего общества», заявляют, что «социальная мечтательность есть разврат». Они уже не пишут о независимости духа, а воспевают «сладость подчинения» царю и жрецу в противовес «невыносимости подчинения равным и низшим». Они уже не увертываются от поцелуев монархистов, а сами твердят, что без царя «распалась Россия и превратилась в груды мусора»! Они уже не заигрывают с демократией, как в былые времена, а кричат о своем «чувстве ужаса» перед ней, называют самодержавие народа «самым страшным самодержавием». Струве выступает против самого употребления слова «демократия», Бердяев объявляет ее «нездоровым состоянием народа», он отрекается и от ценностей либерализма (либерализм, оказывается, недостаточно консервативен и служит дорожкой к демократии), он теперь прямо предпочитает демократическому общественному мнению «старую тиранию с кострами инквизиции», он воспекает «творческие реакции» и объявляет «ветхозаветно-благодетельными» все действия «царственных насильников» против восстающего народа.

Таковы эти «защитники свободы», «жертвы коммунистического тоталитаризма». «Чистая философия» оказывается связанной с самой грязной политикой. «Утонченные мыслители» выступают рука об руку с белогвардейскими вешателями. Сторонники «только духовных средств» борьбы, «деликатные и благородные люди» буквально вопят от бешенства и призывают «истреблять заразу». «Защитники неповторимой личности» каждого человека находят глубочайший смысл в истреблении миллионов людей. Сотни раз цитируют они слова Достоевского о неоправданности хотя бы одной слезинки невинного ребенка и тут же воспевают моря крови и слез. Вспомним, что писали эти «свободолюбцы» и «человеколюбцы» в годы революции и гражданской войны. Империализм, провозглашает бердяевская «Философия неравенства», «одно из вековых мировых начал... Состязание современных «буржуазных» империалистических волей имеет какой-то высший таинственный смысл... Империалистические войны по природе

своей все-таки выше войн социальных... Безумно воевать во имя разумных целей и в высшем смысле «умно» воевать во имя целей безумных... нельзя воевать «за землю и волю»... хорошо воевать... за «веру, царя и отечество»... С сотворения мира всегда правило, правит и будет править меньшинство, а не большинство... Существование «белой кости» есть не только сословный предрассудок, это есть также неопровержимый и неистребимый антропологический факт... В войне происходит как бы естественный подбор могущественнейших идей. И бог предоставляет народам своим свободу (вот она — кадетская свобода!) такого соревнования... Веховцы проклинают большевиков, положивших конец кровавой войне: «Вы загубили божий замысел о России» (сколько же надо было уничтожить людей согласно этому «замыслу»!). «Воины — не убийцы... — провозглашал в те годы Бердяев. — С войнами связано все героическое в истории... Война при духовно должном отношении к ней возвышает и облагораживает человеческую душу... Ваша боязнь физического насилия происходит от неодолимого отношения к жизни, от слишком исключительной веры в материальный мир». Иначе как фашистскими и по существу и по форме эти звериные вопли называть нельзя¹.

Много веховских книг переиздано за последние годы в странах «свободного Запада», но нет среди них «Вех», «Из глубины», «Философии неравенства», нет выдержек из этих «творений» и в хрестоматиях нашего профессора. И это не случайно. Простое переиздание этих книг, воспроизведение их «лозунгов» означало бы конец созданной за рубежом легенды о веховцах — защитниках свободы, о веховцах — агнцах христианских, невинно пострадавших от «большевистского ЧК». Отречение не только от демократии, но и от либерализма, воспевание империализма и войн, безудержный национализм, апология любых насильственных форм и средств подавле-

¹ Вот что говорил Муссолини: «Фашизм не верит в возможность или полезность вечного мира. Только война накладывает печать благородства». И вот что проповедовал Гитлер: «Из-за вечного мира человечество может только погибнуть... Правда находится только на стороне силы». Не совпадают ли эти мысли и слова с теми, которые были приведены выше?

ния народа — всё это лишний раз говорит о том, *куда* вел Россию русский веховский либерализм, сомкнувшийся с монархической реакцией.

Социалистическая революция спасла Россию не только от реставрации старого монархического режима. Она предупредила и развитие тех фашистских тенденций, которые с неизбежностью проявляются у империалистической буржуазии в периоды обострения борьбы с пролетариатом¹.

Что же касается такого «случайного события», как империалистическая война, то она лишь ускорила неизбежный крах русского буржуазно-помещичьего либерализма. Она привела большевиков к победе не потому, что «непросвещенный» русский народ воспылал враждой к «Западу» и поддался на «антизападническую агитацию», а потому, что война способствовала окончательному просвещению масс. О том, как войны, несущие огромные бедствия народам, неизбежно просвещают вопреки интересам их зачинщиков угнетенные классы, могла бы, кстати, рассказать Кону вся новейшая история Запада и Востока.

Никто не мог предвидеть заранее, что убийство в Сараеве произойдет 28 июня 1914 г., что именно это событие послужит поводом к мировой войне, но саму эту «случайность — войну» — Маркс и Энгельс предвидели за 30—40 лет до нее, к этой «неожиданности» русские большевики и революционные марксисты всех стран готовились заранее. И вот теперь, 45 лет спустя, является «великий» социолог и начинает морализировать по поводу «превратностей судьбы!» И, конечно, Маркс для него «давно устарел», а его собственная «социология» и есть современная наука!

¹ Те *тенденции*, которые впоследствии получили общепризнанное наименование фашистских, возникли задолго до того, как они в 30-х годах стали господствующими в Италии, Германии, Японии. Существовали они до победы пролетарской революции и в России. Что общего было во всех этих странах? Сочетание самого «передового» буржуазного империализма с неизжитыми феодальными пережитками, слияние реакции «современной» с реакцией средневековой, массовый размах пролетарского движения, толкающий буржуазию вправо, к применению самых зверских насильственных мер. Фашистские тенденции проявляются так или иначе во всех империалистических странах. Они развиваются, меняют свою форму, как об этом свидетельствует, например, маккартизм в США.

«Основы» русской истории без ее основ

Подведем итоги. Коновские «основы» истории России — это история без ее реальных основ, коновский «дух» России — это дух, который и не пахнет Русью. Факторы, о которых взялся толковать профессор: национальная традиция, иностранные влияния, роль личности, историческая случайность, — все это сюжеты, вполне достойные внимания исторической науки, обязательный предмет ее исследования. Но Кон блестяще подтвердил ту истину, что понять конкретные проявления более общих и более глубоких закономерностей исторического развития совершенно немыслимо, если исследовать частное вне общего, форму без содержания, случайность вне объективной необходимости, идейные влияния в отрыве от материальной почвы, личность — без классов, классы — без социальных основ их деятельности.

Реальное содержание новой и новейшей истории сводится к замене феодального строя капитализмом, а капитализма — социализмом. Путь этот с необходимостью проходили и проходят все без исключения страны и Запада и Востока.

Эта общая закономерность исторического развития была признана в рассмотренных коновских исследованиях ровно наполовину: поскольку утверждалась необходимость и неизбежность распространения «западного либерализма» (буржуазных отношений) на весь мир. Именно такая своеобразная позиция профессора заставила его «закончить» историю России на 1917 г., перечеркнуть право на «современную историю» у всех восточных стран, начавших в последние десятилетия строить социализм.

Но измена принципу историзма состояла не только в «перечеркивании» истории социалистической России. Дело в том, что сам переход от феодализма к капитализму происходил по-разному и в разных условиях, а этого тоже не хочет признавать профессор, сводящий историю всех стран и народов к прогрессу на «английский образец».

Своеобразие исторического развития России состояло в том, что не только во второй половине XIX, но и в начале XX в. назревшие задачи буржуазных преобразований решало не буржуазное, а самодержавное государ-

ство, стоявшие у власти крепостники, а не буржуа. Три основных политических силы боролись все это время на политической арене страны: лагерь самодержавно-крепостнический, лагерь помещичье-буржуазного либерализма, лагерь крестьянской, а затем пролетарской и крестьянской демократии. Это деление на три главных политических лагеря стало характерным для России после того, как размежевались в антифеодальном русском движении демократизм и либерализм. Оно, писал Ленин, «...вполне определенно наметилось с половины XIX века, все больше оформлялось в 1861—1904 годах, вышло наружу и закрепилось на открытой арене борьбы масс в 1905—1907 годах, оставаясь таковым же и в 1908—1912 годах. Почему это деление остается в силе и поныне? — спрашивал Ленин. — Потому, что не решены еще те объективные задачи исторического развития России, которые составляют содержание демократических преобразований и демократических переворотов везде и повсюду, от Франции 1789 года до Китая 1911 года»¹.

Но в решении этих *общих* для всех стран задач буржуазно-демократического переворота русской буржуазии в новых условиях уже не довелось играть руководящую роль, и в этом было *отличие* молодой России от «старых» буржуазных стран. В условиях переплетения двух социальных войн: незавершенной борьбы между феодалами и крестьянством, зреющей борьбы между пролетариатом и капиталистами, русская буржуазия самой логикой борьбы была вынуждена опереться на силы старого мира, предать интересы крестьян. Антагонизм реакционного феодала и либерального буржуа был отодвинут на второй план их общим, гораздо более глубоким антагонизмом со всей демократией, не только с пролетарской, но и с крестьянской. Именно поэтому во все периоды обострения классовой борьбы лагерь помещичье-буржуазного либерализма шел на сговор с крепостниками, предавал интересы народа. Этот лагерь, выступая за буржуазное преобразование России, вел страну по прусскому, а не по американскому пути, по пути сращивания капитализма с крепостничеством и монархией.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 449. См. также стр. 450.

Русские буржуазные партии всегда и везде опирались на силы, уже обреченные историей, а тем самым обрекали на гибель и себя. Всего восемь месяцев (от февраля до октября 1917 г.) длилась их самостоятельная жизнь, когда события заставили их выйти к народу и когда они открыто предали народ. Весь остаток дней своих они догнивали на задворках белых армий и в эмиграции, пока не закончили, отвергнутые народом и выброшенные из своей страны, бесславную жизнь.

Вот почему у русской буржуазии оказалась самая короткая и самая позорная история, без единой победы, но со столькими предательствами и поражениями, вот почему по сравнению с великими буржуазными революциями XVII—XVIII вв. она смогла сыграть только пошлый фарс, где в роли Кромвеля выступал «великий» деятель земского движения Петрункевич, в роли Вашингтона и Робеспьера — лакеи Струве, Гучков и Милюков, вымаливавшие «конституцию» в царских прихожих, а затем прислуживавшие царским генералам, а роли Вольтера и Гельвеция были отданы мракобесу Антонию Волынскому и «свободным» попам Бердяеву и Булгакову.

Напротив, та же логика классовой борьбы вынудила русский пролетариат искать союза с крестьянством в борьбе за свержение абсолютизма, в борьбе за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, выступать не только самым решительным противником самодержавного строя, но и разоблачать бессильный и соглашательский, а затем и явно контрреволюционный русский либерализм.

Победа большевиков в России решилась не их умением организовывать «заговоры», не воздействием искусной большевистской «демагогии» на инстинкты «непросвещенных» масс, как уверяет в своих «исследованиях» профессор (насчет заговоров и демагогии исключительные способности проявил за недолгие годы своей жизни как раз русский кадетизм). Победа большевизма решилась его способностью удовлетворить коренные интересы масс — его умением возглавить их борьбу против эксплуатации, за землю, мир, свободу.

Объективное историческое исследование всегда более или менее глубоко отражает и воспроизводит логику развития самого предмета. Но и в исторической фаль-

сификации есть своя логика, логика фальсификации предмета. Спутывая все реальные линии расхождения и союза классовых сил, определявших пути России, стремясь отмежевать от самодержавия тяготевший к нему контрреволюционный либерализм и, напротив, «привязать» к самодержавию боровшуюся с ним пролетарскую демократию, Кон неминуемо пришел к извращению всей истории и природы как русской демократии, которую представляли большевики, так и русского либерализма, представленного партией кадетов. Контрреволюционный русский либерализм, тяготевший к монархии и фашизму, стал у Кона «борцом за свободу», революционная пролетарская демократия была сведена к «нечаевщине» — этому извращению целей и средств революционной борьбы и заодно объявлена «наследницей» царизма.

В творческой лаборатории профессора

Когда история не укладывается в прокрустово ложе схем и концепций историка, ему приходится выбирать одно из двух: либо отказаться от этих схем, либо подгонять факты к схеме, искать уже не способы открытия истины, а способы ее искажения и замалчивания. И здесь мы вступаем в творческую лабораторию профессора. То, что доказывает Кон, находится в полном единстве с тем, *как* он это делает. Первое предопределяет второе. Если познание есть движение от незнания к знанию, есть углубление знания, то для Кона «выводы» известны заранее, а вся задача состоит в том, чтобы создать видимость движения, иллюзию доказательства.

Почему, например, история Англии шла так, а не иначе, была воплощением «либеральных», а не иных принципов? Ганс Кон дает исчерпывающий и глубокомысленнейший ответ: потому что таков английский национальный дух, особая «идея-сила» английской нации. В чем же состоит задача исследователя истории Англии? В том, чтобы обнаружить в ее истории те личности, которые выражали эту «идею», и перечислить те события, в которых она претворялась в жизнь. Почему в истории ряда других стран, скажем России, наблю-

дались отступления от классического английского образца? Виноват здесь восточный «дух» и «случайности». Если бы в России были деятели типа «Х», а не «У», то было бы все в порядке. А что делать, если деятели типа «Х» и типа «У» говорили и делали совсем не то, что им надлежало делать согласно «теории» Кона? Надо просто выбросить «неподходящие» места из их речей и «неугодные» поступки из их биографий, и все будет в порядке. Кроме того, желательно сделать несколько оговорок о том, что «конечно» помимо национального духа «играют свою роль» и другие факторы. Тогда «теория» получит синтетическую всесторонность. А если к тому же удастся «подтвердить» факт обращения той или иной страны к Востоку или Западу смелым географическим примером (столица России была перенесена в 1918 г. в *восточную* Москву, столицей ФРГ стал в 1949 г. Бонн, расположенный на *западном* берегу Рейна), то по своей «фундированности» теория вообще не будет иметь равных себе.

Что может быть сложнее живого общественного организма и что может быть поверхностнее и примитивнее только что изложенной «социологии», призванной объяснить его развитие? Прежде всего она не в состоянии удовлетворить любознательность хоть сколько-нибудь думающего человека, не говоря уже о серьезном ученом. Невероятной затхлостью, плесенью, убожеством веет со страниц коновских пособий. Его объяснения причин явлений напоминают объяснения средневековых схоластов, которые, например, видели причину теплоты в «теплороде», причину горения веществ во «флогистоне», причину роста растений в «растительной», а животных в «животной» душе и т. д. Но то, что ныне не признает за науку ни один физик, химик или биолог, в буржуазной общественной «науке» вполне сходит за последнее слово социологии! Словно и не было не только Маркса, но и никаких достижений буржуазной историографии в лице хотя бы Гизо, Тьерри, Минье.

Идеализм в методологии гармонически дополняется в книгах Кона фальсификацией в методике. И это закономерно. Ложь можно «доказать» только ложью.

Методику профессора Кона можно по праву назвать методикой «отточий». Отточия — это самый наглядный

символ препарирования материала, замалчивания и искажения фактов, их уродливого и одностороннего отображения. «Три точки» поставлены в работах Ганса Кона вместо анализа социально-экономических процессов, за «тремя точками» спрятана политическая история русского либерализма и русской демократии, те же «три точки» стоят на истории последних 40 лет развития страны, «тремя точками» заменены неугодные места в цитируемых работах, по существу, на тех же традиционных «трех точках» держится и весь коновский метод «сравнительного анализа», все его блестящие аналогии.

Поистине изумительная простота методики Кона объясняет нам и причины его необыкновенной плодovitости — профессор за последние 15 лет буквально завалил «западные» книжные рынки исследованиями по национализму Франции, Германии, Австрии, России, Швейцарии, США, ближневосточных и дальневосточных, африканских и азиатских стран. После появления коновских «исследований» историкам не придется тратить много времени на изучение любой страны. Ганс Кон не только поработал за всех, он снабдил их поистине универсальной «методикой».

Исследование Коном духа любой нации сводится к тому, чтобы подобрать подходящий эпиграф, переписать из предыдущей книги свою теорию «двух форм» национализма, а затем «подтвердить» ее десятками наспех склеенных фактов и препарированных цитат, разбитых по знаменитому принципу — «За Запад» или «За Восток». Не беда, если в спешке профессор перепутает фамилии, исказит даты или статистические данные¹, все равно на суперобложке его очередного «эпохального труда» появятся слова о том, что перед нами — «ключ к современной истории России» (соответственно Германии, Швейцарии и любой другой страны).

Да, надо отдать наконец-то должное и рецензентам Кона — они в некотором роде правы, утверждая, что

¹ В своих «Основах» Кон, например, перепутал химика Менделеева с биологом Мечниковым (стр. 34); он уверяет, что Энгельс умер не в 1895 г., а в 1892 г. (там же, стр. 55); по его вычислениям, Россия добывала в 1913 г. 360 млн. *т* угля (там же, стр. 74), на стр. 53 та же цифра уменьшается до 40 млн. *т* и т. д. и т. п.

книги профессора выходят за рамки обычной «академической жизни». Эти книги, действительно, имеют мало общего с наукой. Кон не исследует историю, а кромсает ее, не обобщает материал, а подгоняет его к своей схеме, не иллюстрирует реальные процессы, а занимается пошленькой игрой в примеры и примерчики. История же, как таковая, Кона просто не интересует, точнее, она его просто не устраивает, ибо история идет вопреки его желаниям.

С трепетом вступая в творческую лабораторию «великого американского социолога», мы ожидали увидеть здесь точнейшую и совершенную аппаратуру, с помощью которой исследователь проникает в существо глубинных процессов, распутывает самые сложные переплетения исторических событий. Но, приглядевшись внимательнее, мы видим здесь всего-навсего одно простое орудие. Почитатели Кона называли этот инструмент «ключом» (key) к современной истории России. Гораздо точнее именовать его отмычкой (master-key). Этим нехитрым приспособлением Ганс Кон действительно владеет, как мастер.

Роль провидения в исторической концепции Кона

Читая исторические работы Кона, все время чувствуешь какую-то недосказанность, словно чего-то в них не хватает. В самом деле, если исчезает объективная закономерность в развитии общества, а ее место занимает «дух нации» (который никак нельзя уловить) и случайность (которую никак нельзя предвидеть), то не становится ли мистическим этот неуловимый национальный дух? Не обожествляется ли эта случайность? Для полноты исторической картины у Кона не хватает только одного — бога. Но стоит лишь специально просмотреть его работы под определенным углом зрения — есть ли в его концепции место для бога? — как легко убедиться в том, что такое место есть и что оно занято. Коновские «концепции» держатся не только на «духе наций», «случайности» и отточиях, но и на религии. Бог помогал Кону проникать в грядущие судьбы России в его первых работах, к богу Кон обращал свои взоры в годы второй мировой войны, богу Кон предоставляет

последнее и решающее слово в объяснении истории и в послевоенных работах¹.

Характерным признаком общественной науки является ее способность не только познавать прошлое и настоящее, но и предвидеть будущее. Характерной чертой антинаучной идеологии является неспособность объяснить и настоящее, и прошлое, а тем более будущее. Маркс смотрел на развитие общества, как на необходимый естественноисторический процесс. Кону же развитие общества представляется мистическим процессом. «Корифей», свершивший «переворот» в мировой историографии, признается: «Сегодня, перед лицом хаотических и беспорядочных последствий двух великих войн, Европа с большей тревогой, чем даже в прошлом, вглядывается в горизонт будущего. Но континент, бдительно хранящий жизненность духа и наследие свободы, не имеет причин отчаиваться: «Многообразны,— говорил еще Эврипид,— проявления божественного. Боги осуществляют многие безнадежные вещи. И часто, когда ожидаемое не исполняется, бог все-таки находит неведомый нам путь»»².

Здесь и неспособность понять прошлое и весьма откровенная неуверенность в будущем.

Бог, писал Энгельс, означает *nescio* (не знаю), но *ignorantia non est argumentum* (незнание не аргумент)³. Незнание может быть аргументом лишь в одном случае — в пользу знания. Когда же человек не в силах объяснить вещи из них самих или у него не хватает мужества честно сказать: «не знаю, но буду изучать», — тогда это незнание обычно одевается в религиозные и идеалистические одеяния, принимая видимость самого полного знания, иллюзию предельно исчерпывающего объяснения. На деле же это — лень и усталость, бесплодие и трусость мысли. Религия, как и идеализм, является по существу выражением и признанием бессилия научно объяснить природу и историю.

И вот самоотверженное неутомимое стремление к правде сменяется успокаивающей и усыпляющей ложью,

¹ См., напр., *H. Kohn, Sinn und Schicksal der Revolution, Leipzig, 1923, S. 97—98; H. Kohn, World-Order in Historical Perspective, Cambridge Massachusetts, 1942, p. 282—283 и др.*

² *H. Kohn, Prophets and Peoples, N.Y., 1946, p. 9.*

³ См. *Ф. Энгельс, Диалектика природы, М., 1955, стр. 158.*

неутолимая жажда знания превращается в какую-то обеспеченную сытость: для того чтобы чувствовать себя сытым, достаточно пожевать религиозную жвачку. Вместо кропотливого собирания фактов, вместо глубокого раздумья над ними придумывается легонькое объясненьице: «Я не знаю. Люди не знают. Но бог — он все знает». Гордое сознание своей настоящей силы — силы разума, мощи познания — сменяется истеричными причитаниями: «Пути господни неисповедимы», «бог все-таки найдет неведомый нам путь». Слова и фразы заменяют объективное знание. «Дух», «идея», «случай» становятся на место исторической закономерности. Но это не просто слова и фразы. От них только один шаг до признания бога. Под прикрытием этих слов и фраз наука заменяется религией.

Но надо признать — прямые обращения к всевышнему редко попадают в книги профессора. Кон как-то стесняется, вернее, боится прямо назвать свою социологию богословской. Кон не оставляет надежды попасть в царство небесное, но пока хочет пользоваться всеми благами царства земного. Он прекрасно знает, что вера и знание несовместимы, что юродивым не место в науке XX в., ему очень хочется остаться «одним из ведущих историков современности». Но по самой сути дела социология Кона является богословской. И хотя Кон предпочитает толковать об «идее», «духе», «случайности», он, нет-нет да и осенит себя крестным знамением.

«Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего», — гласит одна заповедь Библии. Но как совместить эту заповедь с некрасивыми поступками нашего богобоязненного профессора, как совместить бога с «тремя точками?» Богословы, возможно, сошлутся здесь на греховность человеческой природы или — совсем наоборот — на то, что ради «правды высшей» лукавил иногда не только Кон, но даже Иисус Христос.

Но, по нашему мнению, здесь нет никакого противоречия. Действительно, несовместимы вера и знание, религия и правда. Многие религиозные люди делали и делают полезные дела, защищают мир, развивают науку, борются за истину и справедливость, но все это в полном противоречии со своей религиозностью, вопреки ей, что бы они сами при этом ни думали, и сам Кон, как увидим далее, был когда-то в числе таких людей. Но

в основе своей религия и ложь, вера и незнание вполне совместимы, более того, они, в конце концов, тождественны. Религия — это незнание, выдаваемое за абсолютное знание, неправда, «поднятая» до уровня мировоззрения, ложь, взятая в пределе.

Может ли быть противоречие между маленькой и большой ложью? Г. Кон с присущей ему примитивностью и выявил их единство. Хотя он верит, что провидение в конце концов вмещается в «хаотическую» и «беспорядочную» земную жизнь, однако, будучи человеком практичным, он не прочь и сам «подправить» историю с помощью «трех точек». Поистине, на бога надейся, да сам не плошай!

ГЛАВА 3

НЕСКОЛЬКО СВИДЕТЕЛЬСТВ КОНОВСКОЙ ЛЖИ

Джон Сомервилл против Ганса Кона

Протесты против антинаучных методов исследования истории России раздаются и в среде зарубежных ученых. Протесты эти немногочисленны, но тем важнее на них остановиться.

Джон Сомервилл, прогрессивный американский философ, опубликовал в 1956 г. в журнале «Американское обозрение славянских и восточно-европейских стран» рецензию на «Дух современной России»¹.

Сомервилл справедливо отмечает, что необычайная краткость приводимых Коном отрывков не может дать адекватного представления о первоисточниках. Он перечисляет, далее, следующие «предвзятые мнения или полемические предпосылки», из которых исходил Кон при комментировании материала: «Во-первых, он считает, что единственно достойный путь культурного расцвета России в ее объединении с Западом. Во-вторых, что это объединение свершится при условии принятия ценностей либерализма. В-третьих, этот либерализм зависит, главным образом, от «среднего класса», который, конечно, едва ли возможен без капиталистической системы».

Сомервилл с иронией замечает, что «подобный подход зачастую придает известный оттенок тоски по былому всему исследованию, в котором то здесь, то там появляются, к сожалению, пространные полемические искажения важных фактов». Вот почему «временами трудно избежать ощущения, что история проходит мимо издателя, который все еще хочет вернуть ее на истин-

¹ «The American Slavic and East European Review» October 1956, p. 416—419.

ный путь». Хотя Кон и желает тесно связать свои выводы с публикуемыми материалами, свидетельствует далее Сомервилл, однако это оказалось нелегким делом. Упрямым историческим фактом является то, что «сильный средний класс» никогда не развился в России, а громадное большинство «западников» не высказывало какой бы то ни было склонности к либерализму и капитализму, а было совершенно явно против него, за социализм и коммунизм. Все это сообщает попыткам Кона установить преемственность своих взглядов со взглядами русских западников какой-то «нереалистический характер». Изучающий русскую историю не получит верного представления даже о Герцене, которого Кон зачислил в своего единомышленника, забыв о том, что Герцен не разделял ни его симпатий к либерализму, ни его симпатий к капитализму, «трудности же в отношении правильного понимания марксистов достигают максимальных размеров». Они представлены убежденными противниками «западников», в то время как они всю жизнь защищали то основное течение мысли, которое представлено Белинским, Герценом, Чернышевским, Плехановым. Более того, если принять тезис Кона, пишет Сомервилл, то либо придется отрицать, что большевики были учениками Маркса и Энгельса, либо, что Маркс и Энгельс происходили с Запада, «что является уже совершенной бессмыслицей».

Издателю кажется, пишет Сомервилл, высмеивая исторические аналогии Кона, что Ленин, как и Достоевский, обращался к Азии для борьбы с Европой. «что они имели в виду ту же самую Азию, тех же союзников, тех же противников. Разумеется, оба они писали об Азии (а о чем только они не писали), но их выбор был противоположным, они ценили совершенно различные вещи и питали в отношении Азии противоположные надежды».

«Утверждение, упорно повторяемое в этой работе, будто Ленин ввиду хороших для него перспектив на Востоке был «антизападником», игнорирует тот факт, что Ленин был в равной степени убежден, что хорошие перспективы откроются для него и на Западе. Согласно его точке зрения, не Запад выступает против Востока. Класс выступает против класса, и оба борющихся класса существуют как на Востоке, так и на Западе, и, разумеется, на Западе, а не на Востоке он нашел

своего учителя и открыл свою миссию...» «К сожалению,— заключает Сомервилл,— рядовой студент, нуждающийся в хрестоматии подобного рода, не в состоянии понять, что комментарий издателя в столь многих случаях отражает его субъективные и сомнительной ценности взгляды, вместо того чтобы правильно трактовать содержание текстов и исторические явления».

Немало сделал Дж. Сомервилл и для разоблачения клеветнических обвинений в адрес коммунистов, обвинений, которые насаждались в последние годы в США. «Только очень небольшое количество людей в Америке,— писал он,— имеет более или менее точное представление об учении марксизма-ленинизма; в настоящее время всеми средствами массовой пропаганды — кино, радио, телевидением, ежедневной и еженедельной прессой, так же как и в подавляющем большинстве начальных школ, в высших учебных заведениях и церквях, коммунист изображается как беспринципный человек, жаждущий и готовый к использованию насилия и вооруженной силы в любом случае, террористом-индивидуалистом, который не думает о благосостоянии большинства или об увеличении этого благосостояния, а работает в небольших конспиративных группах только для той цели, чтобы обеспечить господство Советского Союза над миром. В настоящее время это мнение разделяется также большинством студентов в Америке. Оно, конечно, не основано на знании работ классиков марксизма-ленинизма... Понятие революции, совершаемой меньшинством, всегда отвергается марксизмом... Во многих работах, и особенно в работах Ленина, подчеркивается, что, прежде чем произойдет социалистическая революция, большинство должно поддержать ее принципы. Все это хорошо известно любому человеку, серьезно изучающему марксизм-ленинизм»¹.

Высказывания Сомервилла не являются случайностью для этого автора. Его философские воззрения, во многом спорные с точки зрения марксизма, в основном связаны с идеей мирного сосуществования между странами и противопоставлены идеологии «холодной войны», одним из представителей которой и является Ганс Кон. Сомервилл писал: «Я не знаю, можно ли назвать

¹ Дж. Сомервилл, Избранное, М., 1960, стр. 120—121.

невежество силой, но оно определенно является питательной почвой для опасных сил... У нашего народа не будет даже возможности занимать нормальную позицию по отношению к Советскому Союзу, пока он не будет получать такую же правильную информацию о России — ее истории, философии, литературе, языке, институтах и культуре, какую он получает о Франции или Германии... Какой бы ни была специфическая природа наших проблем в любое данное время, то, чего мы должны больше всего бояться в отношении России,— это незнания России»¹.

Вот почему Д. Сомервилл и выступил против Кона, пользующегося невежеством своих читателей и насаждающего среди них такое же невежество и предрассудки². Можно только пожалеть, что рецензия Сомервилла прозвучала одиноко среди десятков других апологетических отзывов.

Фредерик Шуман против Ганса Кона

Для выяснения предвзятого характера «изысканий» Кона много дает также их сравнение с работой Фредерика Шумана «Россия после 1917 года»³.

¹ Дж. Сомервилл, Избранное, М., 1960, стр. 93, 96.

² Говоря об информированности среднего американца, сошлемся на итоги обследования знаний о России учеников старших классов, произведенного в США весной 1945 г. (R. W. Burkhardt, Report on a Test of Information about the Soviet Union in American Secondary Schools. «The American Slavic and East European Review», Nov., 1946, p. 10, 14): «Только 6% учеников знает, что царя Николая II заставили отречься от трона вследствие неспособности его руководить войной на фронте и в тылу... Только 16% учеников знают, что Соединенные Штаты вместе с союзниками вмешивались во внутренние дела России в 1917—1920 гг. ...Только 34% знают, что США были самой последней державой, признавшей Советский Союз... Некоторые считали, что США первыми признали СССР». К этому надо добавить, что «опрошенные взрослые американцы информированы не лучше, чем эти ученики». А ведь это было время наиболее тесного сотрудничества СССР и США! За истекшие годы концы немало потрудились над тем, чтобы вытравить и эти скудные познания американцев. В 1945 г. люди знали, что сделала Россия для спасения мира от фашизма. А спустя 15 лет Ф. Шуман, американский историк, восклицал: «Помнит ли еще кто-нибудь из нас в Америке, что, расплачиваясь за общую победу, Россия принесла жертвы в виде разрушений и гибели людей, которые были в десять раз больше, чем жертвы всех других объединенных наций, вместе взятых?» («Новое время», 1958 г., № 49, стр. 11).

³ Fr. L. Schuman, Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics, N.Y., 1957.

Американский буржуазный историк Фредерик Шуман — коллега Ганса Кона. Он, как можно полагать, религиозно настроенный человек и вне всякого сомнения убежденный противник коммунизма. Совершенно очевидна зависимость Шумана от догм буржуазной историографии. Шуман разделяет, по существу, традиционную концепцию «вестернизации» России, повторяя традиционные фразы о «западном ветре», «забросившем в эту мрачную землю дикие семена, из которых произросли странные цветы и необычайные плоды». Он нередко пытается вывести основы внутренней и внешней политики большевиков из «русского мессианизма», «славянофильских» и даже «монголо-византийских» традиций. Авторитетом в вопросах «преемственности» старой и новой России, этой страны «комиссаров и царей», служит для него не кто иной, как Ганс Коп. Шуман — автор одной из многих хвалебных рецензий на коновскую «Идею национализма». Подобно другим буржуазным авторам Шуман повторяет в своей книге веховские басни о «диалектике экстремизма», якобы уподобившей русских революционеров своим врагам. Он также уверяет, что по принципам, «рекомендованным Нечаевым», строилась партия большевиков (хотя сам же в отличие от Кона именует нечаевщину «карикатурой» на русских революционеров). И для Шумана марксизм — это «догма» и т. д. и т. п. Но, несмотря на десятки пунктов соприкосновения, между двумя историками — Шуманом и Коном есть очень и очень существенные различия.

Изыскания Кона призваны «доказать» невозможность компромисса между «либеральным» Западом и «тоталитарным» Востоком, неизбежность и вечность если не горячей, то хотя бы «холодной войны», вытекающей, как он уверяет, из самой «природы коммунизма»¹. Обратное доказывает Фредерик Шуман. «Эта книга,— заявляет он о своей работе,— исходит из того, что между двумя половинами (или тремя третями) расколотого мира желательны, необходимы и возможны мирные отношения, если мы не хотим, чтобы война уничтожила нас всех... Если это подтвердится, многообещающие

¹ H. Kohn, U. S Policy in the Cold War.— «Current History» October 1959, v. 37, № 218, p. 221. См. об этом: «Правда», 7 марта 1960 г.

перспективы откроются перед нами на путях созидательного соревнования, не в производстве орудий смерти, а в производстве жизненных средств. Я пишу в надежде, что это историческое исследование будет содействовать конструктивному использованию открывающихся в будущем перспектив». «Пришло время мира», — таким эпилогом венчает свою книгу Ф. Шуман¹.

Изыскания Ганса Кона сводятся только и исключительно к повторению традиционных буржуазных догм, они ставят целью скрыть или подогнать к этим догмам противоречащие им исторические факты. Фредерик Шуман в отличие от Кона пытается объективно разобраться в фактах русской истории. Это стремление к объективности заставляет Шумана на каждом шагу противоречить разделяемым им предвзятым взглядам: характеризовать, например, советское общество, «как мозаику парадоксов» и в то же время ставить его во многих отношениях выше так называемого западного мира. В «тоталитарной» России Шуман обнаруживает и огромные достижения в области социального прогресса, и более здравую, чем на Западе, внешнюю политику. В то же время «свободный» Запад нередко характеризуется им как «деградирующее» общество, погрузившееся уже к началу второй мировой войны в «зловонное болото безответственности, варварства, самоубийственного безумства»².

Стремление Фр. Шумана разобраться в объективных фактах истории СССР заставляет нас обратиться к его свидетельству по ряду вопросов, извращенных Гансом Коном.

Согласно Кону, Октябрьская революция была «навязана» народу кучкой «бланкистов-большевиков», ее содержание свелось к борьбе против «западных» идеалов, ее основным методом было физическое уничтожение своих противников, кровавый террор. Ф. Шуман, при всей его непоследовательности, разоблачает эту ложь. Не «антизападная» пропаганда большевиков, а расхождение интересов правящих буржуазных партий с интересами народа лежало, согласно Шуману, в основе развития и углубления революционного процесса в Рос-

¹ *Fr. Schuman, Russia since 1917*, p. XII, 473 и след.

² *Fr. Schuman*, Там же, p. 250 и др.

сии в период от Февраля до Октября 1917 г. Как «либеральные» кадеты, так и связанные с ними реакционеры, свидетельствует Шуман, «чем дальше, тем больше слабели и дискредитировали себя, в результате того что их планы на будущее существенно расходились с надеждами большинства крестьян, рабочих и солдат. Простые люди на улицах городов, в деревнях и траншеях были все в той или иной мере «социалистами», и все они жаждали мира»¹. Большевики, как доказывает, опираясь на факты, Шуман, не только не занимались подготовкой «бланкистских» заговоров, но, напротив, считали, что власть может перейти в руки пролетариата только тогда, когда Советы, пользующиеся «массовой поддержкой», увидят целесообразность и необходимость взять на себя управление. Они начали подготовку к вооруженному восстанию только тогда, когда власть фактически перешла «в руки реакционной военной верхушки и бонапартистов», когда «Временное правительство буквально не имело защитников». Установка на возможно более мирные и безболезненные формы социального переворота была, по свидетельству Шумана, одной из главных особенностей проведения социалистической революции в России. «Поражало отсутствие кровопролития, поджогов, террора. Советская Россия родилась, а Временное правительство умерло в спокойной обстановке, без всяких потрясений... Во всяком случае, вопреки мнению, вскоре распространившемуся на Западе, Советское правительство в период между ноябрем 1917 и июнем 1918 г. утвердилось и проводило свою программу, реже прибегая к насилию и с гораздо меньшим числом жертв, чем любой другой революционный режим в истории человечества... Твердо решив обобществить все средства производства, Ленин не имел намерений лишать имущие классы свободы или жизни, пока оставалась надежда заручиться их поддержкой. Партия стремилась убедить банкиров, промышленников, чиновников, инженеров и даже помещиков — всех, кто осуществлял управленческие функции в старом обществе, стать платными чиновниками при новом строе...»²

Согласно Гансу Кону, либеральный Запад в эпоху революционных потрясений в России был более всего

¹ *Fr. Schuman, Russia since 1917*, p. 72.

² Там же, p. 75, 76, 77, 91, 98—99.

озабочен насаждением в этой стране «демократического порядка», «западных свобод»; интервенция союзников ограничивалась исключительно задачами воссоздания «второго фронта»; вся вина за конфликт Запада и Востока лежит исключительно на «нетерпимых», антизападниках-большевиках. Совсем иначе рисует главные этапы развития отношений России и «Запада» за 40 лет Советской власти Фредерик Шуман:

1) *Февраль — Октябрь 1917 года*. Полное непонимание правителями Запада происходящего в России. Жалкие денежные подачки Временному правительству, «проповеди в защиту добродетели и восхваление союзнического единства», наконец, прямые требования «более энергично вести войну» при отказе поставить вопрос о пересмотре ее целей. Постоянное вмешательство во внутренние дела страны: требования «принять более жестокие меры против большевистских вождей», попытки примирить Керенского с Корниловым, содействие бегству Керенского из революционного Петрограда в дни Октября и т. п.

2) *Ноябрь 1917—1920 гг.* Уклончивые обращения представителей официальной Америки к большевикам и одновременная организация интервенции стран Антанты в Россию. Безудержная клеветническая кампания против Советской власти, начатая прессой и политическими руководителями «свободного Запада». Попытки опереться на самые реакционные, обреченные историей силы внутри России, сулившие фашистско-монархический режим. «Вооруженное насилие 1918 года..,— свидетельствует Шуман,— было вызвано решением политических руководителей Запада прибегнуть к блокаде, вторжению и интервенции в надежде «удушить в колыбели», как выразился впоследствии Черчилль, угрозу коммунизма, впервые пришедшего к власти в одной из великих держав»¹.

Правда, возлагая на Запад ответственность за развязывание гражданской войны в России и вооруженное вмешательство в русские дела, Шуман вместе с тем пытается найти если не оправдание, то хотя бы объяснение таким действиям в том, что «угроза коммунизма»

¹ Fr. Schuman, *Russia since 1917*, p. 94, 95, 105, 106, 108, 109, 110, 111, 115, 120 и др.

была реальной, а не вымышленной. «Революционный марксизм,— пишет он,— еще в 1847 году объявил войну «всем буржуазным правительствам», а Ленин и его товарищи в ходе мировой войны и после Октября «обращались к пролетариату с призывами уничтожить все капиталистические режимы». Но в данном случае Шуман смешивает две разные вещи: непримиримость социального конфликта между капитализмом и коммунизмом, с другой стороны — вооруженное вмешательство одних государств в дела других государств. Коммунисты никогда не скрывали, что капитализм — строй, принесший человечеству чудовищные кровопролитные войны, порабощение и нищету сотен миллионов людей, ходом самой истории осужден на гибель и рано или поздно умрет. Но коммунисты считают, что революция — внутреннее дело народов каждой страны, они выступают против «экспорта революций», их «подталкивания», они с самых первых дней Советской власти стоят за мирное сосуществование государств с различными социально-политическими системами, за невмешательство в дела других стран.

Интересно, однако, что Шуман понимает, что белые армии, снабженные «либеральным» Западом и брошенные против русского народа, «по своему образу мыслей и по своим делам были предвестниками «фашизма» грядущих времен и потому были разбиты»¹.

3) 1920—1957 гг. Вынужденное признание странами Антанты Советского Союза. Постоянные стремления повернуть его развитие вспять, возвращение с этой целью фашистского зверя, с которым сами же «демократические» страны Запада справиться не смогли. Саботаж политики «коллективной безопасности», попытки повернуть фашистскую агрессию против СССР, содействие развязыванию второй мировой войны. «Значительная часть имущих классов Атлантических наций,— пишет Шуман,— восторгалась фашизмом и полагала, что в их собственных интересах поддерживать и расширять власть фашистов. Более того, влиятельная группа дипломатов и политических лидеров демократических стран была глубоко убеждена и страстно веровала в то, что свобода рук, предоставленная Тройственному союзу на

¹ *Fr. Schuman, Russia since 1917*, p. 118.

трех континентах, приведет к германско-японскому нападению на Советский Союз и что «цивилизация» будет тем самым «спасена от большевизма». Именно неразумная политика «западных демократий», их упорное нежелание считаться с фактами «привели к тому, что отношения между Востоком и Западом были отравлены навсегда; они в значительной мере способствовали возникновению второй мировой войны, а затем и «холодной войны», а также современной атмосферы обоюдного недоверия и ненависти, грозящей еще более гибельными катастрофами в будущем»¹.

Согласно Кону, все 40 лет Советской власти — это период «застоя» в жизни страны. Кон вообще отрицает право России на современную историю с октября 1917 г. Шуман, детально исследовав последние 40 лет русской истории, не может отрицать «грандиозных и великолепных достижений России за 40 лет», позволивших ей преодолеть неимоверную разруху после гражданской войны, справиться с нашествием фашистов, быстро и без всякой помощи извне оправиться от ран, нанесенных второй мировой войной. «Индустриализация,—пишет, в частности, Шуман,—не какое-либо исключительное явление... Но СССР отличается то, что события, занявшие во всех других странах полстолетия или даже больше, заняли здесь какие-нибудь 10 лет. Больше того, индустриализация в Советской России была проведена без частного капитала и без всяких иностранных инвестиций (если не считать использования иностранных инженеров и технических советов), без частной собственности на какие-либо средства производства и без нетрудовых доходов или частных прибылей, достоящихся обычно предпринимателям или удачливым вкладчикам. Накопление ресурсов, набор, обучение и распределение рабочей силы, накопление и вложение капитала — все это было осуществлено не посредством механизма цен и рыночной конкуренции, а посредством сознательно разработанных и осмотрительно выполненных национальных хозяйственных планов...

Потрясающий переворот в жизни людей может быть лишь весьма слабо отражен в следующих выводах: это смелое предприятие привело страну от неграмотности

¹ *Fr. Schuman, Russia since 1917, p. 109, 200.*

к грамотности, от нэпа к социализму, от примитивного земледелия к коллективной обработке земли, от преобладания сельского быта к преобладанию городского быта, от всеобщего технического невежества ко всеобщему овладению современной техникой»¹.

Наконец, последнее сопоставление. И коновские «Основы истории современной России» и книга Фредерика Шумана «Россия с 1917 года» изданы в одно и то же время — в 1957 г. Ганс Кон венчает свои «изыскания» констатацией «тяжелого экономического и идеологического кризиса», который якобы поразил лагерь социализма, и надеждами на то, что Россия и русский народ «возобновит, в конце концов, прерванный ход своей современной истории», вернувшись к «европейскому» образцу². Фредерик Шуман другого мнения. «Вопрос о том, может ли «работать» такая система, удовлетворяя потребности, уже давно решен. На сегодня (и, насколько можно предвидеть, на бесконечное будущее) советская система обобществленного производства функционирует и будет функционировать великолепно»...³

По-видимому, иногда вынужденные, порой добровольные уступки Шумана антикоммунизму так и не смогли примириться с его объективностью ученого, ответственностью политического публициста и совестью человека. Сравнительно легко понять происхождение этих его уступок. Но можно только догадываться, какие трудности ожидают людей такого направления, которые ищут правду, но не фальсифицируют ее. Шуман мог хвалить Кона, он мог повторять некоторые идеи Кона, но писать в целом, как Кон, Шуман, к счастью, так и не научился. Он ошибался и ошибается, но после знакомства с его работами у нас сложилось убеждение, что он не прибегает к фальсификации⁴. Если Кона

¹ *Fr. Schuman, Russia since 1917, p. 144—145.*

² *H. Kohn, Basic History of Modern Russia, p. 118.*

³ *Fr. Schuman, Russia since 1917, p. 332.*

⁴ Известное сомнение возникает у нас в связи с фактом появления фамилии Шумана во втором издании «Иллюстрированной истории России» («A Picture History of Russia»), о рекордах которой по части фальсификации речь пойдет ниже. Принимал ли участие Шуман в подлогах, произведенных в книге, знал ли о них или они явились для него самого неожиданностью — все это остается загадкой, для ответа на которую мы не располагаем, к сожалению, необходимыми данными.

можно только разоблачать, то с Шуманом можно полемизировать. Более того, работы Шумана во многом разоблачают Кона.

Ганс Кон против Ганса Кона

Но, безусловно, самым лучшим свидетельством предвзятости последних работ Кона остаются его собственные ранние работы. Кон был не только современником, но и очевидцем событий Октябрьской революции — эти годы он провел в русском плену. В начале 20-х годов, вернувшись в Европу из Советской России, Кон написал книгу «Смысл и судьба революции»¹. Надо сказать, что уже здесь он пытался объяснить «загадку» русской истории борьбой элементов «восточного» и «западного», углублялся под воздействием Достоевского и Мережковского в мистические тайны «русской души». Но вопреки своим учителям и негодной методологии Кон сделал в той же книге интересные фактические признания насчет значения и хода социалистической революции в России. Эти свидетельства тем более ценны, что и в те годы Кон не симпатизировал большевикам, он просто-напросто уважал объективные факты.

Вот простое сопоставление выводов и оценок нынешнего Кона с тем, что он говорил и писал 20—30 лет тому назад.

О характере Октябрьской революции

1923

Это «подлинная русская революция (wirkliche russische Revolution)»².

1957

Это «не революция, а контрреволюция»³.

О закономерности Октябрьской революции

1923

«Я пытался доказать, что взятие власти большевиками осенью 1917 года не было случайностью, что они должны были взять ее от имени наро-

1957

«Читателя надо предостеречь от предположения насчет того, что большевистский переворот был логическим или необходимым следствием со-

¹ H. Kohn, Sinn und Schicksal der Revolution, Leipzig, 1923.

² H. Kohn, Sinn und Schicksal der Revolution, S. 29.

³ H. Kohn, Basic History of Modern Russia, p. 107.

да, что свершившееся здесь было плотью от плоти и кровью от крови народа, русского народа»¹.

О предпосылках победы большевиков

1923

Уже в революции 1905—1907 гг. рабочие и крестьяне «проснулись к политической жизни, инстинктивно осознали необходимость европейской дисциплинированности, целеустремленности, методов работы... Образование начинает проникать в народ, пробуждается интерес к западным движениям. В то время как неудача действует угнетающе на усталую и издерганную интеллигенцию, она, напротив, оживляет совершенно пассивный до того народ, придает конкретные формы его надеждам, воспитывает его активность... Все идет навстречу новой попытке переворота, в котором на этот раз заложена возможность революции, как взаимодействия сознательного, целенаправляющего руководства интеллигенции с экономическими требованиями, с коренными представлениями масс»³.

О роли кадетов в русской революции

1923

Большевики были правы, полагая, что «либералы хотели лишить народ плодов его победы». Поверив в конституционную реформу, обещанную царем, «кадеты бросили революционное народное движение на произвол судьбы». Они больше всего «боялись масс»⁵.

временной русской истории. Напротив, он в очень большой степени был ее отрицанием, поворотом к прошлому»².

1955—1957

«Большинство представителей образованных классов трудилось над полной интеграцией России в Европу. Но их попытки разбились о тупость продажного правительства, а также отсталость и инертность масс... Массы не были подготовлены к конституционным свободам, многие интеллигенты исповедовали эсхатологическую веру в революционный утопизм... Внезапное ослабление уз традиционной власти мобилизовало неевропеизированные массы, развязало силы, направленные мастерской и беспощадной стратегией Ленина к возрождению старого московского единства церкви и государства»⁴.

1957

«Либеральная партия, состоявшая из прекрасно образованных и патриотических граждан, могла бы вполне стать орудием преобразования русского самодержавия в режим законной свободы»⁶.

¹ *H. Kohn*, *Sinn und Schicksal der Revolution*, S. 87.

² *H. Kohn*, *Basic History of Modern Russia*, p. 116—117.

³ *H. Kohn*, *Sinn und Schicksal der Revolution*, S. 39.

⁴ *H. Kohn*, *The Mind of Modern Russia*, p. 27, 28, 29.

⁵ *H. Kohn*, *Sinn und Schicksal der Revolution*, S. 34, 35.

⁶ *H. Kohn*, *Basic History of Modern Russia*, p. 60—61.

1923

Просвещенная буржуазия «боится расширения революции, господства массы и из осторожности берет на себя руководство. Берет не для спасения революции, а для спасения буржуазии... Народ боролся за свой старый лозунг: землю и свободу. Свобода была в суровых условиях войны равнозначна миру. Временное правительство с крупным помещиком князем Львовым во главе, состоящее преимущественно из представителей крупного капитала, таких, как текстильный фабрикант Коновалов, миллионер-сахарозаводчик Терещенко, откровенно выступает против мира и против захвата земли крестьянами. Все министры, включая Керенского, были до переворота монархистами... Но революционное правительство обязано своим существованием народной воле, оно не может устоять, если вступает с этой волей народа в противоречие... Естественная логика революционных событий последовательно берет свое. Революция родилась из войны и против войны. Буржуазное правительство, используя для обмана народа правых социалистов, намерено ее продолжать вопреки всякому разуму. Но слишком сильны иностранный капитал и совместные классовые интересы... Ничего существенного не происходит. Учредительное совещание не созывается, закон о национализации земли не публикуется, мир не заключается. ...К концу октября каждый знает, правительство Керенского в том числе, что большевики возьмут власть. Они —

1957

«Тем временем Дума пытается ввести революцию в организованные рамки и встать во главе ее. 14 марта она назначила Временное правительство. Его председателем был князь Георгий Львов, либеральный вождь земства, социальный реформатор с глубокой верой в доброту русских людей... Среди других знаменитых членов Временного правительства были Милюков — министр иностранных дел и Гучков — военный министр. Оба были решительными патриотами и националистами, желавшими продолжать до победы войну на стороне союзников, осуществить желанную для России цель — контроль над проливами и Константинополем. Но самой яркой личностью был во Временном правительстве молодой человек, Александр Керенский, адвокат и блестящий оратор, 35 лет, член партии трудовиков, воплощавший страсть и надежду революции... Немедленно после создания Временное правительство приступило к насаждению полной свободы в России... Но почва для этой свободы недостаточно созрела. Свободы должны предполагать сознание ответственности, массы же не сознавали, что свобода требует честной игры и учета интересов нации в целом. Для них свобода означала безвластие...»¹

¹ *H. Kohn, Basic History of Modern Russia, p. 96—99.*

SINN UND SCHICKSAL
DER
REVOLUTION

VON
HANS KOHN

1 9 2 3

E. P. TAL & CO. VERLAG
LEIPZIG / WIEN / ZÜRICH

dem sie sich selbst schmückten. Es sind von Zukunft Schwangere, Zukunftswahnbesessene. Ihre Tragik aber ist, daß ihre desinteressierte Sehnsucht sofort von Smerdjakoff benutzt wird, um das Reich „Chams“ aufzurichten, das Reich des dunkeln Pöbels, um in der Schrankenlosigkeit der russischen Seele jeden werdenden Kosmos zu begraben.

Die Ereignisse in der russischen Geschichte von März 1917 bis März 1918 sind zu bekannt, als daß ich sie hier zu schildern brauchte. Es gilt nur, die für uns typischen Hauptzüge herauszugreifen. Als im März 1917 sich die Revolution vollzog, stellte sich nach einem Augenblick gemeinsamen Aufschwungs dar, daß die Massen, daß das Volk ohne Führer waren. Das Volk verlangte seine alte Losung: Land und Freiheit. Freiheit war nach dem grauenhaften Zwang des Krieges gleichbedeutend mit Frieden. Die provisorische Regierung mit dem Großgrundbesitzer Fürst Lwoff an der Spitze, der vorwiegend Vertreter des Großkapitals angehörten, wie der Textilgroßindustrielle Konowaloff, der Zuckermillionär Terestschenko, ist offen gegen den Frieden und gegen die Besitzergreifung des Landes durch die Bauern. Alle Minister bis auf Kerensky waren vor dem Umsturz Monarchisten gewesen. Eine solche Regierung kann sich nur halten, falls sie legitimistisch ist, d. h. wenn sie durch im Volksbewußtsein befestigte Tradition gestützt wird. Eine revolutionäre Regierung verdankt ihren Bestand dem Volkswillen: sie kann nicht bestehen, wenn sie sich in Gegensatz zum Volkswillen setzt. Das Bürgertum suchte die Revolution an sich zu reißen. Es konnte ihm nicht gelingen, da es die elementaren Forderungen des Volkes nicht erfüllen konnte und wollte: eine entschädigungslose Übergabe des Bodens ins Eigentum des arbeitenden Volkes hätte die wichtigsten Schichten des großen Bürgertums und des Adels vernichtet, den Friedensschluß aber verbot ihre ganze Weltanschau-

Ганс Кон разоблачает Ганса Кона. Обложка и одна из страниц ранней работы Кона, где он писал о предательстве народных интересов русской буржуазией и Временным правительством в 1917 г.

единственные, кто может совладать с хаосом. С удивительной легкостью и неотвратимостью совершается падение Временного правительства, подобно тому как за 7 месяцев до этого пал царский режим»¹.

О роли «западных» влияний в период от Февраля до Октября

1923

«Союзники не только не оказывают помощи, но их господствующие классы, по природе враждебные революции, не имея элементарного понятия о событиях, роковым образом вмешиваются во внутренние дела, протестуют против национализации земли»².

1957

«В те дни усиливающееся проникновение западных идей помогло рождению нового царства политической свободы и демократического равенства, упразднению традиционного полицейского режима, появлению веры в способность обыкновенного человека самостоятельно мыслить и способствовать решению жизненных проблем нации»³.

Ганс Кohn о тактике большевиков в 1917 г.

1923

«Усиление большевизма не было плодом специальной агитации, а необходимым результатом развития событий. Большевики всего-навсего воплощали программу народа, в этом была их сила, их призвание. Только они свершили революцию, если под революцией понимать осуществление чаяний народа»⁴.

1957

«Из тактических соображений Ленин никогда не колебался выставлять от лица партии лозунги, которые не выполнял. Эти лозунги обеспечивали большевикам поддержку в России»⁵.

О характере большевистского правительства

1923

«Впервые в истории здесь народ создал свое государство, как когда-то рыцарство создало феодальное государство, как буржуазия в эпоху французской революции создала свою республику. И пусть не

1957

«Ленин учредил первое в истории тоталитарное правительство... Народ не хотел создания такого правительства... Ленин верил в решительные и безжалостные действия небольшой кучки вышколенных и

¹ *H. Kohn*, *Sinn und Schicksal der Revolution*, S. 45, 50, 51, 52, 53.

² Там же, S. 52.

³ *H. Kohn*, *Basic History of Modern Russia*, p. 101.

⁴ *H. Kohn*, *Sinn und Schicksal der Revolution*, S. 53.

⁵ *H. Kohn*, *Basic History of Modern Russia*, p. 103.

говорят, что кучка политиков или даже тайная организация чуждых народу субъектов навязала это государство русскому народу. Какое непонимание истории!»¹

О свободе в большевистской России

1923

«Зреет новое чувство свободы человеческого достоинства, оно подобно тому, что навевала эпоха Просвещения, но здесь оно проникает глубже, охватывает огромный круг людей»³.

Об отношении большевизма к Западному миру

1923

Большевизм «в известном смысле пытается европеизировать Россию, дать ей упорядоченное правление, охватить научным просвещением сознание масс...

...Неведомые народы в глубинах и на границе Азии впервые в известной нам истории обрели собственную жизнь, европеизировались при этом, пришли в соприкосновение с существующей цивилизацией»⁵.

Сравнение Гансом Коном буржуазных революций XVII—XVIII вв. с пролетарской революцией в России

1923

«В то время как французская революция была только европейским событием, русская все более вырастает в общечеловеческую. Большевизм — это шаг к общечеловеческому син-

дисциплинированных профессиональных революционеров, которые будут готовы в период кризиса навязать свою волю народу...»²

1957

«При Ленине Учредительное собрание погасло так же, как погасла всякая свобода в России»⁴.

1957

«Ленин смотрел на западное общество и цивилизацию, как на главного врага. Он не только повернул Россию против Запада, но и обратился к Азии за поддержкой в борьбе против Запада». «Отступничество России от союзников в марте 1918 г., когда столица ее была перенесена из Санкт-Петербурга, обращенного к Западу, обратно в Москву, означало растущее отчуждение России и Азии от Запада»⁶.

1957

«Англо-американские революции XVII и XVIII вв. развились на основе единственных в своем роде английских традиций самоуправления и индивидуальной свободы. Они мог-

¹ H. Kohn, Sinn und Schicksal der Revolution, S. 87.

² H. Kohn, Basic History of Modern Russia, p. 107; The Mind of Modern Russia, p. 234.

³ H. Kohn, Sinn und Schicksal der Revolution, S. 90.

⁴ H. Kohn, Basic History of Modern Russia, p. 108.

⁵ H. Kohn, Sinn und Schicksal der Revolution, S. 62, 84.

⁶ H. Kohn, Basic History of Modern Russia, p. 117; The Twentieth Century, p. 250.

тезу... Дворянство и буржуазия кажется исчерпали себя, их творческие силы иссякают... Новая грядущая эпоха, которую едва ли может сдержать новый Священный союз и плоды которой увидят только будущие поколения, заключается в освобождении четвертого сословия. Если задачей французской революции было освобождение третьего сословия, то ясно, насколько грандиознее масштабы русской революции. Дело идет о бесчисленных миллионах новых людей, о становлении и преобразовании целых народов. А с освобождением четвертого сословия начинается новое человечество: космос новых чувств, новых ценностей, новых дерзаний. Новая культура, о которой еще никто не может сказать, какая будет она, вовлечет в светлую сферу своего влияния миллионы прежде тупых и духовно забитых людей, множество затерянных и впавших в спячку народов. Все яснее будет вырисовываться единство человечества»¹.

В 1922 г., когда еще немногие люди на Западе понимали смысл происходящих в России процессов, Кон, оценивая первые успехи большевиков на созидательном поприще, писал: «Здесь (в России) за последние годы сделано бесконечно многое»³. 35 лет спустя, когда всему миру стало ясно, как бесконечно много сделано в России, Кон решил... «закрыть» ее историю на Октябре 1917 г.

Не удивительно после всего сказанного выше, что и всю проблему «западного» и «восточного» национализма молодой Кон трактовал совершенно с иных позиций. В Европе, писал он, национализм уже выполнил

ли привести к постоянному расцвету законных свобод... Французская революция ввела символы нового культа свободы и прав человека и связала воедино три слова, выразивших суть новой цели демократии: свобода индивидуума, равенство и братство людей... Новые идеи проникли в Европу и даже в Центральную Россию... демократия впервые, казалось, была близка к завершению своей всемирной миссии освобождения всех классов и всех людей... Русская революция означала катастрофу, ибо арена ее находилась среди политически, культурно, социально отсталых европейских масс, там, где традиции свободы едва успели пустить корни»².

¹ *H. Kohn, Sinn und Schicksal der Revolution, S. 71, 93, 94.*

² *H. Kohn, The Mind of Modern Russia, p. 28; The Twentieth Century, p. 190, 191; The Mind of Modern Russia, p. 28.*

³ *H. Kohn, Sinn und Schicksal der Revolution, S. 90.*

свою историческую миссию и потерял моральный смысл. «На Востоке его можно расценивать в духовном и хозяйственном отношении еще как положительную и прогрессивную силу...»¹

Борьбу СССР «против капитализма западных держав» Кон рассматривал в этой связи не как попытку отгородить Восток от Запада, Азию от Европы, а как событие, впервые *включающее отсталые народы Азии в русло общечеловеческого единого социального прогресса*².

Еще в 30-е годы Кон обличал фашизм и доказывал, что коммунизм — последовательный противник фашизма, прямая противоположность ему «по своим целям и всему мировоззрению». Ныне тот же Кон уверяет, что государство Аденауэра — это «свободный мир» с «демократической структурой», и заодно «доказывает», что фашизм и коммунизм — «одно и то же»³.

Если бы «великому историку современности» было суждено издать полное собрание своих сочинений, ему пришлось бы немало потрудиться над переписыванием и вымарыванием своих собственных ранних работ — почти все знаки в них он сумел переменить на обратные! Раньше он стоял на распутье между мистикой и исторической наукой. Теперь мистика органически дополняется фальсификацией истории, препарированием не только чужих, но и своих собственных работ. Но зато если ранние исследования Ганса Кона помогали зарубежному читателю понять «смысл и судьбу» великой революции, то теперь о его последних «трудах» этого не скажешь. Эти труды оставят в совершенном недоумении зарубежного читателя, когда тот попытается понять, каким образом прежде отсталая и забитая Россия сумела встать во главе социального прогресса и повести за собой сотни миллионов людей, каким образом вышла на первое место в мире ее наука, как она оказалась способной поставить теперь перед собой задачу — выйти в течение ближайших 12—15 лет на первое место в мире по объ-

¹ H. Kohn, Nationalismus und Imperialismus im Vorderen Orient, Frankfurt am Main, 1931, S. 81.

² H. Kohn, Okzident und Orient, Berlin, 1931, S. 13, 91.

³ Сравни: H. Kohn, Revolutions and Dictatorships, 1941, p. 188 и H. Kohn, The Mind of Germany, N. Y. 1960, p. X, 346 и др.

ему промышленного производства, обеспечить самый высокий в мире уровень жизни народа. Вряд ли разъяснят что-либо этому читателю коновские басни о «монголо-византийской традиции», «бланкистах-большевиках», «отгородивших Россию от Запада», экскурсии в историю панславизма, цитаты из Достоевского и Тютчева. Но кое о чем ему, безусловно, расскажут работы безвестного молодого историка Ганса Кона.

Итак, перед нами не ошибки на пути поисков истины, а преднамеренное искажение уже известных и самим же Коном открытых истин.

Ганс Кон, как показывают его труды, «эволюционировал» пока в одну определенную сторону — в сторону отказа от правды. Однако за каждую отдельную личность нельзя ручаться и Кон может еще изменить свои концепции в сторону их более тонкой и искусной маскировки или даже (что почти невероятно) в сторону отказа от лжи и клеветы. Но что бы ни случилось лично с Гансом Коном, можно вполне определенно сказать одно: сама тенденция, которую он представляет сегодня, явление более глубинного порядка, явление более устойчивое, она не может так просто исчезнуть из идеологической надстройки буржуазного общества, пока не перестроены его классовые основы. А кроме того, при всех возможных изменениях взглядов самого профессора его работы 40—50-х годов безусловно останутся *классическим примером* тех фальсификаторских тенденций, которые господствовали в США в эпоху маккартизма, которые господствуют там, к сожалению, и в наши дни.

Кстати, весь параграф «Ганс Кон против Ганса Кона» можно было бы озаглавить и по-другому: «Переписывание русской истории!» (Rewriting Russian History), как был назван вышедший не так давно в США сборник, доказывающий, что все развитие советской исторической науки — это просто-напросто замена одних положений другими — на злобу дня¹. Среди «ревнителей» исторической правды выступают в этом сборнике люди, которые позавчера носили маску советского

¹ См. об этом сборнике: Л. В. Данилова, В. П. Данилов, Переписывание русской истории. «История СССР», 1959, № 6.

гражданина, вчера продались гитлеровским фашистам, а сегодня с почетом приняты в американской буржуазной науке. Набрав из советской же литературы критических замечаний в адрес некоторых советских историков, они пытаются выдать *открытое исправление* наших отдельных ошибок, борьбу за *строжайшую объективность* в марксистской науке за «отсутствие» в ней объективности вообще. Одним из эпиграфов к своей работе они взяли слова Вольтера: «Хорошо писать историю можно только в свободной стране». Слова, конечно, замечательные. Но сколько мы ни искали в американской буржуазной литературе ответа на вопрос, почему, например, Ганс Кон «переписывает русскую историю», все усилия наши оказались напрасными.

Но, может быть, Ганс Кон исключение в науке «свободного» Запада? Приведем еще пример, который наряду с коновским может быть также увековечен в качестве классического образчика «переписывания истории». В США в 1945 и 1956 гг. вышло два издания «Иллюстрированной истории России» (A Picture History of Russia). На одних и тех же страницах, но в разных изданиях, здесь можно прочитать следующее¹:

Издание 1945 г.

«Ленин не поколебался... встретить насилие насилем...» (стр. 209).

«Национальная политика Советского правительства есть полная противоположность национальной политике царской империи» (стр. 227).

Санаторий для рабочих в Кисловодске, где они отдыхают за счет государства (подпись под фотографией на стр. 276).

Издание 1956 г.

«Ленин не поколебался систематически применять жестокость и насилие...» (стр. 209).

«Национальная политика Советского правительства есть хитроумное видоизменение национальной политики царского правительства» (стр. 227).

Санаторий для бюрократии, где переутомленная элита отдыхает за счет государства (подпись под той же фотографией на стр. 274).

Мы не нашли пока в американской печати никаких разъяснений по поводу этих и подобных им примеров, но зато узнали, что данное пособие издания 1956 г.— «наиболее полный, авторитетный и объективный труд». Вот как пишется и переписывается в «свободной Америке» история «тоталитарной России».

¹ См. об этом: Г. З. Иоффе, Наглядное пособие по фальсификации. «История СССР», 1958, № 5.

ГЛАВА 4

СВЯЗЬ ИСТОРИИ С ПОЛИТИКОЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

О причинах ренегатства Ганса Кона

Попытаемся понять, что же произошло с Гансом Коном? Почему он переписал заново всю историю России? В силу каких причин под его пером царство империализма превратилось в свободный мир, Октябрьская революция — в контрреволюцию, социальный прогресс России — в регресс? Что заставило его именовать борьбу народов Востока за политическое и социальное освобождение против империализма борьбой «тоталитарных» монгольских наций против «Европы», выдавать процесс приобщения народов Востока к единой общечеловеческой культуре за процесс их отпадения от этой культуры?

Хотя Кон, как и большинство ренегатов, не вспоминает о своих прежних воззрениях, однако по его нынешним трудам можно заключить, что причины их пересмотра он объясняет тем, что накопился новый «опыт». «Написание истории всегда избирательно,— пишет он в своей последней книге «Дух Германии». — Ударение и акцент определяются опытом нашего поколения и нашими собственными суждениями о событиях. Задача каждого поколения, которое было свидетелем великих исторических сдвигов, состоит в том, чтобы заново переосмысливать историю»¹.

Конечно, можно, а иногда и должно пересматривать старые оценки в свете последующих событий. Но есть факты и выводы, отменить которые не могут никакие

¹ *H. Kohn, The Mind of Germany*, p. IX.

последующие события. Таков, например, тот факт, что первую мировую войну развязали империалисты, а первым покончил с ней русский революционный пролетариат. Таковы, например, выводы о реакционности колониализма, о народном характере социалистической революции в России. Но именно такие факты и выводы пересматривает софистически Г. Кон. Результат его последних работ выражается в одной простой формуле, ее «обоснование» — в одном простом приеме. Вся история России начиная с Октября 1917 г. сводится исключительно к ошибкам, связанным с культом личности И. В. Сталина, вся история России до Октября трактуется как «подготовка» этого культа. Объявив самокритику коммунистов за свидетельство «кризиса коммунизма», буржуазная пропаганда попыталась скрыть реальный кризис буржуазной политики и идеологии, «бросить тень на великие идеи марксизма-ленинизма, подорвать доверие трудящихся к первой в мире стране социализма — СССР, внести замешательство в ряды международного коммунистического и рабочего движения»¹. Осью всей антисоветской пропаганды в последние годы и в том числе буржуазной историографии СССР сделалось заведомо лживое положение о том, что культ личности был порожден якобы самим советским строем, явился «логическим развитием» марксизма-ленинизма и был фатально предопределен всей предшествующей историей России. Все средства были брошены на то, чтобы выдать *ошибки* коммунистов за *существо* коммунизма. Всеми силами концы стараются скрыть ту истину, что ошибки, связанные с культом личности, были порождены не теорией и практикой коммунизма, а именно отступлением от этой теории и практики, отступлением от указаний Маркса, ленинских принципов демократизма, что коммунисты сами вскрыли эти ошибки и сами их ликвидируют. Не было и не могло быть фатальной неизбежности этих ошибок. Возможность культа далеко не обязательно должна была превратиться в действительность. Вывод, к которому неизбежно приходят люди, гласит: какой же внутренней силой должен обладать коммунизм, если, несмотря на ошибки и вопреки им, он

¹ «О преодолении культа личности и его последствий». Постановление ЦК КПСС, М., 1956, стр. 6.

сумел развиться в такую гигантскую силу! Какие же ни с чем не сравнимые, неисчерпаемые возможности развития открывает он при правильной политике! Все попытки Кона «облагородить» свою смену позиций, выдать себя за «глубоко разочаровавшегося» в социализме «искателя истины» — это не что иное, как маскировка ренегата.

Подлинный характер взглядов Кона вскрывает сравнение его теорий с делами и словами ведущих политиков буржуазного Запада. И здесь и там мы находим одно и то же: апологетику капитализма и клевету на социализм, противопоставление «свободного» Запада «тоталитарному» Востоку, отождествление внешней и внутренней политики России царской и России Советской, фашистских режимов и советской демократии, линию на раскол между народом Советского Союза и партией, между Советским Союзом и странами народной демократии, спекуляцию на ошибках, связанных с культом личности, защиту колониализма и осуждение национально-освободительного движения народов, расчеты на военные блоки и крестовые походы и, наконец, освящение всего этого именем божьим. То, что делал Даллес или Никсон, повторял и повторяет Кон. Политика с позиций силы подкрепляется идеологией с позиций лжи. Политика — приказывает, «наука» — исполняет, исполняет охотно и добровольно. Все научные «выводы» Кона, это не выводы, а точное исполнение задания. Он доказывает то и только то, «что и требовалось доказать». Кон рабски воспроизводит все движения и жесты своих хозяев, он превратился в Strohpuppe — марионетку, выражаясь его собственной терминологией 20-х годов.

Если искажение фактов истории в последних трудах Кона предопределялось его идеалистической методологией, то мы теперь видим, как эта сама «методология» предопределена его нынешними социальными позициями. Изменились социальные позиции Кона, изменилось и его отношение к науке.

Конечно, нельзя в каждом ошибающемся видеть фальсификатора и корыстолюбца. Из того положения, что прежде всего и главным образом важна объективная роль, которую играет в обществе та или иная теория, — отнюдь не следует пренебрежение к субъектив-

ной стороне. Наоборот, только установив, скажем, объективно ошибочный и вредный смысл данной теории и можно переубедить человека, если у него были действительно хорошие намерения. Ничто так не действует на субъективно честного, но серьезного ошибающегося человека, как доказательство объективного вреда его деятельности, как убеждение его в том, что он игрушка в руках антинародных партий и классов. Если вся история — это не тротуар Невского проспекта, то это относится и к науке, к тем трудным путям, которыми идут ученые. Таким ученым обязательно надо помочь разрешить те, казалось бы, безнадежные противоречия, в которых они запутались, в их теориях обязательно следует искать, находить и взращивать те зерна истины, которые там имеются. Именно так поступали всегда Маркс, Энгельс, Ленин, отделяя сознательных фальсификаторов от ошибающихся людей, разоблачая первых, но и непримиримо критикуя ошибки последних. Вспомним, как Маркс, обоснованно отвергнув ошибки Рикардо, писал в то же время, что это — муж науки, что ему была присуща научная добросовестность, что его рассуждения носят характер *«стоический, объективный, научный»*¹.

Но есть и другая категория «исследователей» — люди не заблудшие, а превратившие науку в предмет корыстных спекуляций. Именно об этой категории Маркс говорил: «Человека же, стремящегося *приспособить* науку к такой точке зрения, которая не почерпнута из нее самой,— как бы при этом она ошибочна ни была,— а взята извне, из *чуждых* ей *внешних интересов*, я называю «низким»...» Это «не муж науки, а наемный адвокат»². Ганс Кон — поистине классический образчик именно такого типа буржуазных ученых. У него нет никаких противоречий между субъективными целями его работ и теми объективными результатами, к которым ведет их появление в буржуазном мире. Ганс Кон прекрасно знает, что он делает и кому служит.

Американский историк Фредерик Шуман недавно сделал ценные признания насчет того, какого рода измышлениями руководствовалась последние годы офици-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Об искусстве, т. I., М., 1957 г., стр. 121.

² Там же, стр. 121—122.

альная американская политика «холодной войны» и какого рода «объяснение» давали своему народу сторонники этой политики. «Это объяснение,— писал Шуман,— которое доведено до самого крайнего упрощенчества, сводится к тому, что Россией и Китаем, увы, управляют коммунисты, что все коммунисты — нехорошие люди, а все антикоммунисты — добродетельные люди; что коммунисты — это злые безбожники, а американцы молятся богу и даже имеют государственного секретаря, который непосредственно общается с богом; что коммунисты, как и фашисты 20 лет назад, стремятся к завоеванию и порабощению мира и что наш долг как патриотов и христиан заключается в том, чтобы сопротивляться этому гнусному наступлению на цивилизацию, идя на любой риск, любой ценой, и даже в случае необходимости ценой термоядерного истребления человечества... Такое объяснение наших проблем страдает одним недостатком: оно не имеет никакого отношения к реальной действительности современного мира... Все эти и десятки других официальных американских взглядов на Россию и Китай были и есть просто мифами и баснями, выдуманными на высшем уровне в качестве основы внешней политики»¹.

Но именно такого рода мифами и баснями, а не реальными фактами истории руководствовался Кон в своих последних трудах.

Раньше Кон полагался больше всего на свои собственные суждения о фактах. В его прежних работах о «смысле и судьбе» Октябрьской революции в России можно найти оригинальность и глубину, убеждение и страсть. «Все, что буревестники и провидцы, пророки и художники создали в мыслях, образах, ритме слов,— писал Кон,— пытается вступить в царство действительности в штурмах народных масс. Крепко бьет то, что было ранее воздушной игрой ума, отвратительным и беспорядочным кажется то, что было до того прекрасным и стройным. Но как бы ни были отвратительны, неловки, неуклюжи члены молодого тела, оно неведомым путем растет. Достойная удивления красота окружает этих людей, которые обретают достоинство граждан — законодателей свободного строя... Победа еще не обеспечена,

¹ Ф. Шуман, Америка, Россия, Китай, «Новое время», 1958 г., № 49, стр. 9, 12.

могут быть многие кажущиеся поражения. Но все бесстрашнее и стремительнее убегает к далекому берегу дуга моста, устремляется навстречу будущему. А на расширяющуюся колею вступают все новые люди, все большие массы... Над опасными пропастями лежит их путь, грозят обвалы, бездна тьмы подстерегает внизу. Но будущее манит, страстная мечта зовет вперед. Новые, более молодые выходят в путь, создают и творят...»¹ Какие прекрасные, человеческие слова! И сравните с ними язык и мысли того же самого Кона в последние годы: Запад, вспоминая о колониализме, «незаслуженно страдает от мук совести», ему «нечего краснеть»! Какая глубина падения! Какой цинизм! Несколько раз читаешь и сравниваешь одни слова с другими и все равно не веришь, что их написала рука одного и того же человека!

Талант историка превратился в свою противоположность, бескорыстные поиски истины уступили место расчету, анализ фактов заменен распространением самых грязных и пошлых домыслов. Но некоторую оригинальность взамен утраченной Кон все-таки приобрел. В своем последнем труде «Двадцатый век. Вызов Западу и его ответ» он пишет, к примеру, что «беспрецедентный кризис», охватывающий все стороны жизни капитализма,— это вовсе не кризис, а ...«трудности юношеского возраста!»² Этот ответ корифея американской историографии, принявшего старческий маразм за недуг юноши, несомненно, войдет в историю как классический образец предельно тупой защиты капитализма.

И таким же рекордом непревзойденного профессорского тупоумия останется другой вывод Кона, сделанный им в «Основах» русской истории. В 1957 г.— году величайших успехов Советского Союза, профессор выразил надежду на то, что «возобновление» его современной истории заключается в ... возрождении того самого «полного партнерства с Европой», о котором кадеты мечтали полвека тому назад и о «благодетельных» плодах которого сам же Кон в своих прежних книгах писал: «Россия была (в 1917 г.— Авт.) типичным образчиком не столько современного национального госу-

¹ H. Kohn, Sinn und Schicksal der Revolution, S. 95—97.

² H. Kohn, The Twentieth Century, p. 271—272.

дарства, сколько почти колониальной страной, эксплуатируемой западным капитализмом при поддержке ее собственного правительства и высших классов»¹.

На нет, как говорится, и суда нет. Однако не будем в объяснении коновских откровений уподобляться самому Кону, который объяснял коренные факты русской истории недомыслием или возрастными особенностями интеллекта русских монархов. Тупость, а точнее отупение массы буржуазных ученых — явление не физиологического, а социального порядка. Их оболванивает официальный стандарт, запрет думать сверх предписанного, сама та задача, за которую они взялись: опровергнуть неопровержимое, доказать недоказуемое. Способности «великого американского социолога» расцветали в эпоху маккартизма, когда верноподданная профессура занималась не наукой, а подтверждением своей лояльности, думала не об истине, а о карьере². Кон вовремя почуял, какие блестящие перспективы сулит ему бизнес антикоммунизма. Заслужить в эти годы признание официального американского историка и сохранить уважение к объективным фактам было просто невозможно, и карьера Кона подтверждает, что это именно так. Далеко не всякому американскому историку выпадает честь именоваться «американским специалистом в области политики и истории», но Кон эту «честь» заслужил ценной фальсификации истории.

Профессор свидетельствует в своих трудах, что у истоков «западного национализма», в древнегреческом полисе граждане называли человека, стоящего вне политики, *idioticos* в противоположность *politicos* — человеку, занятому политикой. На примере самого Ганса Кона мы убеждаемся лишний раз, что в пору зрелости того же

¹ *H. Kohn*, *Basic History of Modern Russia*, p. 116. Сравни: *H. Kohn*, *Revolutions and Dictatorships*, p. 101.

² «В Америке, — пишет о той поре историк Фр. Шуман, — «холодная война» породила как в местном, так и в национальном масштабах «маккартизм» и угрожала в какой-то отрезок времени утопить все нормы благопристойности и здравомыслия в миазмах подозрения, страха и ненависти. Кроме самоубийств, несколько человек пали жертвами национальной истерии, включая супругов Розенберг, казненных за «атомный шпионаж» 19 июня 1953 г. Кроме того, сотни людей были оклеветаны, а тысячи лишились средств к существованию и были изгнаны с общественной службы по обвинениям в «коммунизме» и симпатиях к Советам». *Fr. Schuman*, цит. соч., стр. 403.

«западного национализма» для современного буржуазного «западного» общества характерно, пожалуй, совмещение этих понятий...

Завещание Франсуа Гизо и современная буржуазная историография

Связь между теми или иными общественными идеями и соответствующей политикой вообще неустранима в классовом обществе, установить ее всегда необходимо. Дело лишь в том, *какие* идеи с *какой* политикой связаны и *какова форма* этой связи. Эта форма может быть самой различной, иногда обнаружить такую связь очень трудно — настолько она скрыта — сознательно или бессознательно, иногда же ее обнаружить очень просто и легко.

«Великий» историк современности Ганс Кон любит сравнивать себя с великим историком прошлого Франсуа Гизо. Для такого сравнения действительно имеется одно основание. Общее у Кона и Гизо — тесная и *совершенно откровенная* связь политики и истории, их неразрывное единство. Но, признавая в данном отношении Кона продолжателем традиций Гизо, сделаем существенное дополнение. Связь между политикой и историей может быть двоякой. Одно дело — связь между прогрессивной политикой и историей, совершенно другое дело — связь между реакционной политикой и историей. Первая является важным условием существования и развития исторической науки, вторая — губит ее. Эта непреложная истина видна и в малом и в великом. Ее мы видели в эволюции Ганса Кона. Ее подтверждает история падения Франсуа Гизо.

Цель исторических работ Гизо, какой бы этап его деятельности мы ни брали, была всегда одна и та же: он обращался к фактам прошлого, чтобы помочь утверждению определенных политических идей и учреждений в настоящем. Но если молодой историк Гизо видел в фактах прошлого средство борьбы за традиции революции 1789 г., то старый Гизо — средство борьбы против этих традиций.

В 20-х годах XIX в. при всей своей симпатии к конституционному монархизму молодой Гизо, бывший в оппозиции к контрреволюционному режиму во Франции,

сказал в адрес дворянства замечательные слова: «Как, вы требуете от нас забыть нашу историю, потому что ее итог против вас!»¹ Он глубоко проник в суть событий, он понял, что отношения собственности вызывают классовую борьбу и определяют ее ход. Революция, писал он, была «борьбой ужасной, но законной»².

Между тем развитие классовой борьбы поставило перед победившей буржуазией новые вопросы. Если буржуазия имела право на свою революцию против феодалов и если эта революция была законной и справедливой, то почему бы и пролетариату не заявить о своем праве на законную революцию против буржуа? Выходит, что буржуазия сама дала пример пролетариату?

И на эти новые вопросы Гизо, превратившийся к тому времени в реакционного буржуазного политика, министра и главу контрреволюционного правительства, дает «новые» ответы. Он «поумнел», у него «раскрылись глаза». Революции 1640—1649 и 1789—1793 гг. становятся для Гизо случайным «беспорядком», классовая борьба — «бичом и позором». «Славная революция» в Англии — вот теперь «образец» революций, на которые Гизо еще согласен, вот событие, законность и закономерность которого он еще не отрицает. Если мы бросим общий взгляд на путь Гизо от начала XIX в. до его середины, свидетельствует историк политических идей Французской буржуазной историографии XIX в., то «перед нами предстанут как бы два Гизо: Гизо — апологет революции 1789 г. и Гизо — убежденный ее противник; Гизо — защитник единства третьего сословия и Гизо — лютей враг пролетариата; Гизо — политический вождь буржуазии, сводившей последние счета с дворянством, и Гизо — последовательный союзник дворянства; Гизо — идеолог буржуазии, создавший теорию классовой борьбы, и Гизо — целиком отвергнувший теорию классовой борьбы и объявивший ей войну»³.

Именно в годы борьбы с революцией Гизо выдвинул тезис о незыблемости национальных традиций. Но, подхватывая вслед за Гизо этот тезис, Ганс Кон не говорит

¹ Du Gouvernement de la France depuis la Restauration, 1821, р. XX.

² Там же, р. XXVIII.

³ М. А. Алпатов, Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в., М.—Л., 1949, стр. 120.

о том, что он был связан у старого Гизо с прямой фальсификацией исторических событий. Лучшее свидетельство тому — хотя бы «Введение» к I тому «Истории Английской революции», в котором знаменитый историк поменял на обратные все свои главные выводы и все свои принципиальные оценки. Из этой работы видно, писали Маркс и Энгельс, что «даже самые умные люди ancien régime, даже те, кому ни в коем случае нельзя отказать в своего рода таланте историка, до того сбиты с толку роковыми февральскими событиями, что утратили всякое понимание истории, даже понимание своих собственных прошлых поступков... Вся революция объясняется лишь злой волей и религиозным фанатизмом нескольких смутьянов, которые не захотели довольствоваться умеренной свободой... Там, где нити исторического развития Англии сходятся в один узел, которого г-н Гизо сам уже не может разрубить — хотя бы только для видимости — посредством чисто политической фразеологии, там он прибегает к религиозной фразеологии, к вооруженному вмешательству божества... От своей совести Гизо спасается при помощи бога, а от непосвященной публики — при помощи стиля»¹.

Гизо, как мы уже сказали, был не только историком, но и политиком. Он расправлялся с революцией не только на страницах своих книг, но и на улицах Парижа. И, подытоживая опыт своей теории и практики, он сказал в тех самых «Очерках по истории Франции», на которые ссылается Кон, известные слова: «Если история освещает политику, то политика в еще большей степени оказывает эту услугу истории. События настоящего проясняют факты прошлого»².

Но Гизо упустил в этой формуле одну «небольшую» деталь. Помочь освещению фактов прошлого действительно может политика прогрессивных восходящих классов, которых толкает к познанию истины их кровный интерес. Для старого Гизо, связавшего историческую науку с интересами отживающих реакционных сил, события настоящего только затемняли эти факты. И слова его стали своеобразным завещанием буржуазной исто-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, изд. 2, М., 1956, стр. 218, 221' 223.

² Essai sur l'histoire de France par M. Guizot, p. VI.

рической науке: фальсифицировать историю в угоду текущей политике.

Ганс Кон и его нынешние коллеги верны этому завещанию. Их «труды» подтверждают еще раз, что действительная потребность капитализма состоит не в науке, а в разработке собственных иллюзий, в извращении объективных представлений о мире, о своем противнике и о себе самом.

Требуется опровергнуть тот неумолимый факт, что развитие современного общества идет к социализму и коммунизму, и десятки томпкинсов, шульце, мейеров начинают развивать «теорию» противоположности исторических путей так называемого Запада и так называемого Востока. Требуется обосновать тезис о том, будто Россия Советская «подобна» царской России, что она является таким же «тоталитарным» государством, и баргурны, томпкинсы, коны и им подобные начинают выискивать «корни» русской государственности в самодержавии Ивана Грозного или Петра I, доказывать постоянство «русского духа», «единство национальных традиций» старого и нового Кремля. Требуется обосновать миф об «агрессивности русского коммунизма» и обнаружить «империалистическую политику» СССР — в ход идут «научные» хрестоматии по истории русского панславизма. Требуется представить ленинизм как специфически русскую религиозно-мистическую идеологию — и хейеры, филипы, чижевские превращают большевиков в наследников «славянофильства», находят уже у Хомякова, Достоевского и даже Иосифа Волоцкого «зародыши» ленинских идей. Требуется опорочить организационные принципы партии большевиков — и появляются труды раухов, даниельсов, шайбертов, шапиро, привязывающих к большевизму то «наследство» вроде нечаевщины или бакунизма, от которого он отказывался; и отказывающих ему в том наследстве, которое он развивал. Требуется отметить сорокалетие социалистической революции в России новой клеветой на социализм — и немедленно возрождается грязная провокаторская фальшивка о большевиках — агентах кайзеровской Германии, появляются иллюстрированные «фотодокументами» исследования мурхедов и земанов об Октябрьском перевороте, совершенном-де на «немецкие деньги».

Призванные извлечь «уроки прошлого», раскрыть «тайны» большевизма, десятки и сотни новейших специалистов по России оказались способными только на одно: повторение грязной веховской клеветы на большевиков, «расширенное воспроизводство» домислов русской буржуазии о ходе событий, своем противнике и себе самой. Выводы реакционных историков о русской истории, за какую бы тему они ни брались, известны им до изучения реальных фактов, они носят априорный характер, определены заранее. У всех этих «специалистов по России» одни и те же заказчики, одни и те же теории, одна и та же методика, одни и те же источники. Все их «новейшие» исследования скроены на один и тот же надоевший фасон. Официальная буржуазная историография России, представленная карповичами и леонтовичами, томпкинсами и баргурнами, мурхедами и десятками их коллег,— это поистине безликая историография, где отсутствует всякое подобие самостоятельной мысли, где царит один и тот же серо-грязный угнетающий шаблон. То, что пишет Стюарт Рамсей Томпкинс в своем «Русском духе», повторяет в своем «Духе современной России» и Ганс Кон; все выводы и умозаключения курса русской истории Карповича воспроизводят и коновские «Основы истории современной России»; если вы прочли одно исследование, одного «выдающегося» специалиста, вам известны заранее и «цитатный материал», и «методология», и выводы десятков и сотен других.

И все эти «специалисты» так же беззастенчиво фальсифицируют и препарируют факты, вырывают из закономерного развития явлений случайные примеры, ставят те же «отточия» на неугодных им событиях и делах, проводят такие же беспочвенные параллели и аналогии. У всех этих исследователей оказываются одни и те же источники: писания русских и зарубежных веховцев вроде Струве, Бердяева, Т. Масарика. И все они, по существу, руководствуются в исследовании «корней» большевистской революции словами своего духовного учителя веховца Бердяева из его книги «Русская идея»: «Меня будет интересовать не столько вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил творец (а точнее, сам Бердяев.— *Авт.*) о Рос-

сии... Эмпирически столь многое отталкивает в русской истории».

Ганс Кон и его коллеги точно следуют этой заповеди, и религия точно так же освящает их ложь. Конов эмпирически «отталкивает» преемственность коммунистов России с великой демократической и социалистической традицией Запада, и они приписывают Ленину то, что он никогда не говорил, извращают то, что он утверждал на самом деле. Их «отталкивают» достижения социализма, и они доходят до того, что вообще заканчивают историю современной России на 1917 г. Их «отталкивает» борьба колониальных народов за свое освобождение, и они готовы объявить «восточный национализм» нездоровым явлением. Их вообще «отталкивает» весь мир, который развивается не по их предписаниям, и вот они, будучи не в силах познать его законы, изменить ход вещей, создают в своих книгах другой, иллюзорный мир, по-своему перекраивают и перекрашивают его историю.

Подчеркнем еще и еще раз: нельзя думать, что вся современная буржуазная наука представлена только конами. Имеется немало буржуазных историков, защищающих капитализм не так примитивно, как Ганс Кон, отличающихся от Кона если не убедительностью, то изощренностью лжи. Есть и такие буржуазные ученые, которые не утратили уважения к фактам, в их трудах все заметнее становится расхождение между методологией и фактологией. Имеются, наконец, и такие, кто приходит к мысли об обреченности капитализма и несостоятельности буржуазного мировоззрения. Все больше представителей зарубежной исторической науки включаются в борьбу за мир. Несомненно, что за этими, последними, тенденциями — будущее.

Но пока еще они, коны, процветают и господствуют в официальной буржуазной науке. Эта наука и призвана разжигать ненависть между народами, поддерживать атмосферу «холодной войны», клеветать на коммунизм.

Воплощением этого слияния реакционной политики и лжеистории явились показательные эпизоды совсем недавнего прошлого. К визиту Н. С. Хрущева в США в сентябре 1959 г. одна из американских газет опубликовала выдержки из сочинения барона де Кюстина о

России, написанного более 100 лет тому назад («Россия в 1839 году»). Тогдашний вице-президент Никсон рекомендовал эту книгу американскому читателю в качестве руководства для понимания... современной России. Кто будет отрицать, что подобного рода «аргументы» доставляют реакционным американским политикам и столь же реакционной прессе «историки» вроде Кона, публикующего в своих хрестоматиях типа «Дух современной России» де-кюстинговские мемуары? Летом 1960 г. губернатор штата Нью-Йорк Рокфеллер «обнаружил» у Ленина и предал гласности в одной из своих речей следующие «характеризующие коммунистов» слова: «С помощью террора и аналогичных методов, измены, вероломства и отказа от всякой правды мы низведем человечество до покорного повиновения нашей власти». Разумеется, «ленинская цитата» оказалась на поверку жульнической подделкой, явив миру еще одно убедительное доказательство того, что на путь «отказа от всякой правды» встал отнюдь не коммунистический, а так называемый «свободный западный мир». Однако буржуазная печать нашла способ «спасти» пойманного с поличным губернатора, объявив, что хотя подлинность цитаты не установлена, она довольно точно воспроизводит «советский дух»! Но разве не пособия вроде конновского «Духа современной России» служили подспорьем Рокфеллеру и его подручным?

Эстафета реакции

Построение разного рода беспочвенных исторических параллелей — любимое занятие официальной буржуазной «россики». Сравнить исторические события разных эпох несколько не запрещается. Сравнить даже полезно для уяснения сути событий. Только сравнивать надо совсем не то и не так, как это делают Кон и его коллеги. Сравнимые явления должны быть сопоставимы, должна иметься общая социальная основа для сравнений.

Так, убедительную историческую параллель можно провести между политикой прошлых и нынешних империалистов и эксплуататоров, например, между реакционной политикой царской России XIX в. и нынешней

реакционной политикой США. Правда, здесь, как и во всякой параллели, помимо общего, есть и свои отличия: Россия была всего-навсего жандармом Европы, империалисты США претендуют на роль жандарма мира. Россия защищала умирающий феодализм, США защищают и умирающий капитализм и сгнившие полуфеодальные режимы. Но эти отличия ничуть не отменяют родства и сходства, оно существует не только в голове историка; но, как говорится, во плоти и во крови,— в виде реакционных союзов империалистической Америки с диктаторскими режимами, с политическим отребьем всего мира, вроде Франко, Трухильо, Чан Кай-ши... Даже Кон стал в последние годы сокрушаться насчет того, что «поддержка нами диктаторов в Испании и Латинской Америке ослабляет позиции Запада в борьбе с коммунизмом», разумеется, не желая признавать, что поддержка эта результат не только и не столько ошибок и просчетов, сколько выражение кровного родства реакции разных стран.

Дает определенные основания для сравнения политика нынешних западных колонизаторов и прежних русских крепостников. И те и другие столетиями угнетали и эксплуатировали одни «чужих», другие — «своих» рабов, русского закрепощенного мужика недаром сравнивали с черным африканским рабом. И колонизаторов и крепостников только революция или явная угроза революционного взрыва заставляла идти на «освобождение» рабов, и те и другие делали все, чтобы заменить старое, колониальное или крепостное, рабство новой кабалой. Русские крепостники, усвоив наконец-то принцип «лучше сверху, чем снизу», «освободили» в 1861 г. крестьян, «наделили» их землей. Но и полсотни лет спустя крестьяне не сумели выплатить свой «долг» благодетелям, а миллионы десятин лучшей земли по-прежнему оставались в помещичьих руках. А поскольку разоренное и ограбленное крестьянство продолжало борьбу, «освободители» стали кричать о его «черной неблагодарности», их идеологи создали специальные теории, согласно которым «чем более либеральным был самодержавный строй, тем более злобные инстинкты он порождал». Но не аналогичным ли способом «освобождают» ныне «сверху» бельгийские или французские колонизаторы народы Алжира или Конго, не подобные ли

теории разрабатывают ныне конь в своих «размышлениях» о колониализме? Разница лишь та, что русские крепостники сумели затянуть «освобождение» на добрые полсотни лет, их нынешним потомкам придется убираться из колониальных стран скорее: бывший африканский раб становится теперь демократом очень быстро, гораздо быстрее русского полукрепостного мужика, на его стороне поддержка могучих сил.

А разве нет определенного родства в старых и новых теориях противопоставления Запада Востоку? Внешне Кон и его коллеги выступают против самодержавного панславизма, отгораживавшего когда-то Восток от Запада. На деле они ближе всего к тем, от кого отреклись. Есть действительно кое-что общее в постановке проблемы Восток — Запад прежде и теперь, но только совсем не в коновском смысле.

Лет 100—150 тому назад противопоставление Востока и Запада выражало противоречие между феодализмом и капитализмом. Призыв «Не идите по пути Запада» означал: «Не покушайтесь на феодализм». Ныне призыв «Не идите по пути Востока» означает: «Не покушайтесь на капитализм». Но как удивительно похожи в остальном старые и новые реакционеры. Гансы конь лишней раз подтверждают общий закон всякой реакции — ее стремление отгородить народы своей страны и других стран от дороги прогресса.

Но сколько бы ни старались конь отгородить Запад от Востока, все их старания напрасны и бесплодны. История идет мимо конов и вопреки конам. История не знает ни «западного», ни «восточного» пути. Она знает только один, общий для всех народов и стран путь закономерного социального прогресса, перехода от отживших общественных форм, к новым, высшим: от феодализма к капитализму, от капитализма к социализму и коммунизму.

Способна ли реакция «познать врага своего»

«Что-то неладное происходит с нашей страной,— писал в своей книге «Война или мир» Д. Даллес — один из родоначальников «холодной войны» послевоенного периода.— Нам недостает истинной и динамичной веры,

а без нее нам мало что поможет». В этой связи он и заговорил о необходимости создания «общей стратегии наступательной идеологической борьбы». Первым принципом этой стратегии стал лозунг «познай врага своего». Враг — это, разумеется, коммунизм вообще, и в особенности Советская Россия. «Понять советскую коммунистическую доктрину нелегко, — отмечал Даллес. — Она отличается сложностью и требует довольно тяжелой умственной гимнастики. Но она имеет могучую власть над миллионами людей во всем мире. Если другие смогли ее понять, то, без сомнения, это не непреодолимо для умственных способностей американцев... Часовой механизм взрывателя замедленного действия, может быть, и сложен. Но если такой механизм придан бомбе, которая своим взрывом может отправить нас к праотцам, то на его изучение стоит потратить время. Ведь эти часы отсчитывают минуты, которые нам осталось жить»¹.

Заботы Даллеса о «познании» врага своего понятны: неотвратимо съезживается, сжимается, исчезает с лица нашей планеты капиталистический мир — мир эксплуатации, войн, колониализма, мир самого грубого и утонченного насилия, самой изощренной и открытой лжи. Понятно и то, почему история России занимает особое внимание буржуазных идеологов: она была первой в мире страной, где в схватке с буржуазией победил пролетариат, эта первая победа пролетариата сыграла в истории капитализма роковую роль. Казалось бы, случайное недомогание капиталистической системы оказалось на поверку ее смертельной болезнью, «локальное» поражение, нанесенное белогвардейцам и интервентам на полях России, обернулось поражением империалистов на континентах Азии и Африки, Америки и Европы. Но Россия не только первой вырвалась из буржуазного рабства. Преодолев огромные трудности, она первой готовится и ко вступлению в коммунизм, к тому, чтобы в ближайшем будущем обогнать самые передовые буржуазные страны в экономическом отношении. А это гигантски увеличивает силу притяжения коммунистических идей среди народов мира.

¹ *John Foster Dulles, War or Peace, N.Y., 1950, p. 6, 7.*

Буржуазия хотела бы «исправить» ход истории, вырвать победу у коммунизма, хотела бы научиться избегать поражений, сохранить свою власть и богатства. Поэтому она не может не обращаться к прошлому, не может не изучать его. Но буржуазия в то же самое время и не может учиться урокам истории, ибо история учит обреченности капитализма, ибо история против нее.

Эту неопровержимую истину великолепно подтверждает развитие нынешней буржуазной «россики». Колоссальные силы и средства были затрачены в последние годы в странах «свободного Запада» — США, Великобритании, Западной Германии на ведение «психологической войны», развитие таких специальных исторических наук, как «Sovietstudies» и «Ostforschung». С помощью правительственных субсидий и фондов Рокфеллера и Форда, Дюпона и Карнеги, в тесном сотрудничестве с Госдепартаментом и Форин-оффис были подготовлены сотни «специалистов» по России и Востоку. Им были обеспечены идеальные условия работы, открыты все возможности для публикации работ. Усилиями этих специалистов за самое короткое время была создана колоссальная литература, начиная от десятков монографий по отдельным проблемам «советоведения», сотен специальных статей в «научных» журналах и кончая тысячами публикаций в газетах и боевиках типа «Life» или «Time». Началось идеологическое «наступление» на коммунизм. «Специалисты» вступили в бой. Надо сказать, что они добились кое-каких количественных «результатов». Были изданы сотни и тысячи «пособий по коммунизму», десятки и сотни книг о Советской России. Был поднят невероятный шум о «победах». Появились тысячи похвальных рецензий. Последовали награды, повышения в чинах и званиях.

Но прошло немного времени, и стало ясно, что сознательный обман народа буржуазией превратился в самообман. Все успехи коммунистов оказались неожиданными для врагов. К изучению России добавилось исследование того, почему это «изучение» не приносит желаемых плодов? В буржуазной печати все явственнее зазвучал следующий мотив: мы планируем наступление против коммунизма, наступаем, кричим о наступлении и празднуем победы, но в конце концов обнаруживаем,

что в результате мы снова проиграли, а коммунисты «выиграли». Бурный «расцвет» современной буржуазной «россии» обернулся полнейшим бесплодием ее результатов. «Никто не разбирается в русских делах,— признался с горечью и негодованием американский генерал Туайнинг в 1956 г. по возвращении из СССР.— Разница существует только в степени невежества»¹.

Это признание подтверждает, что реакционеры в науке могут выполнять социальный заказ реакционеров в политике, но оказать существенную помощь последним они органически не способны. Какие бы средства ни вкладывались в развитие этой науки, она оказывается способной только на одно: «научную» разработку «мифов и басен, культивируемых сверху» (Шуман), «обоснование» домыслов, нужных для оправдания все той же реакционной политики.

Генерал смотрит на вещи так, как и положено генералу: что было бы, если бы во время войны разведка систематически сообщала командованию заведомо ложные сообщения о противнике и на основе этих «сведений» разрабатывались планы операций? Что было бы, если бы корректировщики огня давали каждый раз неверные координаты, благодаря чему устанавливался неверный прицел? Итоги таких операций и результаты подобного огня известны, это — проигранные сражения и бесполезная трата боеприпасов. Если остается возможность, то виновных наказывают.

Но кого наказывать в случаях непрекращающихся политических и идеологических просчетов буржуазии? Подлинная самокритика для нее немыслима, это — самоубийство, потому что дело совсем не в ее «умственных способностях», как казалось Даллесу, а в способностях социальных.

Собственно говоря, уже сама даллесовская постановка задачи сразу же предполагала и решение, причем ложное решение следовало из ложной же постановки. С самого начала задача сводилась не к «познанию коммунизма», не к «исследованию» его, а к поискам или фабрикации «фактов», подтверждающих заранее заданные «выводы» о том, что коммунизм — абсолютное зло.

¹ Цит. по кн. *Fr. Schuman, Russia since 1917*, p. VII.

Не изучать коммунизм, а лгать о нем, не исследовать, а клеветать на него — так надо понимать завет Даллеса. Так он и был понят и претворен в жизнь исполнителями его указаний.

Две главные идеи были положены в основу антикоммунистической пропаганды: Советский Союз, во-первых, агрессивен, во-вторых, нищ, так как все средства тратит на «вооружения», стремясь «насилием» покорить весь мир. Но время подтвердило два неопровержимых факта. Во-первых, самое искреннее миролюбие СССР. Во-вторых, огромные достижения, а еще более — неисчерпаемые возможности, перспективы социализма в повышении благосостояния народа. Возникло и все более растет противоречие между тем, что говорили реакционные политики и идеологи народам капиталистических стран о социализме, и тем, что народы видят воочию.

Десятилетия кони твердили, что коммунизм «агрессивен». Но вот люди увидели, услышали, узнали, что коммунизм, став и в военном отношении сильнее капитализма, по-прежнему предлагает ему мирное сосуществование, всеобщее и полное разоружение. Десятки лет кони твердили, что социализм — это нищета, что если коммунисты и смогли развивать тяжелую индустрию, то только лишая свой народ всего необходимого. Но вот спустя всего 10—15 лет после самой разрушительной в истории России войны «рабы коммунизма» поставили ближайшую цель: ввести самый короткий в мире рабочий день, добиться самого высокого в мире жизненного уровня. И народы капиталистических стран узнали об этом сами, без посредников, без «специалистов по России», а вопреки этим «специалистам». Ложь стала рассеиваться, возникла реальная угроза поражения сторонников «холодной войны». В их стане появилась растерянность, наметились расхождения. Они оказались на распутье, они попытались маневрировать, они сделали под давлением общественности шаг вперед, к политике мирного сосуществования, и тут же в силу своих классовых интересов — два шага назад, к политике «холодной войны». Они согласились на обмен американскими и советскими выставками, чтобы народы СССР и США ближе узнали друг друга, и сами же приурочили к визиту Никсона в СССР знаменитую (больше всего своей примитивностью) резолюцию конгресса США о «рабах коммунизма».

Они приветствовали встречу Д. Эйзенхауэра и Н. С. Хрущева и сами же отравляли международную атмосферу воинственными речами и клеветой на коммунизм. Они предлагали взглянуть правде «в глаза» и тут же организовали новый поход лжи. Об этом свидетельствует программа Никсона по борьбе с коммунизмом и его «пророчество», согласно которому «холодная война» между США и СССР будет длиться еще не меньше 50 лет. Об этом говорит также статья председателя «Радио корпорейшн оф Америка» Д. Сарнова в американском журнале «Лайф» (1 августа 1960 г.). Статья называется «Как повернуть течение холодной войны в пользу Америки». И пост автора, и тема, и содержание статьи заслуживают внимания. Д. Сарнов уведомляет человечество, что «Америка твердо решила выиграть холодную войну и тем самым уничтожить разрушительную мощь коммунизма, основой которого является Советский Союз...» Он ополчается против «идеализма» и призывает вернуться к политике Даллеса: «По-моему, сейчас нужны не какие-то приготовленные на заказ новые установки, а возобновление понимания прежних установок...» Сарнов горячо поддержал «законопроект о создании «Академии свободы», где будут обучаться «специалисты по холодной войне». «Можно или нужно было бы,— предлагает Сарнов,— создать какое-то новое министерство (очевидно, по геббельсовскому образцу.— Авт.), глава которого пользовался бы правами министра — члена кабинета, чтобы планировать и координировать всю деятельность, связанную с холодной войной». В заключение Сарнов требует увеличения ассигнований не только на вооружение, но и на идеологическую борьбу, уверяя американский народ, что жертвы окупятся.

Перед нами — проявление одного из тех бешеных метаний буржуазии, о необходимости трезвого учета которых писал Ленин. Истерическая ставка на силу ныне особенно нереальна: сейчас и в военном отношении коммунизм сильнее капитализма. Что касается идеологической стороны дела, то свое бессилие, бессилие лжи перед правдой признал и сам Сарнов: «Самые большие успехи коммунизм одержал еще до того, как Советская Россия создала бомбу... Советские преимущества были не военными и техническими, а политическими и психологическими».

Мы не знаем, будет ли создана «Академия свободы» или «какое-то новое министерство», но нет сомнения в том, что в любом случае эта затея, как и все прежние, обречена на провал. Буржуазия органически неспособна создавать «истинную и динамичную веру», неспособна «познать врага своего», даже если сам Ганс Кон станет «академиком» упомянутой «Академии» или займет крупный пост в указанном «министерстве», напишет еще два десятка трудов, доказывающих, что Запад «цветет», а Восток «гниет». И даже если бы были созданы сотни сарновских министерств и академий, а на субсидирование конов была затрачена половина бюджета США, если бы армия этих «специалистов» превысила вооруженные силы страны и около каждого американца — идеал покойного сенатора Джона Маккарти — кроме шпиона, стоял бы еще и «специалист» по антикоммунизму, все равно их усилия пойдут прахом.

Современный капитализм, желающий быть «единственным», «вечным» строем, сам торопится к своему концу. Буржуазия и ее идеологи обманывают не только народ, но и друг друга. Мало того, они сами знают об этом обмане. Конам и их хозяевам прекрасно известно, какой ценой еще удерживается капитализм от окончательного развала и чего стоят все коновские «открытия», тем не менее коны уверяют в своих «пособиях» буржуазию, будто она находится в «юношеском возрасте», а «омоложенная буржуазия» в свою очередь объявляет, что коны — «ведущие историки современности». Получается изумительная картина «расцвета» и капитализма, и его исторической «науки». И за каждым таким «расцветом» следует неминуемый очередной провал.

О реальных уроках русской истории

Между тем реальная история России могла бы многому научить современный буржуазный мир. Опыт мирового коммунизма, опыт русской социалистической революции — это действительно громадный и ни с чем не сравнимый по своей поучительности опыт.

Судьбы истории решают массы. Классы и партии, чей корыстный интерес противостоит интересам народа, рано или поздно сходят с исторической арены. Вся история

побед социализма за последние десятилетия была и остается наглядным подтверждением этой старой и вечно новой истины.

Именно эту элементарную, не требующую никакой «тяжелой умственной гимнастики», истину старался донести до сознания американского народа еще в 20-е годы замечательный интернационалист и патриот, борец за правду Джон Рид. «Не компромиссами с господствующими классами или с другими политическими лидерами, не примирением со старым правительственным аппаратом,— писал Рид в своей знаменитой книге «10 дней, которые потрясли мир»,— завоевали большевики власть. Но они сделали это и не путем организованного насилия маленькой клики. ...Единственная причина огромного успеха большевиков кроется в том, что они осуществили глубокие и простые стремления широчайших масс населения, призвав их к работе по разрушению и искоренению старого, чтобы потом вместе с ними возвести в пыли падающих развалин остов нового мира...»¹

Именно ту же истину выразил, как мы видели, и Ганс Кон в своей ранней работе «Смысл и судьба революции», когда писал: «Большевики всего-навсего воплощали программу народа, в этом заключалась их сила и их призвание. Только они совершили революцию, если под революцией понимать осуществление народных стремлений»².

Больше того, ценные признания о характере русской революции делали даже деятели русской буржуазии.

«Приходится, вообще, внести некоторую поправку в наше представление (т. е. представление буржуазных политиков.— *Авт.*) о пределах возможности для индивидуальной человеческой воли управлять такими массовыми явлениями, как народная революция...— писал вождь русского кадетизма Милюков в 1920 г., осмысливая уроки Октября и гражданской войны.— Если роль вождей (разумеется, вождей буржуазии.— *Авт.*) в собы-

¹ Джон Рид, 10 дней, которые потрясли мир, М., 1957, стр. 234. А. Вильямс в «Биографии Джона Рида» свидетельствует, какие трудности пришлось перенести Риду в Америке. Агенты министра юстиции пытались отнять у него все документальные материалы о русской революции, рукопись несколько раз пытались украсть из типографии, ему не давали возможности печататься в газетах, его арестовывали около 10 (!) раз. См. там же, стр. 345—361.

² Н. Kohn, Sinn und Schicksal der Revolution, S. 57.

тиях оказывается менее активной, то зато должно быть сильно исправлено и ходячее представление о пассивной роли инертной массы... Массы принимали от революции то, что соответствовало их желаниям... Отойдя на известное расстояние от событий, мы только теперь начинаем разбирать, пока еще в неясных очертаниях, что в этом поведении масс, инертных, невежественных, забытых, сказала коллективная народная мудрость... Когда мы будем подводить актив и пассив громадного переворота, через который мы проходим, мы, весьма вероятно, увидим то же, что показало изучение великой французской революции. Разрушились целые классы, оборвалась традиция культурного слоя, но народ перешел в новую жизнь, обогащенный запасом нового опыта, решивший для себя свой главный жизненный вопрос — вопрос о земле».

Ту же мысль Милюков повторил и в 1929 г. в своей книге «Республика или монархия»: «Когда мы теперь говорим, что народ сам решит свою политическую судьбу,— это не голая фраза, а признание факта, созданного двенадцатью годами непосредственного участия масс в народной революции».

Подчеркивая значение этих ценных признаний вождя русской буржуазии, сразу же оговоримся: Милюков остался врагом коммунизма. Он «прозрел» только тогда, когда все его открытые ставки на оружие и лож оказались биты. Он только заигрывал с правдой в целях «новой тактики», он пытался придать хотя бы видимость защиты народных интересов своей слишком откровенной контрреволюционной программе. От признания буржуазным политиком народных интересов на словах целая пропасть до их признания на деле — и русский кадетизм этой пропасти никогда не переступал, на дне ее он нашел свою могилу.

Но, хотя буржуазия не изменила с тех пор своей природы, появились силы, которые могут заставить буржуазию там, где она находится еще у власти, уважать народный интерес. И в познании этой необходимости буржуазным политикам мог бы действительно помочь опыт русской революции, опыт не в том его виде, как он подается «специалистами по России» вроде Кона, а опыт реальный, доля которого нашла, хотя и чисто внешнее, отражение в послереволюционных милюковских статьях.

Больше того, значение этого опыта буквально удесятится в наши дни, когда мирное сосуществование двух различных систем, соревнование между ними встало на «повестку дня».

Вопрос о мире был одним из главных вопросов, которые решили исход борьбы между русской буржуазией и пролетариатом. Мир был самой настоятельной и неотложной необходимостью для России в роковой для русской буржуазии 1917 год. От установления мира зависела тогда судьба России, ее будущее, судьба народа и государства. И в этом решающем вопросе русская буржуазия пошла по стопам царизма, предала свой народ. Ее классовый интерес и связи с международным империализмом заставляли ее продолжать бессмысленную бойню, калечить и губить сотни тысяч и миллионы людей. Напротив, интересы народа в этом ключевом вопросе с самого начала мировой войны и до ее конца выражали большевики. Для них лозунг мира не был ни лозунгом момента, ни приспособлением к настроениям масс. За мир они стояли и тогда, когда массы были охвачены мелкобуржуазным оборонческим угаром, поддались уговорам буржуазных политиков, и большевикам пришлось некоторое время идти вопреки настроениям обманутых масс. За мир большевики были и тогда, когда массы освободились от оборонческого угара и стали поддерживать большевиков. За мир большевики были и после взятия власти в свои руки. Недаром первым докладом Председателя рабоче-крестьянского советского правительства Ленина был доклад о мире.

Теперь, 40 с лишним лет спустя, история в еще большем масштабе, чем тогда, и в еще более острых формах ставит перед народами и правительствами старый вопрос: мир или война. Этот вопрос стал теперь вопросом существования не нескольких государств, а всего мира, он стал на повестку дня не в ходе войны, а до нее, ибо гигантское развитие средств уничтожения лишает людей возможности раздумывать над ним в том случае, если реакционные силы развяжут новый конфликт. Гибель десятков и сотен миллионов людей, опустошение государств и целых континентов — вот что ждет народы в этом случае.

Буржуазные идеологи всегда и везде обвиняли пролетариат и коммунистические партии в том, что они знают

только один путь, один способ свержения капитализма — путь кровавой насильственной революции, что они хотят навязать социализм штыками, войной.

Пролетариат и его партия считают, что история идет и к победе коммунизма и к социальной смерти капитализма. Строй, принесший человечеству кровавую эксплуатацию, бесчисленные войны и опустошения, обречен, победа коммунизма и поражение капитализма одинаково неизбежны. Сознание этой неодолимой закономерности входит, по-своему, даже в буржуазные умы, заставляя идеологов буржуазии подыскивать для своего гниющего общества новые, «свежие» слова: «свободное общество», «народный капитализм». Все это говорит не об изменении природы империализма, а о том, что он дожил до такого возраста, что боится взглянуть на себя.

Но прежде всего от самой буржуазии и ее политиков зависит то, каким путем — путем кровавым или бескровным, мирным или военным — произойдет в той или иной стране неизбежный революционный переворот. Когда большевистская партия в России взяла после Февраля курс на социалистическую революцию, Ленин говорил, что создалась «крайне редкая» в истории и «крайне ценная» возможность совершить в мирных формах этот переворот. Правда, эта возможность быстро исчезла: как только у буржуазии оказались в руках военные силы, она попыталась сломить революцию вооруженным путем и сама была свергнута в Октябре путем вооруженного восстания. Но, поскольку это пролетарское восстание было поддержано гигантским большинством народа, Октябрьская революция оказалась в то же время *самой бескровной* в истории революцией. Задачей большевиков было вовсе не физическое истребление своих противников «с помощью ЧК», как обычно описывают становление Советской власти нынешние «историки» вроде Кона, а мирное строительство новой экономики с привлечением к этому строительству буржуазных специалистов.

Кто же «выстрелил первым»? Кто начал гражданскую войну и интервенцию? Кто первым прибег к террору, как средству борьбы? Все это — исключительно и только дело рук российской и международной буржуазии, российской и международной реакции. Именно ее

идеологам и политикам принадлежит известный лозунг «задушить революцию костлявой рукой голода», выброшенный накануне Октября, им же принадлежит другой известный призыв: «удушить большевизм в колыбели», поднятый после Октябрьской революции.

Только характер ожесточенного вооруженного сопротивления буржуазии определил невероятно острые, кровавые формы гражданской войны, принеся небывалые страдания русскому народу. Но эти формы и методы утверждения Советской власти в России явились в данном случае особенным, а не общим в международном опыте пролетариата, и В. И. Ленин десятки раз подчеркивал это положение, говоря, что «в том государстве, где буржуазия не окажет такого бешеного сопротивления, задачи Советской власти будут легче, она сможет работать без того насилия, без того кровавого пути, который нам навязали господа Керенские и империалисты»¹.

Для коммунистов вопрос о мирном пути социалистической революции — это вопрос не просто тактики, а всего их гуманистического мировоззрения. Как сказано в Декларации Совещания коммунистических и рабочих партий, «рабочий класс и его авангард — марксистско-ленинская партия стремятся осуществить социалистическую революцию мирным способом. Осуществление этой возможности соответствовало бы интересам рабочего класса и всего народа, общенациональным интересам страны». Что же касается другой возможности — немирного перехода к социализму, то «степень ожесточенности и формы классовой борьбы в этих условиях будут зависеть не столько от пролетариата, сколько от силы сопротивления реакционных кругов воле подавляющего большинства народа, от применения насилия этими кругами на том или ином этапе борьбы за социализм»². Эти мысли подтверждены и в московском Заявлении Совещания коммунистических и рабочих партий.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 245.

² Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 ноября 1957 г. См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. IV, М., 1960, стр. 624—625.

Империализм своей природы не изменил. Однако изменилось соотношение сил между капитализмом и социализмом, что впервые создало возможность ограничить на международной арене агрессивные действия империалистов, навязать им мир. Империалистам волей-неволей приходится считаться с тем, что попытки уничтожить коммунизм, развязав новую мировую войну, приведут к их же собственной гибели.

И надо сказать, что первые проблески разума, того разума, которого были лишены вожди русской буржуазии или который посетил их слишком поздно, сейчас появляются у некоторых буржуазных деятелей Запада.

Среди них выявляются две тенденции, которые существуют объективно, независимо от того, что сами лица могут резко менять свои взгляды в ту или другую сторону. Представители первой тенденции, безраздельно господствовавшей в прошлом, господствующие, но находящиеся в явном кризисе теперь, стоят теперь за то, что нет иных путей борьбы с коммунизмом, кроме войны и лжи. Предельное выражение эта тенденция достигла в пресловутой политике с «позиций силы», уповании на мощь американского ядерного оружия, в столь бесславно провалившейся антикоммунистической истерии 1956—1957 гг. и срыве конференции «в верхах» в 1960 г.

Представители другой тенденции, не отказываясь от защиты капитализма и даже уверенные, что он, в конце концов, выстоит, признают правомерность и необходимость мирного сосуществования. Они учатся этой истине медленно и с великим трудом, учатся только под давлением народов.

Империалисты не упускают ни малейшей возможности, чтобы попытаться кровавым насилием подавить освободительное движение. Убийство национального героя Африки Патриса Лумумбы и его соратников, совершенное бельгийскими колонизаторами при активном содействии их партнеров по НАТО, расстрелы патриотов в Алжире, развязывание гражданской войны в Лосе, попытки экспорта контрреволюции на Кубу — все это достаточно ясно свидетельствует о том, какое оружие применяет реакция, если ее не обуздать.

Вот почему, будучи твердо уверенными в конечном торжестве дела мира, демократии и социализма, мы знаем, что оно победит только в трудной борьбе, которая потребует максимального напряжения всех сил.

Мирное сосуществование разных социальных систем будет в то же время их мирным соревнованием. Всеобщее разоружение, которое предлагают коммунисты, не означает их идейного разоружения. Мирное сосуществование двух систем не тождественно свертыванию идеологической борьбы между капитализмом и социализмом, эта борьба *еще более усилится* в то время, когда, говоря словами Маркса, «критика оружием» будет окончательно заменена «оружием критики». Однако «оружие критики» коммунисты понимают не так, как идеологи «холодной войны». Объективность доводов, очевидность фактов, сила примера — вот наше оружие в идеологической борьбе. Нельзя отказаться от решения спорных вопросов оружием и одновременно сохранять в качестве главного идейного оружия ложь, которая как раз и разжигает страх и ненависть, т. е. ведет в конечном счете опять-таки к войне. *Нельзя решать спорные вопросы ни при помощи оружия, ни при помощи лжи. Вот почему борьба за мирное сосуществование двуедина — это борьба и против войны, и против лжи.*

Если «перековать мечи на орала», если произвести всеобщее и полное разоружение и все те колоссальные средства, которые тратятся на войны, использовать на мир — какой невиданный скачок вперед сможет сделать человечество, как быстро исчезнут с лица земли голод, нищета, болезни. Если выбить из рук идеологов «холодной войны» их оружие — ложь, если все средства, которые тратятся ныне на поточную фабрикацию клеветы о странах социализма, направить на изучение правды о них — как близко узнают народы друг друга, как обогатят они свою культуру!

И это — вовсе не пустые мечты, бесплодные пожелания, утопии. Это теперь лозунги, за которыми стоят реальные силы, за которыми пойдут народы всех стран. *«Главная отличительная черта нашего времени, — говорится в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, — состоит в том, что мировая социалистическая система превращается в решаю-*

щий фактор развития человеческого общества... Наступило время, когда социалистические государства, образовав мировую систему, стали силой интернациональной, оказывающей могучее воздействие на мировое развитие. Появились реальные возможности решать важнейшие проблемы современности по-новому, в интересах мира, демократии и социализма»¹.

Борьба против войны и против лжи — эти две благородные задачи встают сейчас перед всеми мыслящими и честными людьми, ни один человек, чем бы он ни занимался, не может уйти от их решения. Беспробудным тупоумием или отвратительным фарисейством всегда были разглагольствования о «независимости» истории от политики, о том, что «истина» находится якобы «вне политики». Ведь политика ныне — это вопрос о существовании, о самой жизни сотен миллионов сегодняшних людей и неисчислимых миллиардов людей будущих. Как можно «не зависеть» от вопроса о жизни и смерти! Как может быть истина «вне» этого вопроса!

Вопрос всех вопросов — это борьба за мир, мирное сосуществование стран социализма и капитализма. Здесь ныне проходит основной водораздел между различными социальными силами, тенденциями, направлениями. Здесь ныне главный критерий общественного и научного смысла трудов любого деятеля, в том числе и историка.

Вся история человечества, история любого народа — это сильнейший аргумент за мир, а не за войну, не за вражду, а за дружбу между народами. Советские историки — за открытую, безусловную, тесную связь прогрессивной политики и науки, политики мира и объективной истории. Они — против открытого или замаскированного подчинения исторической науки реакционной политике, против лжеистории, служащей «холодной войне»!

Дружба США и СССР нужна не только американскому и не только советскому народу, она нужна всем народам мира. Разоблачение конов — условие этой дружбы. «В Америке есть силы, которые действуют против нас, против ослабления напряженности, за сохра-

¹ Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, М., 1960, стр. 8, 23.

нение «холодной войны»,— говорил Н. С. Хрущев после своего визита в США в 1959 г.— Закрывать глаза на это значило бы проявить слабость в борьбе против этих злых сил, злых духов. Нет, их надо обнажить, их надо показать, их надо публично высечь, их надо поджарить, как чертей на сковородке»¹.

¹ «Жить в мире и дружбе! Пребывание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в США 15—27 сентября 1959 г.», М., 1959, стр. 426.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы приоткрыли лишь одну страницу книги, которая называется «современная буржуазная наука». Но и за этой страницей нетрудно угадать, представить себе, что такое «свободное западное общество» с его борьбой противоречивых тенденций, с его добром и злом, с его правдой и ложью.

Каковы кони в жизни — официальной и повседневной, что они думают и чувствуют, когда ставят свои отточия, пишут свои книги, любуются блестящей обложкой своего очередного «труда», читают хвалебные отзывы и рецензии и получают гонорары, когда поднимаются по карьеристской лестнице, увенчиваются званиями докторов и профессоров, академиков и президентов научных обществ? С какими подлинными мыслями и чувствами читают они лекции студентам? Что говорят о себе при людях и что думают и знают о себе наедине? Каковы они, когда лгут сегодня там, где вчера говорили правду? Как относятся к людям? Как подводят итоги своей жизни? Во что верят, о чем мечтают, что сделали бы они в мире, будь на то их полная воля? Когда и как произошло их первое грехопадение в науке? Вопросов таких масса. Они очень интересны и очень важны. Однако здесь кончается область общественной науки и начинается область искусства и литературы. Здесь кончается область социологии и начинается область психологии. Цельная картина жизни буржуазной интеллигенции, ее плоть и дух давно и прекрасно изображены и изображаются в художественной литературе. Имеется немало замечательных произведений, в образах которых явственно проступают многие черточки Кона, его покро-

вителей, сторонников и противников. Вспомним хотя бы два романа, принадлежащих американским авторам: «Живи с молнией» Митчелла Уилсона и «Крупная игра» Джей Дайса. Герои этих романов Эрик Горин и Хауэлл Уинсли решали тот же вопрос, который встает так или иначе перед любым интеллигентом в буржуазном мире: можно ли совместить страсть к науке с подчинением ее реакционной политике и бизнесу?

Возможно, детали, подробности ренегатства Ганса Кона останутся тайной, известной только ему самому. Сущность его, общий характер художники уловили и изобразили давным-давно. Но искусство и общественная наука — два пути познания одного и того же предмета, жизни общества. Поэтому вполне закономерно, что точный научный анализ деятельности Ганса Кона дает и общественная наука — марксизм.

Марксизм для Кона и его коллег давно и безнадежно «устарел». Буржуазный историк не был бы самим собой, если бы не произнес этих традиционных слов, приступая вопреки всякой логике к тысяча первому опровержению «мертвого» врага и расчетливо предпочитая, как всегда, воевать не с самим марксизмом, а со своими измышлениями о нем. Нет такой стороны в марксизме-ленинизме, которую сумел хотя бы понять профессор Кон. И нет такой стороны в творчестве профессора, которая не получила бы исчерпывающей научной характеристики в трудах классиков марксизма. Они давным-давно, еще до рождения своего критика, нарисовали его точный портрет.

«Факты — упрямая вещь, говорит английская пословица, — писал Ленин. — Эта пословица особенно часто вспоминается, когда видишь, как иной писатель соловьем разливается по вопросу о величии «принципа национальности» в его разных значениях и соотношениях, причем применяется этот «принцип» по большей части столь же удачно, как удачны и уместны были восклицания известного героя народной сказки: «таскать вам не перетаскать» при виде похоронной процессии.

Точные факты, бесспорные факты — вот что особенно невыносимо для этого рода писателей и вот что особенно необходимо, если хотеть серьезно разобраться в сложном и трудном вопросе, сплошь да рядом умышленно запутываемом... В области явлений общественных нет приема

более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще хуже. Например, когда писатель, бывший в прежние времена серьезным и желающий, чтобы его считали таковым, берет факт монгольского ига и выставляет его как пример в пояснение некоторых событий в Европе XX века, можно ли это считать только игрой, или правильнее отнести это к политическому шарлатанству? Монгольское иго есть исторический факт, несомненно связанный с национальным вопросом, как и в Европе XX века наблюдается ряд фактов, столь же несомненно связанных с этим вопросом. Однако немного найдется людей — типа тех, кого французы зовут «национальными клоунами», — способных претендовать на серьезность и оперировать для иллюстрации происходящего в Европе в XX веке с «фактом» монгольского ига»¹.

Каждую строку, каждое слово этой блестящей характеристики можно с полным правом отнести и к нашему «законодателю теории национализма». Ведь это именно он, Г. Кон, бывший в прежние времена серьезным и желающий, чтобы его считали таковым, превратился ныне в «национального клоуна», политического шарлатана, играющего в примерчики, выхватывающего отдельные фактики, иллюстрирующего события в России XX в. «фактами» монгольского ига.

А разве не подтверждают все последние «научные» открытия профессора слова Энгельса о тяжеловозе обыкновенного буржуазного рассудка, застрявшем перед рвом, «...отделяющим сущность от явления, причину от следствия?»²

И не относится ли к Кону целиком и полностью указание В. И. Ленина насчет того, что «изгнание *законов*

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 265—266.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произв. т. I, стр. 330.

из науки есть на деле лишь *протаскивание законов религии*¹.

Когда Маркс писал о том, что в буржуазной общественной науке бескорыстные поиски истины сменились сражениями наемных писак, когда он говорил о падении Гизо, лишившегося всякого исторического разума, в том числе и разумения своих собственных поступков, когда Маркс восклицал: да не только короли уходят, но также и таланты буржуазии уходят², то ведь это было сказано и о нем, о Гансе Коне.

«Буржуазия все превращает в товар, а, следовательно, также и историю,— писал Энгельс.— В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии»³. Но разве история, как она пишется Коном,— это не тот же фальсифицированный товар?

Подобных характеристик можно привести еще очень много, но и приведенных вполне достаточно, чтобы перед нами, как живой, предстал Ганс Кон. Да, все это сказано о Гансе Коне, но не только о нем. Многие его коллеги узнают себя в этих характеристиках. И самое замечательное в том, что Маркс, Энгельс и Ленин обрисовали облик Ганса Кона, не зная его лично, но зная конов как социальное явление. Вот почему они «раскусили» всех прошлых, настоящих и будущих конов, обнажили их методологию, их отношение к фактам, предвидели их научную карьеру, показали причины вырождения науки в буржуазном обществе, где перед всяким ученым рано или поздно встает дилемма: либо рвать безоговорочно с интересами буржуазии, либо продаваться. Вот почему возникло такое, на первый взгляд парадоксальное, явление: «опровергнутые» Коном Маркс, Энгельс и Ленин, давным-давно, до рождения своего «критика», нарисовали его точный портрет, а с другой стороны, Г. Кон, желающий опровергнуть марксизм-ленинизм, на деле подтверждает его истину. Сможет ли когда-либо Ганс Кон понять этот парадокс?

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 182.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, изд. 2, стр. 223.

³ «Архив Маркса и Энгельса», т. X, 1948, стр. 104.

«В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам»,— писал о судьбе ученого Карл Маркс¹. Ганс Кон в пору своей молодости «тоже» отважился на штурм этих сияющих вершин. По проторенной тропе он взобрался на первый уступ, а затем, испугавшись собственного безрассудства, стал подумывать о безопасном спуске. Весь остаток жизни он тоже «карабкался» по каменистым тропам, но уже не вверх, а вниз, пока не очутился в болоте, откуда и пытается теперь забросить грязью те сияющие вершины, которых ему так и не суждено было покорить...

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, М., 1949, стр. 23.

Карякин Юрий Федорович
Плимак Евгений Григорьевич
МИСТЕР КОН ИССЛЕДУЕТ «РУССКИЙ ДУХ»
М., Соцэкгиз, 1961.
183 с.

Редактор *В. Антонов*

Младший редактор *М. Толокнова*
Оформление художника *Л. Ларского*
Художественный редактор *Н. Илларионова*
Технический редактор *Н. Ногина*
Корректоры *С. Новицкая, В. Фенина*

Сдано в набор 4 ноября 1960 г. Подписано в печать
17 марта 1961 г. Формат бумаги $84 \times 103\frac{1}{32}$. Бумажных
листов 2,87. Печатных листов 9,43. Учетно-изда-
тельских листов 9,7. Тираж 25000 экз. А02155.
Цена 22 коп. Заказ № 1111.

Издательство социально-экономической литературы
Москва, Ленинский проспект, д. 15.

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

22 коп.

с о ц э к г и з · 1961